

XX ФИЛОСОФЫ
ВЕКА

В.В.НАЛИМОВ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ

ФИЛОСОФЫ XX ВЕКА

*Отечественная
философия*

Е. В. ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА

В. В. ЖАЛИМОВ

Ответственный редактор серии
Е. В. Золотухина-Аболина

Издательский центр «МарТ»
Москва — Ростов-на-Дону

2005

ББК 87
З 81

Ответственный редактор серии
Е. В. Золотухина-Аболина

Золотухина-Аболина Е.В.

З 81 В. В. Налимов. — Москва: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005. — 128 с. («Философы XX века. Отечественная философия»).

Книга посвящена жизни и творчеству выдающегося отечественного ученого и философа Василия Васильевича Налимова. Это первое краткое и достаточно популярное изложение философского наследия В.В. Налимова, которое содержится в ряде его работ, вышедших в свет в 70–90-е годы XX века. В книге раскрываются эзотерические истоки оригинальной концепции языка и сознания, принадлежащей В.В. Налимову, описываются ее основные теоретические положения. Дается изложение понимания В.В. Налимовым судеб России, раскрываются его воззрения на Тайну мироздания. В конце книги приведены фрагменты работ В.В. Налимова, что позволяет читателю познакомиться с его стилем и приобщиться к его идеям непосредственно «из первых рук».

Книга предназначена как для философов-профессионалов, так и для самого широкого круга читателей, интересующихся отечественной философией.

ISBN 5-241-00568-4

ББК 87

© Золотухина-Аболина Е.В., 2005
© Оформление: ИКЦ «МарТ», 2005
© Оформление: Издательский центр «МарТ», 2005

ВВЕДЕНИЕ

Василий Васильевич Налимов (1910–1997) — необычный автор. На фоне множества философских публикаций, нередко представляющих собой слитную труднорасчленимую массу, его работы всегда выделялись «лица необщим выраженьем». Да, порой они могут шокировать, пугать математикой, представляться странными и даже скандальными — смотря кто и с каких позиций их читает — но во все времена книги Налимова были непрерываемым свидетельством яркости и оригинальности его личности. Василий Васильевич создал целый философский мир, свой интеллектуальный универсум, богатый образами, размышлениями, идеями. Быть может, этот философский универсум особенно интересен оттого, что, предлагая собственное видение действительности, автор ни на минуту не останавливается на достигнутом, не замораживает свои взгляды в качестве «истины в последней инстанции», а, напротив, постоянно задается все новыми и новыми вопросами (вопросы, как он убежден, сами по себе вносят новизну в наше мышление). Он неизменно повторяет в своих книгах, что вопросов у него больше, чем ответов, и это будит мысль читателя, заставляет пускаться вслед за ним в увлекательное мыслительное путешествие в поисках нового, вероятностного понимания реальности. В.В. Налимов с полным правом стоит в одном ряду с такими выдающимися представителями отечественной философской мысли как М.М. Бахтин, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, Л.Н. Гумилев.

В.В. Налимов — ученый энциклопедических знаний — явление столь редкое в современной официальной науке, где анализ и узость проблематики приветствуются куда больше, чем синтез и интегративное схватывание проблем. Однако работы Налимова показывают, что времена энциклопедистов не прошли, и в наше время тоже можно быть в равной степени сведущим в математике и философии, физике и эзотерике, в психологии и языкознании, сочетать естественнонаучные эксперименты с медитативным экспериментированием в рамках внутреннего мира. Налимов — син-

тетик по складу ума, он стремится свести воедино и объединить математику, философию и эзотерику, найти точки их соприкосновения и взаимного прорастания.

Примечательно то, что стремление к интеграции, казалось бы, совершенно разнородных вещей проявляется даже в стиле, которым выражены идеи Василия Васильевича. В его ярких, талантливых, всегда написанных от первого лица текстах соединяются строгость математика, строящего свою аксиоматику, и эссеистичность гуманитария, писателя, поэта. Отсюда же, из четко выраженного тяготения к интегральности происходит и обращение к позиции многих и многих авторов, на взгляды которых Налимов опирается в своих размышлениях. Это авторы, пишущие на разных языках и зачастую не переведенные на русский, но Василий Васильевич, владеющий тремя иностранными языками, способен вести диалог и с американцами, и с европейцами. Каждый автор представлен отчетливо и ясно, его позиция изложена и подтверждена его собственными словами, и из многих голосов, как современных, так и звучащих из прошлого, складывается единый хор, упрочивающий и подтверждающий точку зрения Налимова-исследователя, Налимова-интерпретатора. Именно Василию Васильевичу помимо прочих его заслуг мы должны быть признательны за знакомство с идеями Станислава Грофа и Кена Уилбера в те времена, когда в нашей стране их еще никто не знал.

Важно то, что Налимов — не догматический адепт воспринятого им учения и не его некритический пропагандист. Сам он пишет о себе : «Я не проповедую. Моя мысль свободна. Я преклоняюсь только перед свободой. Не принимаю насилия и власти. Боюсь больше всего глупости, судьбинно довлеющей над нами. Нам нужна сейчас мысль вольная, разномысленная, свободная от глупости» (6, 10). Для него важнее всего заинтересованный диалог философов, творческая атмосфера, возможность полета воображения, создающие разнообразие точек зрения. И еще важна реализация Делания.

Тема Делания (именно так, с большой буквы) постоянно воспроизводится в произведениях Налимова. Делание — это активность человеческой свободной воли, важнейшее проявление личности, это умение изменять положение вещей, создавая новые ситуации, порождая новое понимание старых истин. Делание не прекращается никогда, оно продолжается и после гибели физического тела — в новых планах бытия. Делание — лейтмотив работ В.В. Налимова.

Обратимся же к идеям Василия Васильевича Налимова, к его вероятностному видению Вселенной. Однако прежде нужно рассказать его биографию, ибо биография и творчество Налимова неразделимы, целый ряд развиваемых им позиций подсказаны ему непосредственно жизнью, общением, интеллектуальными и духовными контактами с людьми. О своей судьбе он прекрасно рассказал в автобиографической книге «Канатоходец», на которую я и буду опираться в своем описании его судьбы. Пусть автор «Канатоходца» отчасти расскажет свой жизненный путь собственными словами.

В.В. НАЛИМОВ: ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Я давно чувствую себя *канатоходцем*, и хорошо, если взмахивая руками, я еще слышу шум крыльев за спиной

В.В. Налимов

Василий Васильевич Налимов родился в 1910 году в Москве. Он происходил из интеллигентной семьи. Его мать, рано ушедшая из жизни, была врачом-хирургом, отец, первоначально работавший сначала фельдшером, потом преподавателем естествознания, впоследствии становится одним из выдающихся российских этнографов, профессором Нижегородского, а затем Московского университетов. Василий Петрович Налимов оказал огромное влияние на становление и развитие сына. В детстве он брал его вместе с другими своими детьми в этнографические экспедиции. Налимов-старший был зырянин (коми) и прекрасно знал народную жизнь, рассказывал своим детям легенды и сказки. Он был во многих отношениях необычным и талантливым человеком с особыми мистическими способностями, передававшимися в роду. «Василий Петрович рассказывал, — пишет об отце В.В. Налимов, — что его отец был колдун-знахарь, местный маг, владеющий астральными силами и стихиями природы. В его образе, нарисованном отцом, было что-то общее с Доном Хуаном в описаниях Кастанеды. Он рано умер, но память о нем сохранялась долго. И когда отец, уже профессором, заезжал иногда в родные края, то его неизменно почитали как колдуна. И в нем действительно иногда просыпался древний маг, умеющий мгновенно и безоглядно принимать решения, собирать энергию и обращать ее против противника... Невысокий, крепкий, он не терпел поражений и умел побеждать... пока не столкнулся с неумолимым роком своей Страны. Не победил, но и не дрогнул — не изменил себе, спорил и боролся» (1, 30.) В другом месте книги он говорит, что отец был «островитянином» — человеком, желающим сохранять свое право и право других на островное

существование в бушующем море жизни. Еще его можно было назвать анархистом, акратом — тем, кто не приемлет деспотическую власть и всегда занимает в жизни свою собственную нравственную позицию. Василий Петрович изучал народную магию и в чем-то всегда оставался язычником, в то время как мать Налимова была христианкой и привнесла в воспитание детей христианское начало.

Особо важным для Василия Васильевича оказался один из рассказов отца — зырянская легенда о паме Шипича. Для зырян пам — это народный герой, защищающий свой народ, он добр и могуч, способен повелевать стихиями и людьми. В одной из многочисленных версий легенды говорится, что пам жалуется своей подруге на тоску и печаль. Она удивлена и спрашивает, чего не хватает ему, которому все доступно и все покорно. Тогда пам говорит ей, что несмотря на все свое могущество, он не знает цели создания мира, не знает, зачем мы живём? И не оттого ли люди кидаются убивать друг друга, что не могут избежать этого ужасного вопроса?

Вопрос пама Шипича — это вопрос о смысле. Тема поиска смысла впоследствии стала главной темой философствования В.В. Налимова. Так же как тема магии и мага, которая получает в его работах самую разную трактовку. В «Канатоходце» он, человек, умудренный годами и большим опытом работы с людьми, пишет: «Почему мы, профессора, читаем лекции вместо того, чтобы раз и навсегда записать их на магнитные ленты? Ответ прост: мы каждый раз выступаем как маги, завоевывая аудиторию какими-то особыми, глубоко личностными приемами. У истоков нашей культуры стоял великий маг Христос» (1, 58).

А судьба отца Налимова, как и судьбы многих интеллигентных людей того времени, сложилась трагично. Уважаемый профессор, автор многих признанных работ, он был первый раз арестован в 1932 году, затем выпущен и вторично арестован в 1936 году, обвиненный в том, что он якобы участвовал в контрреволюционной буржуазно-националистической организации в Коми АССР. В 1939 году он скончался в Сыктывкарской тюрьме и лишь впоследствии был реабилитирован.

Но все это было позже. А детские годы Василия Васильевича прошли в Нижнем Новгороде и Питере — под оркестры и знамена идущей революции, которая несла с собой свободу и насилие. Затем семья — отец со второй женой и дети — переехала в Москву. Здесь Налимов учился в школе или, вернее, в школах, так как из-за неустойчивости педагогических структур их приходилось несколько раз менять. Но о школьных годах у него

остались самые теплые воспоминания: было много педагогов, которые поддерживали с учениками демократические дружеские отношения, так как пришли к педагогической деятельности по зову сердца. Это были думающие люди, которые не придерживались официальных программ, а рассказывали слушателям о том, что знали и любили. Кроме того, в 20-е годы еще не были изжиты революционные свободы, и ученики имели возможность отстаивать свои взгляды перед лицом наступающей единообразной идеологии. Скоро этим возможностям пришел конец. Но до определенного момента мысль могла свободно развиваться как в образовании, так и за его пределами. «Творческая интеллигенция, принявшая революцию, — пишет Василий Васильевич, — пыталась включиться во вновь открывшуюся реальность жизни. Одни оказались на театральных подмостках или в необычных оркестрах..., другие — в писательской среде, третьи — в обычной среде, в школе или даже на рабфаке; открыто стали выступать толстовцы и философски ориентированные анархисты; распалась на две части церковь, а в широкой народной массе возродился дух вольного сектантства» (1, 120). Во время школьной учебы Налимов обрел друзей, которых вспоминал потом всю жизнь.

1928 год был для Василия Васильевича годом самообразования, когда он готовился к поступлению в университет. Он сам разработал программу своих занятий и изучал гуманитарные науки: древнюю и классическую философию, историю, литературоведение, занимался восточной философией, читал работы теософов и антропософов. Параллельно этому изучал три иностранных языка — французский, немецкий, английский, потом это знание языков сыграло значительную роль в его жизни и творчестве.

Большую помощь в самообучении ему оказывали его неофициальные учителя и духовные наставники — А.А. Солонович и люди его ближайшего окружения. Особое внимание уделялось литературе по раннему гностическому христианству.

Уже в старшие школьные годы судьба тесно связала В.В. Налимова с движением мистического анархизма. Друг Ион Шаревский пригласил его как-то в Кропоткинский музей на лекции, которые читал Алексей Александрович Солонович — математик и лидер этого мистического направления.. Он был, в свою очередь, учеником и сподвижником Аполлона Андреевича Карелина, возглавлявшего небольшую группу анархистов ВЦИКа. Мистический анархизм не являлся политической партией, у него не имелось чет-

кой программы и однозначной идеологии. Скорее всего, это был даже не анархизм, а утверждение идеи ненасилия. При этом революция принималась как естественный ход вещей, и речь шла о том, чтобы она не породила новое насилие. Вопрос о создании партии обсуждался, но она так и не была создана мистическими анархистами, и А.А. Солонович резко выступал против создания партии «ленинского типа» — это уничтожило бы саму анархо-мистическую идею свободы и акратии.

Чтобы было понятно, какими идеями руководствовался всю жизнь Василий Васильевич, что стало для него путеводной нитью, нужно хотя бы коротко рассказать об основных положениях мистического анархизма. В 20-х годах XX века в России мистический анархизм носил разные названия: Братство Параклета, Орден Духа, Орден Света, Орден Тамплиеров, — от его деятельности не осталось практически никаких документов, ибо содержание учения, восходящего к гностической традиции, передавалось изустно в виде легенд, носящих метафорический характер. Сама передача метафорических историй от Учителя к Ученикам выступала как таинство. Важнейшие положения были таковы: человек должен знать о своей духовной сущности, должен понимать, что он — бессмертный дух. Главный грех — не послушание Адама, а незнание себя. Вся Вселенная — громадное скопление существ, стоящих на разных уровнях совершенства, а высоко над ним находятся сверхчеловеческие духи, называемые зонами. Познанию сути мира мешает страх, познанию себя — стыд, но эти «стражи порога» могут быть преодолены, если преодолеть их истоки — эксплуатацию, власть и ложь. Духовно одаренные люди — пневматики (в терминологии гностиков) должны быть глубоко ответственны за происходящее в мире, они не отступают от своих убеждений даже в трагических обстоятельствах и готовы на самопожертвование во имя принципов.

Поскольку мистический анархизм исходил прежде всего из древних гностических идей, он неизбежно по ряду вопросов вступал в конфликт с православием. В «Канатоходце» В.В. Налимов указывает на ряд моментов существенного расхождения этого гностицизма современности с каноническими православными представлениями. Во-первых, с точки зрения мистических анархистов православие, опирающееся только на молитву, призывает человека к пассивности. В противоположность ему гностическое христианство ставит во главу угла принцип Делания, где Делание понимается как стремление к справедливости, прежде всего к социальной

справедливости. В соответствии с этой установкой мистические анархисты вошли во Всероссийский центральный исполнительный комитет в качестве наблюдателей и пытались хоть как-то повлиять на политику с целью смягчить революционный террор.

Во-вторых, в отличие от православия, мистические анархисты критически относились к каноническим евангелиям и архаике, присущей русской церкви. Они опирались на апокрифы и отстаивали идею реинкарнации.

В-третьих, резко разнятся у православных и у мистических анархистов отношение к власти. Православие опирается на положения Ветхого Завета о том, что Яхве есть Бог богов и владыка владык, он велик, силен и страшен, ему надо служить от сердца и от души. Апостол Павел восхваляет высшую власть, «ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены». Именно этих утверждений не разделяло гностическое христианство. Опираясь на апокрифическое Евангелие от Иоанна, мистические анархисты считали власть демоническим началом, а принцип насилия отвергали. Отсюда четвертый момент: возможность выхода за пределы первоисточников. Если православие догматично и не отступает от Священного Писания, то мистический анархизм предполагал множество свободных интерпретаций учения, не конфликтующих друг с другом. Мистический анархизм отстаивал личную свободу и ответственность высокодуховных индивидуальностей.

В.В. Налимов поступает в Московский университет на физико-математический факультет, уже будучи причастным этому учению гностического христианства. Да и поступает он туда не потому, что любит решать задачи, а потому, что из лекций А.А. Солоновича вынес мысль о необходимости математически представлять философские размышления, говорить о философских проблемах на языке математики. Впоследствии подготовка по физике сыграла большую роль в судьбе Василия Васильевича: эта наука, имеющая прикладные аспекты, помогла ему в лагерях, на Колыме, так как специалисты по физике были там востребованы, а чистые математики никому не нужны.

В свой университетский период В.В. Налимов впервые столкнулся с беспощадностью социально-политической машины Советского государства, которая вытесняла и отбрасывала все, что представлялось своеобразным и оригинальным, выходило из ряда вон. Именно тогда Налимов

становится, по его же собственным словам, «канатоходцем» — человеком, который постоянно рискует, «идет по проволоке» в отношениях с миром, вступает в конфликт с конформным и одновременно агрессивным окружением. В университете было намеренно организовано «классовое расслоение», когда студенты пролетарского происхождения, как правило, менее грамотные и образованные, противопоставлялись студентам из интеллигентных и обеспеченных семей, которые объявлялись «буржуазными прихвостнями». Налимов — следуя своему принципу справедливости — заступился за одного из таких гонимых, в результате чего сам стал объектом травли, и ему пришлось уйти из университета, не доучившись. Оставить официальную учебу ему посоветовал отец — профессор географического факультета того же университета. Он сказал сыну: «Если есть голова на плечах, сам научишься всему», и время показало, что он был совершенно прав.

Первую половину 30-х годов В.В. Налимов работал сначала во Всесоюзном электротехническом институте, а затем в Институте контрольно-измерительных приборов. Он занимал должность лаборанта, а потом инженера-лаборанта в фотоэлектронной лаборатории. Здесь он познакомился с фотоэлектронным эффектом, с оптикой, с действием вакуумных установок. «С этим новым для меня миром, — пишет Василий Васильевич в автобиографической книге, — я освоился быстро. Понял, что задача здесь имеет опять-таки алхимическое звучание: физик-экспериментатор выступает в роли Демиурга, достраивающего то, что потенциально заложено, но не проявлено в обычных естественных условиях существования мира. Это была игра, так как не все задуманное и теоретически обоснованное оказывалось правильно угаданным» (1, 135). Работая в Институте контрольно-измерительных приборов, Налимов прошел первую аттестационную комиссию, которая дала ему право на защиту кандидатской диссертации без окончания высшего учебного заведения.

Вся эта на первый взгляд относительно спокойная научная и творческая жизнь протекала на фоне нагнетающихся социальных событий: в стране начинались массовые аресты, под угрозой мог оказаться любой человек, и прежде всего люди активные и мыслящие. В 1930 году был арестован А.А. Солонович, и духовным развитием В.В. Налимова продолжила руководить Агния Онисимовна Солонович, которая относилась к нему как к сыну. 1932 год — первый арест и возвращение отца. Но поистине роковым стал 1936 год, окончательно разрушивший хрупкое

благополучие: тогда был второй раз арестован и погиб в застенках Василий Петрович Налимов, а все движение мистического анархизма оказалось разгромлено. Как было принято в те времена, членам движения предъявили обвинение в контрреволюционном заговоре. Был арестован в третий раз и умер в тюрьме, объявив голодовку, Алексей Александрович Солонович. Агния Онисимовна тоже была арестована, она не признала ни одного из предъявленных ей обвинений, не назвала никого из товарищей. На большинство задаваемых следователем вопросов она отвечала: «Являясь убежденной анархисткой, я отказываюсь отвечать на этот вопрос по морально-этическим соображениям». 22 октября 1936 года следователь пришел арестовать В.В. Налимова. Так начались его восемнадцатилетние скитания по неприветливой родной стране, лагеря и ссылки, надолго отодвинувшие возможность заниматься наукой и вообще интеллектуальной деятельностью, сделавшие его социальным изгоем, что отзывалось в его сердце болью и тогда, когда все невзгоды остались позади.

Налимов выдержал около тридцати допросов, на которых его пытались склонить к очернению близких друзей и соратников по мистическому анархизму, но он с честью выдержал это нелегкое испытание и не признал никаких обвинений в заговоре, в наличии контрреволюционной организации (тем более, что таковой никогда не существовало!). Он соглашался лишь с тем, что обсуждал в кругу знакомых идеи ненасилия М. Ганди и читал стихи М. Волошина, которые имеются в библиотеках и вовсе не запрещены. Ему приходилось обороняться практически одному, так как некоторые из его товарищей отказались давать показания, а иные сломались и признали себя виновными. Их расстреляли, а ему был прямой путь в Колымский край.

Бутырская тюрьма, сибирский тракт, тяжелейшая работа на золотоносных приисках, лесоповал — вот судьба, которую пришлось вынести Василию Васильевичу Налимову — эзотерику, математику и философу. Его спасало крепкое природное здоровье, умение находить общий язык с самыми разными людьми, в том числе и с уголовниками, вместе с которыми приходилось жить и работать, да еще привычка к медитации, приобретенная в юности. Именно медитация помогала ему в короткие свободные минуты сливаться с могучей колымской природой, напитываться ее силой и красотой. Кроме того, судьба, принеся ему непомерные испытания, все же хранила его. Ему дважды удалось избежать истощения, превращения в «доходягу» и неминуемой смерти. Впоследствии он напишет: «И я уже потом

понял, что выжить в лагере может только тот, кто не смирился с мыслью о том, что он стал, как это ему внушали, сталинским рабом» (1, 205). Налимов — противник всякой деспотической власти и «пневматик» по духу, рабом себя никогда не чувствовал.

В октябре 1941 года Налимов был переведен с лесоповала на Оротуканский завод горного оборудования, где оказались востребованы его знания и умения практического физика. Скоро он стал выполнять там обязанности заведующего лабораторией — ему приходилось принимать ответственные решения в области химии, металлургии, металлостроения и обосновывать эти решения. Нужных материалов и оборудования не было в силу обстоятельств военных лет, приходилось применять изобретательность, хотя каждая ошибка при этом грозила расстрелом. Вскоре он уже официально был назначен заведующим, потому что получил освобождение, правда, с запретом покидать Колыму до окончания войны. Работа заведующего была нелегкой: приходилось лавировать среди смешанного коллектива: вольнонаемных и заключенных, сталкиваться с «ворами в законе», уметь наладить дисциплину среди людей, принципиально не желающих работать, бунтующих против любого порядка. Приходилось заниматься бытом, личными отношениями многих людей, оторванных от своего крова, осужденных, потерянных. Но он научился всему и стал уважаем в этом странном полувоенном-полууголовном мире, с которым на ряд лет связала его жизнь.

Лишь летом 1947 года В.В. Налимов покинул Колыму вместе со своей первой женой Ириной Владимировной Усовой, приехавшей к нему из Москвы. Ирина Владимировна была, как говорил об этом сам Налимов, таким же, как он, «обломком кораблекрушения», частицей прошлого в безумном мире тоталитарного государства. Она происходила из интеллигентной семьи, также пострадавшей от революции, и не принимала ничего большевистского. Не имея возможности получить высшее образование, она, окончив техникум, стала лесопатологом, хотя имела выраженную склонность к поэзии, хорошо ее знала и сама писала стихи. Ее сестра была одно время близкой подругой поэта Даниила Андреева, за что и была потом репрессирована. Отрицание Ириной Владимировной советской реальности было так велико, что она не захотела иметь детей, чтобы не рожать «рабов для партии». Впоследствии этот момент сыграл роль в ее разрыве с В.В. Налимовым, но сначала они вместе странствовали по стране в поисках работы.

Василий Васильевич работал в Самарской дуге, затем в Усть-Каменогорском филиале Геофизического треста, но в 1949 году его снова арестовали и отправили на вечную ссылку в город Темиртау Карагандинской области. Тут — уже расконвоированный — он устроился работать инженером-исследователем центральной лаборатории Казахского металлургического завода и развернул широкую деятельность по освоению спектральных методов анализа в металлургии. Именно здесь Налимов впервые занялся статистической обработкой материала по разным видам анализа вещества, а результаты опубликовал в престижном московском журнале «Заводская лаборатория». Правда, в какой-то момент ему как сосланному предложили подписывать статьи чужим именем, но вскоре выяснилось, что ссыльные имеют право печатать статьи неполитического характера. Работая в промышленности, В.В. Налимов мог непосредственно наблюдать всю абсурдность забюрократизированного планового хозяйства, требовавшего перевыполнения планов в ущерб реальной эффективности.

В 1953 году, после смерти «отца народов» И.В. Сталина пришла амнистия, и В.В. Налимов снова смог вернуться в Москву. Теперь он работал в ВИНТИ — Институте научной информации АН СССР, первоначально в должности младшего научного сотрудника — редактора в отделе «Оптика». Его поддержал профессор Э.В. Шпольский, давно знавший Налимова и оценивший его способность реферировать статьи на трех европейских языках. В феврале 1957 года Василий Васильевич защитил кандидатскую диссертацию по теме «Дифференциальное изучение ошибок спектрального и химического анализа с применением методов математической статистики».

Диссертация базировалась на материалах, полученных еще в Темиртау. Первая трудность при защите была связана с тем, что у соискателя не было законченного высшего образования, но аттестационная комиссия вновь подтвердила ему некогда данное право претендовать на степень без окончания вуза. «Вторая трудность», — пишет Василий Васильевич, — состояла в том, что центральным моментом диссертации было применение математической статистики. Открыто предлагалось вероятностное понимание измерительных процедур в физике и химии. Это означало признание случайности в науке, что противоречило повелевающему лозунгу Е.Д. Лысенко: «Наука — враг случайности». И, наконец, третья трудность — я был тогда еще не реабилитированный, а лишь прощенный

контрреволюционер» (1, 242). Получение кандидатской степени наконец-то открыло В.В.Налимову путь в большую науку. И в 1969 году при поддержке и содействии друзей С.М. Райского и Н.А. Райской выходит его оригинальная и по сей день востребованная работа «Наукометрия» (в соавторстве с З.М. Мульченко).

До этого еще в 1966 году В.В.Налимов участвовал в советско-польском симпозиуме, проходившем во Львове и посвященном изучению науки. Он выступал там с докладом о математическом моделировании процессов в науке, говорил о соотношении научных результатов с количеством научных сотрудников, занятых проблемой, обратил внимание участников на отмеченную Д. Прайсом особую форму организации науки — неформальные объединения («незримые коллективы»). После симпозиума последовал целый ряд публикаций В.В. Налимова, написанных совместно с его аспиранткой и единомышленницей З.М. Мульченко и посвященных наукометрии — науке о науке (есть мнение, что сам термин «наукометрия» принадлежит В.В. Налимову). Собственно, задача наукометрии виделась в открытии таких закономерностей функционирования науки, познание которых позволило бы повысить эффективность научных исследований.

Монография «Наукометрия» отчасти подводила итог ранее проделанных им исследований, отчасти выдвигала новые идеи и подходы. Прежде всего, там был разработан статистический анализ информационных потоков, который возможен для узких областей знания, связанных с количественными измерениями. В работе были также даны модели изучения внутренних связей в науке по библиографическим ссылкам. Еще одна проблема, получившая обсуждение в книге, — степень взаимной связанности публикаций и обновление целостного фронта научных исследований. В частности, речь шла о скорости старения публикаций в науке, о выявлении периода их полустарения (как выяснилось, медленнее других старели публикации по математике и в описательных науках — геологии и ботанике). В монографии помимо прочих разработок приводился пример всестороннего статистического анализа одного научного направления: были построены кривые роста публикаций и распределения работ по странам и языкам, выяснены источники финансирования. Наконец, в «Наукометрии» обсуждались проблемы логического анализа прогнозирования: что можно прогнозировать в науке и на какие сроки. В заключении монографии авторы

поставили вопрос о создании специального центра для статистического изучения развития науки.

К моменту выхода в свет «Наукометрии» Василий Васильевич уже был реабилитирован (1960 г.), работал в МГУ (с 1965 г.), за спиной остались шесть лет работы в Государственном институте редких металлов (ГИРЕДМЕТ). Работая в ГИРЕДМЕТе, он увлекся новым направлением — математическим планированием эксперимента, применением математики в аналитических и технологических задачах. Планирование эксперимента стало одним из направлений его деятельности. В 1963 году в Институте метрологии Налимов защитил докторскую диссертацию по теме «Методологические аспекты химической кибернетики» и получил степень доктора технических наук.

В МГУ В.В. Налимов работал в организованной Андреем Николаевичем Колмогоровым межфакультетской Лаборатории статистических методов в должности заведующего Отделом математической теории эксперимента. Лаборатория была создана как небольшой институт — с рабочими помещениями, хорошей библиотекой и читальным залом, с большой аудиторией, с помещением для ЭВМ. В распоряжении сотрудников находились отечественные и зарубежные научные журналы. Задачей лаборатории являлась дальнейшая разработка вероятностно-статистических методов, их пропаганда и внедрение в научную, инженерную и медицинскую практику, издательская деятельность, проведение конференций и теоретических семинаров. Ректор МГУ И.Г. Петровский пристально следил за работой лаборатории, содействовал ее деятельности. Большое внимание уделялось теме планирования эксперимента. Однако после внезапной смерти И.Г. Петровского лабораторию расформировали, разбросав ее сотрудников по разным кафедрам. Так В.В. Налимов оказался на биологическом факультете в качестве заведующего лабораторией математической теории эксперимента.

В новой ситуации вероятностные статистические методы необходимо было обратить к изучению живого, найти новые ракурсы исследований, определиться с постановкой нетривиальных задач. Сам В.В. Налимов пишет об этом времени: «Надо было взять какой-то наиболее важный аспект живого и попытаться рассмотреть его, обращаясь к математическим представлениям. Я выбрал объектом исследования *сознание* как наиболее серьезный и в то же время наиболее понятный нам объект живого. Этот выбор соответствовал и моим прежним философским ин-

тересам» (1, 294). Над этой темой он работал с небольшой группой сотрудников, среди которых оказалась Жанна Александровна Дрогалина — лингвист, переводчик и талантливый человек, она стала второй женой В.В. Налимова, его верным другом, вдохновителем и помощником.

Теперь Василий Васильевич, огражденный причастностью к биологии от агрессивной критики догматических философов, привыкших повторять азы марксизма, смог заняться темой, волновавшей его с юности — темой смыслов. Еще в 1974 году вышла его книга «Вероятностная модель языка», теперь она была переиздана в дополненном и расширенном варианте. В начале 80-х годов за рубежом при содействии Юджина Гарфилда, Президента Института научной информации в Филадельфии, вышли четыре книги В.В. Налимова философской ориентации в переводе на английский: «Вероятностная модель языка» (1981), «Облик науки» (1981), «Реальность нереального (в соавторстве с Ж. Дрогалиной) (1982)», «Пространство, Время и Жизнь. Вероятностные пути эволюции» (1985). Дело было до перестройки, и книги эти (кроме «Вероятностной модели языка») не могли выйти в России. Ввиду запретности их не брало к изданию ни одно отечественное издательство, однако было дано «разрешение на вывоз», что и позволило книгам выйти к зарубежному читателю. Лишь в начале перестройки появляется на русском языке одна из наиболее ярких работ В.В. Налимова — «Спонтанность сознания» (1989). Интересно, что переиздать эту книгу за рубежом не удалось. Гарфилд к тому моменту продал свое издательство, а другие издатели отказались ее публиковать, мотивируя свой отказ тем, что книга касается слишком многих проблем, а их тематика — монопрофильна.

Перестройка дала Василию Васильевичу возможность неоднократно побывать за рубежом, так в 1988 году он участвовал в Международном конгрессе «Духовность и природа» в Ганновере, в этот же период вместе с Жанной Дрогалиной он познакомился с направлением трансперсональной психологии, которое оказалось созвучно его интеллектуальному и духовному настрою. Впрочем, зарубежная жизнь явилась ему не только со своими плюсами, но и с минусами. «...Общий фон зарубежной жизни, — пишет он, — поражает своей погруженностью в комфорт. Жизненный комфорт довлеет надо всем. Раньше мне думалось, что там, по ту сторону барьера, мы увидим духовный поиск такой же напряженности, как это было в нашей стране в 20-е годы. Но нет, этого не произошло» (1, 300). В последние годы жизни Василий Васильевич много размышлял и писал о судьбах

России, о путях западной культуры, никогда не оставляя главной для себя темы смыслов. Он покинул этот мир 19 января 1997 года, ушел, оставив целый ряд незавершенных рукописей, множество мыслей, которые теперь старается донести до нас Жанна Дрогалина, занятая все последние годы работой по изданию прежде не известных трудов Налимова. В этом смысле он и сегодня остается с нами — своими книгами, идеями, смелыми теоретическими построениями. Василий Васильевич верил в бессмертие человеческой души. «Я верю в многократность повторных рождений, — писал он в «Канатоходце». — Не просто верю, а знаю об этом из внутреннего глубинного опыта» (1, 102). Что же, все возможно. Возможно, он и сейчас смотрит на нас из тонких планов бытия и работает над новыми исследовательскими сюжетами, ибо тема смысла — неисчерпаема, за пределами земного бытия она так же актуальна, как и здесь, в грозном и прекрасном эмпирическом мире.

ВЕРОЯТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКА

Стремясь раскрыть основные темы философского творчества Василия Васильевича Налимова, я вполне отдаю себе отчет в том, что сделать это в рамках одной небольшой книги в полной мере невозможно. Сам Василий Васильевич считал, что оригинальные произведения — научные и художественные — могут быть восприняты только как целое, как оригинальное и неповторимое единство, включающее в себя весь арсенал приводимых доказательств, примеров и важных подробностей. Для такого восприятия следует читать самого автора, видеть особенности его стиля, следовать за ним от одного этапа его творчества к другому. Уникальный творческий текст говорит сам за себя, всякий его пересказ — это его обеднение и интерпретация.

В то же самое время вполне оправдано существование популяризации как жанра. Высокая наука и тонкая философия — эзотеричны, чтобы они стали доступны широкому читателю, необходим посредник, способный выявить основные идеи автора, после чего читатель может обратиться уже непосредственно к работам изучаемого философа. Вот и моя задача в данном случае — отразить главные сюжеты, волновавшие философа Налимова, постараться прочертить ведущие линии его гносеологических и мировоззренческих исследований, быть может, скупо, но описать его фундаментальные идеи. Идеи — смысловое ядро концепции — тем и хороши, что могут быть выражены в разных литературных формах, описаны на разных языках, и все же останутся сами собой. Я постараюсь придерживаться максимальной близости к текстам самого Василия Васильевича, достаточно четко формулировать его позиции, но, конечно, не избежу и своих комментариев, присущих всякому интерпретатору.

Исходя из этого, прежде всего нужно подчеркнуть, что важнейший пафос, пронизывающий все работы Василия Васильевича, — это пафос антисциентизма. Сциентизм — широкое философско-методологическое направление, к которому принадлежит ряд фило-

софов и ученых XX века. Среди философов выраженными сциентистами были представители неопозитивизма и логического позитивизма, которые отстаивали идею строгой проверяемости любых идей эмпирическими методами, придерживались принципов формальной логики, приветствовали идею математизации и формализации любого знания. Важнейшим своим противником сциентизм всегда считал метафизическую проблематику (тема глубинных оснований мироздания, сознания, смыслов и ценностей), а также любые концепции, отступавшие от идеи неукоснительной строгости мышления (наука виделась им как совокупность дисциплин, строящихся на принципе формально-логической однозначности). Примечательно то, что В.В. Налимов вышел на теоретическую полемику и сражение со сциентизмом, будучи ученым — математиком и физиком и исходя из реалий самой науки.

Важнейшим сюжетом, которому посвящена первая фундаментальная книга Налимова «Вероятностная модель языка», является язык как особая сфера со своими закономерностями. Дебаты о природе науки во многом шли именно на территории различных теорий языка: аналитической философии и герменевтики, семиотики и семантики, структурной лингвистики и постструктуралистских идей Ж.Деррида, Р.Барта и др. «Лингвистический поворот в философии», совершившийся в сороковых годах прошлого столетия, сделал язык полем собственно-философских дискуссий, и В.В. Налимов сказал в этих дискуссиях свое новое оригинальное слово. Все его размышления строятся на огромной эрудиции, каждой главке книги он предпосылает большую подборку выдержек из высказываний западных и отечественных философов, демонстрируя читателю, что его размышления не голословны. Эта манера предварительного ознакомления читателя с совокупностью предшествующих мнений прослеживается и во всех других работах Василия Васильевича. Будучи ученым, он никогда не шел по пути чисто умозрительного говорения, а подтверждал свою позицию совокупностью наличных мнений, данными экспериментов, графиками и чертежами. В изложении его идей я буду лишь изредка прибегать к тем демонстрационным математическим средствам, которыми пользовался Налимов, и постараюсь изложить его позицию практически без формул и графиков.

Думается, такое изложение имеет право на существование, ибо Василий Васильевич считал математику органичной формой выражения мыслей прежде всего для самого себя. Для него математика была естественным

способом размышлять о мире. Впрочем, математические формулы и графики выступают в творчестве Налимова как метафоры, а не как жесткие логические образования. Одной из своих важных идей он считает «представление о том, что возможен качественный подход к теоретико-вероятностному описанию семантических явлений. (В широком контексте можно говорить об аксиоме, утверждающей, что возможно только глубоко метафорическое использование математики при моделировании семантического мира».) (3, 381).

Итак, задача, которую ставит перед собой В.В.Налимов, — выяснить, что же представляет собой язык. Для этого он стремится рассмотреть широкую гамму языков: абстрактные языки математики, обыденный язык людей и язык науки, язык древней индийской философии, язык генетического кода и т. д. Язык для Налимова — это прежде всего система знаков, представляющая собой живой развивающийся организм, обладающий рядом специфических черт.

Из рассмотрения многочисленных подходов к языку (В. Гумбольдт, А.А. Потебни, Л.Кэрролл, И.А. Бодуэн де Куртене, Б.Рассел, Ф. де Соссюр, Л.Витгенштейн, Э.Сепир, Б.Л. Уорф, Н.Винер, Б.А. Успенский и др.) он делает вывод о существовании двух основных тенденций во взглядах на язык: одна тенденция рассматривает язык как жесткую структуру, где знак четко и однозначно связан с обозначаемым, другая видит в языке структуру мягкую, при которой связь знака с его смыслом оказывается сложной, неочевидной и не подчиняющейся европейской привычке мыслить логическими схемами. При этом В.В. Налимов отмечает, что идея жесткости языка, требующая однозначной связи слова и его смысла, не получила поддержки в реальном развитии науки, хотя она востребована в наши дни в связи с задачами машинного перевода. Что касается представления о мягкости языка, то оно время от времени заявляет о себе в истории мысли (например, у Гумбольдта). С подобной точки зрения мягкая структура — не ущербность языка, а его достоинство, позволяющее языку избегать любой формализации и превращения в исчисление. Впрочем, какой бы позиции мы ни придерживались, все знаковые системы, которые мы можем счесть за язык, обладают следующими чертами:

1. Язык функционирует как средство общения, обмен информацией. Этот обмен информацией может осуществляться прежде всего между людьми, но также между человеком и машиной. В рамках собственно-человеческого

общения возможно говорить не только о словесном (вербальном) языке, но о языке жестов, языке танца, музыки, религиозных ритуалов и т. п.

2. Язык свертывает, хранит и воспроизводит информацию.

3. Все языки так или иначе обладают алфавитом и грамматикой — правилами, по которым из элементарных элементов строятся тексты (из букв — слова, из слов — предложения). В некоторых случаях грамматика может носить вырожденный характер, когда мы пропускаем целые части правильно построенных фраз, понимая при этом, о чем идет речь. Свойство терять некоторые свои качества, оставаясь самим собой, вообще свойственно языку, и это говорит о том, что о языке можно размышлять, но его очень трудно определить.

4. Языкам присущи знак и значение (смысл), связь между которыми при жесткой и мягкой концепции языков трактуется по-разному. Тем не менее в обыденном языке нет строгого соответствия между знаком и обозначаемым, одни и те же вещи мы можем обозначать разными словами или разными сочетаниями слов. Смысл знака раскрывается в его применении, а грамматика естественного языка тесно связана со смыслами.

5. Язык можно рассматривать как иерархию из различных элементов: букв, морфем (морфема — корень с приставками и суффиксами), словоформ (отрезков текста между пробелами), сегментов (отрезков текста между знаками препинания), фраз. Сделав наличие логической иерархии критерием, определяющим, относится ли данная знаковая система к языку, мы исключаем из языка информацию, которую несут образы. Так, например, для обычной реалистической живописи трудно составить язык ее элементов и проследить иерархическую структуру формальных моментов. Полотно Рубенса не представишь в виде последовательности некоторых элементарных знаков — алфавита живописи. Здесь сам образ — первичный и окончательный знак.

6. Для языков с высокоразвитой логикой характерно наличие иерархии языков. Выделяется язык-объект и метаязык, на котором ведется разговор о языке-объекте. Метаязык должен быть богаче объектного языка, тогда в нем можно определить для языка-объекта, что такое истинность, определимость и другие понятия. В нашем обыденном языке язык-объект и метаязык часто смешиваются, здесь могут возникать логические парадоксы, так как высказываются суждения разного уровня. Но это беспокоит только логиков, а не обычных людей, ибо обыденной речи свойственно воспринимать язык в рамках «парадигмы мягкости».

7. Знаковая система имеет право называться языком, если она может быть интерпретирована на другом языке, более богатом по своей выразительности или понятном определенной группе людей. Речь здесь идет не о переводе. С точки зрения В.В.Налимова перевод с одного языка на другой в строгом смысле слова вообще невозможен даже для жестких языков, речь идет лишь о процедурах интерпретации. С интерпретацией мы сталкиваемся в обыденном языке и в искусстве. Одна и та же пьеса может быть по-разному интерпретирована двумя разными режиссерами на языке драматургии.

8. Язык безэнтропиен в том смысле, что один и тот же символ может без энергетических затрат означать предметы разной степени сложности, и это дает свободу сознанию оперировать с идеальными предметами.

9. Язык нелинеен в том отношении, что далеко не всегда знаки, следующие друг за другом (линейно), дают осмысленные предложения. Так в сложных наречиях входящие в них слова, будучи взяты отдельно, лишены смысла (как будто, только что). Они являются осмысленными только как особые целостности.

Однако понимание языка не исчерпывается его семиотическими (знаковыми) характеристиками, можно и нужно говорить о семантической (смысловой) размерности, которая связана с полиморфизмом языка — множественностью его смыслов. Только язык строго однозначных слов был бы семантически одномерным. Однако таких слов в повседневном языке практически нет, слова многосмысленны, и их смысл раскрывается в их взаимодействии. Наш обыденный язык семантически нелинеен. Из этого следует необходимость рассмотрения *вероятностной семантики* — теории смысла, построенной на базе вероятностных, нелинейных представлений. Вероятностная модель языка должна дать возможность выразить всю его сложность, которая предполагает не только логическую структуру, но и неоднозначность связи между знаком и тем, что он обозначает.

В том, что язык не только логичен, мы можем убедиться на опыте повседневности. Хотя внешне мы строим свою речь логично, мы в большинстве случаев опираемся на неявные постулаты. Исходный пункт рассуждения бывает не прояснен и даже не проговорен (человек исходит из соображений, интуитивно для него ясных, но не имеющих строгой формы), поэтому во многом остается загадкой, какой именно смысл (или совокупность смыслов) лежат в основе внешне логичной речи. Даже великие философские сис-

темы прошлого, считает В.В. Налимов, такие как концепции Гегеля и Канта, являются лишь квазидедуктивными, поскольку в них не выделены отчетливо исходные предпосылки. Именно поэтому логики занялись критикой и попыткой исправления языка, прежде всего научного и теоретического. Логическая семантика, математическая лингвистика — каждая по-своему пытались бороться за чистоту логики, но противоположная им по взглядам лингвистическая школа отказалась от стремления к чистоте и обратилась к богатству естественного языка. Сильным ударом по стремлению формализовать язык явилась теорема Гёделя, которая показала, что формальная система всегда неполна: ее собственные исходные посылки не могут быть сформулированы в рамках ее языка и требуют выхода в более широкую логическую и смысловую область.

Теорема Гёделя привела исследователей к выводу, что мышление человека всегда богаче его логико-дедуктивной формы и не сводится к ней. Действительно, кроме дедукции мы всегда используем индуктивные переходы от частного к общему, правдоподобные заключения, вместо четких логически-выверенных понятий — слова с размытыми смыслами, неясными границами, тяготеющие к метафорическим и образным характеристикам. То есть, язык полиморфен — разнообразен по своим проявлениям и богат смыслами, именно эта полиморфность дает возможность существования текучих нелогичных актов сознания под внешней формой строгой логики.

Конечно, за это богатство и неформальность языка порой приходится дорого платить: люди нередко не понимают друг друга, поскольку используют слова в несколько разных смыслах. Но это свидетельствует о близости языка к творчеству и игре, включающих в себя момент непредсказуемости и случайности.

Если принять во внимание эти принципиально неформальные моменты, то можно расширить и углубить наше представление о языке, опираясь на вероятностный подход и, в частности, используя теорему Бейеса. Не станем обращаться к математической форме выражения этой теоремы, ибо гуманитарии, читающие философские книжки, чаще всего шарахаются от формул, как деревенская лошадь от автобуса, разъясним ее смысл обычными словами, причем в интерпретации В.В.Налимова, то есть — применительно к сфере языка.

Допустим, мы с вами собираемся прочесть некий текст (книгу, газету или что угодно другое). Когда мы берем текст в руки, то у нас до чтения («априори», но не в Кантовском смысле, а в смысле ситуации до чтения) есть

представление о смысле ведущих слов этого текста. Мы вынесли это априорное представление из опыта своей жизни, из учебы и общения. Как правило, всякое слово имеет несколько значений, с которыми мы можем ознакомиться в словарях, и словари нам указывают, ставя расшифровки слова в определенной последовательности, какой смысл слова употребляется чаще, а какой — реже. Таким образом, у нас предварительно есть некоторое априорное распределение вероятностей смысла. Например, мы знаем, что слово «коса» может означать с большей вероятностью женскую косу — определенным образом прибранные волосы, реже — косу косаря — специальный инструмент для уборки травы, и, наконец, речную косу — часть суши, выступающую из воды. Когда мы прочитываем текст, то спектр смыслов сужается применительно к данному контексту. Например, если «крестьянка подняла звонкую косу», то очевидно, речь идет о косе как инструменте, второй смысл, скорее всего, неприемлем (о женской косе не говорят «звонкая»), третий смысл — «речная коса» здесь практически исключен.

Важнейшим моментом является сам акт выбора конкретных смыслов, который мы совершаем при опоре на определенные ключевые представления-признаки, помогающие отсеять ненужные варианты раскодировки смысла. Мы как бы создаем смысловой *фильтр*, через который пропускаем все наличные смыслы, выбирая из них те, что необходимы нам здесь и сейчас. Так в случае с косой фильтр создается при помощи слова «звонкая», сужающего, хотя и не полностью, поле возможных значений.

В результате акта выбора, совершаемого читателем, поле смыслов, которое мы имели перед моментом чтения, сократилось, смысл конкретизировался, хотя и не стал полностью атомарным (мы можем представлять себе косу как старую и тяжелую, новую и легкую, тупую или острую и т. д. — и все это будет разнообразным прочтением слова «коса», многими смыслами, латентно присутствующими в слове). Однако, так или иначе, но в любом случае согласно теореме Бейеса мы переходим от одного вероятностно выраженного смыслового пакета к другому — с другим вероятностным распределением смыслов. Язык оказывается не столько логичным, сколько мифологичным: его мифологичность состоит в его открытости для спонтанной перестройки смысловых квантов. Сам переход от одной смысловой конфигурации к другой может быть выражен при помощи силлогизма, но не аристотелевского, а байесовского. Это значит, что как обе посыл-

ки (априорное смысловое распределение и фильтр), так и следствие (новый смысловой паттерн) имеют условный, вероятностный, а не категорический характер.

В.В. Налимов говорит о том, что априорная вероятность смыслов задает вход в систему восприятия читаемого текста, а апостериорное распределение смысловых вероятностей формируется в результате ряда факторов: нашей способности комбинировать воспринятый знак с другими знаками (коса — «звонкая» и она «поднята»), общей эмоциональной и интеллектуальной настроенностью читающего, а также с его внимательностью. Каждый, наверное, знает, что если читаешь сложный научный текст невнимательно, то вполне можно придать его терминам искаженный смысл.

Хотелось бы подчеркнуть, что, говоря о смысловом поле слова, о спектре его значений, В.В. Налимов не имеет в виду лишь те значения, которые перечислены в словарях. Напротив, любое слово, даже то, которому в словаре приписано всего одно значение, реально обладает поистине безграничным потенциалом смыслов, которые могут актуализироваться в разных контекстах, выявляться в словосочетаниях, рождаться при новых интерпретациях.

Развивая сюжет дальше, следует вслед за В.В. Налимовым заметить, что человека, писавшего текст, можно назвать передатчиком, человека воспринимающего — приемником, от их смысловых установок зависит тот смысловой результат, который мы получим после чтения. Если для передатчика и приемника исходное распределение смыслов одинаково, то процесс чтения будет вносить только случайные искажения. Но если передатчик и приемник вкладывают в слова совершенно разный смысл, то понимание между ними затруднено. Также бывает затруднено понимание, если у передатчика старые знаки служат для выражения новых идей, тех смыслов, которые еще нигде не зафиксированы. Не менее проблематичной делает коммуникацию и использование смыслов, которые находятся «в хвостовой части функции распределения смыслов» — то есть редко используются. Например, выражение «я дал ему достойный ответ» может быть понято несколькими разными способами, из которых последним будет «я его побил», но некто может применять фразу именно в подобном смысле, что, несомненно, нуждается в дополнительной расшифровке и конкретизации.

Коммуникация не может состояться, если у того, кто собрался читать текст, нет никаких представлений о возможных смыслах слов (ведущего слова). Василий Васильевич приводит в качестве примера фрагмент из «Звездных дневников Иона Тихого» С.Лема, где речь идет о неких «сепульках». Текст Лемма написан так, что из контекста и при отсутствии у нас каких-либо смысловых ассоциаций невозможно понять, что же это за «сепульки».

Сказанное автором в какой-то мере резюмируется образом, почерпнутым им из западной лингвистической литературы. Это образ черпака: смысл слова черпается из сознания человека, слово есть некий «черпак», единый для всех, но у каждого человека — свое содержание, и «черпак» оказывается наполнен разными смыслами.

Вероятностный характер языка находит широкое выражение в культуре. Так он проявляется в феномене шуток. Шутка построена на актуализации неожиданного смысла, того, который обычно находится в хвосте вероятностного распределения смыслов. Смешным и забавным представляется нам и уравнивание по вероятности смыслов, которые, как правило, имеют различные вероятностные «веса». Это уравнивание неравного придает пикантности, на вероятностной игре смыслов построены многие французские анекдоты, где одно и то же слово может означать множество самых разных вещей.

Вероятностным характером языка объясняются некоторые особенности речи психически больных людей: часто и редко употребляемые смыслы слова выступают у них на равных, с одинаковой степенью вероятности.

Наконец, уже сознательное применение вероятностный подход может находить для разрешения старинных логических парадоксов, например парадокса лжеца. Этот парадокс связан с утверждением, что сам я лжец, а это противоречит истинности утверждаемого. Но парадокс просто снимается, если отказаться от радикализма однозначности в утверждении «я лгу». Лжецом можно назвать человека, у которого правдивые высказывания встречаются с малой степенью вероятности, и сейчас он говорит правду, хотя обычно лжет. Так высказывание приобретает смысл, хотя В.В. Налимов считает, что любая попытка понимания этой фразы, состоящей всего из двух слов и лишенной конкретизации, все равно неэффективна.

Но каким образом обычные здоровые люди понимают друг друга и одинаково расшифровывают смыслы слов, почему не путаются между маловероятными и высоковероятными смыслами? Дело в том, что в культу-

ре функционируют некие усредненные значения, выступающие как семантический (смысловой) инвариант слова. Там, где слова употребляются в их обыденном значении, роль смыслового инварианта весьма значительна. Единое усредненное значение начинает пересматриваться в теории, где слова, становясь терминами, приобретают иные смыслы или даже вовсе теряют смысл, превращаясь в пустые абстракции (как в искусственных языках, построенных на символах, пустых в смысловом отношении).

Каковы же существенные черты языка, образ которого мы обогатили вероятностными представлениями? Они таковы:

1. Силлогизм Бейеса (переход от одного смыслового паттерна к другому в результате субъективного прочтения) позволяет нам увидеть язык во взаимодействии двух его начал: континуального (смыслы, плавно переходящие друг в друга) и дискретного (фильтры, задающие качественную определенность нового смыслового поля).

2. Силлогизм Бейеса математически выражается формулой, в которой присутствует знак умножения, это означает, что он имеет не чисто логическое раскрытие, при котором смыслы атомарны, а числовое раскрытие, предполагающее размывание всякой атомарности.

3. Язык вообще устроен так, что в нем невозможны атомарные смыслы, вероятность появления точечного смысла равна нулю.

4. Язык случаен по самой своей сути: фильтры образуются нами спонтанно, без сложного процесса дедукции и размышлений.

5. Язык не исключает противоречия, так как его тексты потенциально содержат все богатство смыслов.

6. Жизнь языка, его изменения и эволюция происходят в семантическом (смысловом) пространстве, которое предполагает возможность логических операций над смыслами. Можно говорить о семантическом поле.

7. Самое важное понятие вероятностной семантики — смысл. Подход Бейеса позволяет следить за изменением непосредственно самих смыслов в текстах. При этом под смыслами понимается как сеть значений, так и алгоритм для решения проблем. Природа смысла может быть раскрыта только через одновременный анализ семантической триады: смысл, текст, язык.

В качестве важнейшей своей задачи В.В. Налимов, апеллирующий к средствам математики, видит в построении теории смыслов, которая должна возникнуть в результате интерпретации языка исчисления смыс-

лов. Однако это отнюдь не собственно-математическая задача. Она имеет гораздо больший масштаб. «Интерпретация должна быть завершена, — пишет Василий Васильевич, — через понимание природы человека. Архитектоника личности — это архитектура смыслов, воплощенных в личности — демиургической носительнице смыслов» (4, 120).

Впрочем, тема личности не сразу возникает в его работах. До этого он много внимания уделяет разнообразию языков и прежде всего семантическому полю науки.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ШКАЛА ЯЗЫКОВ

Язык — сложное явление, и, несомненно, нуждается в классификации. Можно предложить множество способов для создания классификации языковых систем, но, опираясь на вероятностный подход, В.В. Налимов избирает путь создания семантической шкалы языков. Эта классификация размещает языки на некоей шкале в зависимости от того, сколь велико смысловое богатство слов каждого языка.

На одном конце такой шкалы располагаются самые жесткие языки, например, языки программирования, где каждому знаку приписан один-единственный смысл (например, конкретная логическая операция). Смысл может четко определяться при введении знака или после того, как из него формируются высказывания. Сюда же попадут языки чистой математики и формальной логики, где символами оперируют вне обращения к смыслу, а также язык химии, поскольку химические символы означают определенные элементы и ничего иного.

На другом конце шкалы находятся совсем мягкие языки, примером которых является язык абстрактной живописи. Представления о смыслах знаков, составляющих абстракционистскую картину, носят сугубо субъективный характер — это могут быть любые смыслы. Наш обыденный язык и языки науки занимают середину шкалы и составляют там значительный интервал. Здесь смысловое содержание слов оказывается максимально согласованным, действуют те самые смысловые инварианты, особенно для людей единой интеллектуальной направленности.

Семантическую шкалу можно также представить в виде открытой прямой, полагая, что жесткие языки устремляются по ней в одну сторону, а мягкие — в другую. Если домыслить одну внешнюю точку, то можно замкнуть прямую в окружность. Этой «точкой замыкания» семантической шкалы будет построенный на абсурде язык дзенских коанов.

Однако стоит подробнее рассмотреть разные фрагменты семантической шкалы языков, и, следуя за В.В.Налимовым, мы обратимся сначала к ее центральной части, представленной в данном случае языком науки, вокруг которого, как уже было сказано, весь XX век шли споры.

Что же это за феномен — язык науки? Выступает ли он как безусловно строгий, однозначный, легко поддающийся формализации? Василий Васильевич считает, что подобное представление о языке науки — не более чем иллюзия, результат добросовестного заблуждения, которое уже в школьные годы внедряется в наши головы. Мы привыкли думать, что научные понятия рождаются совсем не так, как слова обывденного языка, нам кажется, что всякое новое научное понятие является в мир со строгим определением, раз и навсегда закрепленным за ним четким содержанием. Однако в действительности это не так. Конечно, в научном языке бывают строгие термины, обладающие точными дефинициями, например, «атом Бора», «черное тело», «двухатомная молекула», однако множество терминов не могут быть четко определены прежде всего потому, что отражают сложные многогранные явления и не укладываются в прежние классификационные схемы.

Серьезной проблемой является способность определений охватывать слишком широкий круг вещей. Так, например, термин «документ», используемый во многих научных дисциплинах, можно определить как «любой материальный носитель, на котором закреплена некоторая информация, выраженная на любом языке». Но в этом случае забор, на котором что-нибудь написано, тут же превращается в документ, хотя это явно не соответствует тому представлению о документе, которое есть у ученых.

Рассмотрим другие особенности **языка науки**, которые свидетельствуют о размытости его смыслов и моментах сходства с языком обывденной жизни.

1. Термины науки глубоко связаны с теоретическими концепциями, которые они призваны выражать. Смысл терминов «атом», «электрон» не просто отсылает нас к некоторым явлениям, а указывает на тот смысл, который мы вкладываем в это слово. Представление об электроны, несомненно, разнится у ученика школы и у ученого-физика, точно так же как смысл термина «атом» является разным для древнего грека и для современного исследователя.

Кроме того, в науке нередко одновременно сосуществуют несколько конкурирующих гипотез, которые используют одни и те же термины, но трак-

туют их по-разному. Так в классической механике и в теории относительности употребляются термины «масса» и «длина», но несут они в себе несколько различный смысл. Интересно то, что, несмотря на различные концепции и интерпретации терминов, ученые разных школ и направлений прекрасно находят общий язык и успешно обсуждают волнующие их проблемы (не то, говорит В.В.Налимов, в философии, где различное понимание слов порой вызывает острые дебаты и противостояние!). С позиций логической семантики такое мирное сосуществование разной терминологии при обсуждении одного и того же вопроса является невозможным. Однако вероятностный подход может внести ясность: ученые работают в едином смысловом поле, хотя и акцентируют разные его сегменты. Научная дискуссия в этом случае способствует взаимной смысловой коррекции позиций.

2. Научные термины часто являются метафорами. Мы настолько привыкли к метафорам в нашем научном языке, что даже не замечаем их. Выражения «течение времени», «поле сил», «логика эксперимента», «память машины» являются метафорами: они дают непривычное сочетание привычных представлений. Метафоры с неизбежностью порождаются самим развитием науки, так как изменяющиеся представления облекаются в прежние формы, которые при этом слегка модифицируются. Одни смыслы отступают, другие фрагменты смыслового паттерна понятия выходят вперед. Ученые предпочитают облекать новые идеи в старые слова, уже завоевавшие научный престиж, тогда им не грозит скепсис или непонимание коллег. Это увеличивает количество метафор.

Роль метафор в науке в наши дни уже хорошо понята и оценена. Теперь ученые даже совсем новые понятия нередко вводят в виде метафор. Так сравнительно недавно в математике возникли такие метафорические по своему происхождению термины как «группа», «тело», «кольцо», «математическое ожидание», и лишь возникнув как метафоры, они затем получили строгое определение.

Присутствие метафор в языке науки делает его напряженным, ярким, способным передавать богатые содержания. Мысль передается не только на логическом уровне, но и на психологическом, выступая метафоричной, она шокирует, создает интеллектуальное напряжение. Хорошая научная работа, считает В.В.Налимов, должна быть написана несколько непонятно, только некоторая недоговоренность дает возможность передать тонкие оттенки мысли. Слишком понятные работы кажутся инфан-

тельными. Непонятность порой специально создается языковым построением, которое теряется при переводе, оттого переводные статьи бывают такими скучными.

3. Термины науки обладают еще большим полиморфизмом, чем слова обыденного языка. Это связано с тем, что в них вкладывается большее смысловое значение, чем в слова языка повседневности. Кроме того, ими кодируются целые концепции, а поскольку концепции являются сложными, многогранными и несколько размытыми в смысловом отношении, то слова, выражающие их, могут отображать в разных контекстах разные грани теории. Вполне допустимо, чтобы один и тот же термин выражал также пересечение нескольких концепций.

Можно привести множество примеров многозначности научных терминов. В частности, уже использованный здесь термин «априорная информация». Согласно представлениям статистиков, это информация, содержащаяся в предыдущем эксперименте по отношению к последующему. Но если в зале, где произнесен этот термин, находится не статистик, а философ, он может решить, что речь идет о возрождении кантианства, так как термин «априорные суждения» ввел И. Кант, говоря о суждениях, которые не опираются ни на какой эмпирический опыт.

К числу полиморфных (многозначных) понятий относятся такие широко используемые в современной науке понятия как «модель», «статистика», «информация», это выражается, в частности, в том, что разные авторы дают этим понятиям несколько различные определения, хотя и соприкасающиеся друг с другом в смысловом отношении.

Конечно, может возникнуть вопрос, если полиморфизм в обыденной речи и в науке будет расти, то не приведет ли это к вырождению языка: каждое понятие будет выражать все, и все понятия станут выражать одно и то же? В абстракции это возможно, но язык — живой организм, и, как всякий организм, старея, он должен уступить место новому. Что же касается нынешнего языка, то рост полиморфизма в нем происходит не гладко. Смысловое поле слова не может непрерывно расширяться: какие-то части его начнут утрачиваться, забываться, произойдет смысловая перестройка.

4. Языки науки по своему построению в какой-то мере напоминают жаргон. В обоих случаях используются слова обыденного языка и грамматика, но вкрапливаются специфические термины. Эти новые слова и иной смысл, приписываемый обычным словам, создают определенную эзотеричность и жаргону, и языку науки — они не понятны для непосвящен-

ных. И все же в науке мы имеем дело не просто с разновидностью сленга, а с особым специфическим языком.

Слова «регрессия», «корреляция», «дисперсия» невозможно заменить другими, более понятными широкой публике словами, потому что этими словами закодированы сложные концепции. В науке нужно знать не просто определение термина, которое можно почерпнуть в словаре (если словарь включает такое слово), но все те идеи и аргументы, которые с ним связаны. Таким образом, языковый барьер в науке является, по сути, концептуальным барьером. В отличие от обыденного языка язык науки носит в гораздо большей степени кодовый характер.

Глубина кодирования или, иначе говоря, информационная емкость понятий растет по мере развития науки. Кроме того, наука все чаще использует слова обыденного языка, придавая им иной смысл. Например, общеизвестное слово «реплика», заимствованное из французского. В математической статистике есть понятия «дробная реплика», «регулярная реплика», которые имеют специфический смысл, выражающий реалии данной дисциплины. В оптике тоже есть своя «реплика» — специальным образом приготовленная копия дифракционной решетки. И все эти «реплики» происходят от французского слова, которое в словаре раскрывается как «...ответ, ответ на ответ, возражение; в музыке — повторение основного мотива; копия картины».

Сленговый характер носит не только речь естествоиспытателей, представителей точных наук, но и гуманитариев. Слова и выражения типа «тринитарность», «монологическое объяснение инобытия», «коррелят знака» или «характеристическая проявленность ритуальной парадигмы» отнюдь не являются общедоступными по смыслу.

Таковы свидетельства вероятностной природы научных понятий.

Обратимся теперь к той части семантической шкалы, где сконцентрированы жесткие языки: **язык математики и язык генетического кода**. Посмотрим, являются ли они столь безусловно жесткими или при всей своей строгости все же до некоторой степени подчинены вероятностному характеру человеческого мышления.

Математика — дисциплина, основанная на аксиоматически-дедуктивном методе и выражающая себя через длинную цепь логических заключений. Система постулатов, на которых она основана, образует своеобразные концепции — математические структуры, из которых выводятся многообразные логические следствия. Язык математики — это система

правил оперирования со знаками. Чтобы математический вывод мог осуществиться, необходимо создать алфавит первичных элементов, задать начальные слова исчисления и построить правила, согласно которым из начальных слов будут выводиться новые слова. Исходным моментом дедуктивного процесса выступает наличие совокупности аксиом. Для математики, как и для формальной логики, безразлично соотношение ее суждений с реалиями эмпирической жизни, здесь нет отсылки ни к здравому смыслу, ни к свободным ассоциациям, ни к повседневным фактам. Главное, чтобы из аксиом последующие утверждения выводились согласно принятым правилам. Математики заняты только логической состоятельностью, непротиворечивостью аксиом и дедуктивного процесса.

И все же, считает В.В. Налимов, нельзя утверждать, что математика — полностью формализованная ветвь знаний. Он пишет: «Окончилась неудачей попытка Гильберта построить строго формализованную систему доказательств абсолютной непротиворечивой арифметики. Неразрешенными оказались некоторые противоречия в теории множеств, играющей столь большую роль в математике. Имеются трудности с формальным определением понятия «доказательство» в математике вообще» (2, 151). В математике, кроме того, наряду с дедуктивными суждениями используются также правдоподобные (индуктивные) рассуждения, аналогии, и что, наверное, самое важное, математика вынуждена наряду с цифрами и специальными знаками пользоваться средствами обыденного языка.

Являясь не вполне формализованным, хотя и жестким языком, математика обладает рядом диалектов. Одна и та же задача может быть сформулирована в ней один раз на языке детерминистических представлений и выражена с помощью дифференциальных уравнений, другой раз — в вероятностных терминах, которые в свою очередь позволяют обсуждать сюжет как на языке классической математической статистики, так и на языке теории информации. Можно также воспользоваться булевой алгеброй. На одном и том же научном семинаре проблема может обсуждаться на разных диалектах, хотя полный доскональный перевод невозможен, также, впрочем, как он не возможен и для обыденных языков. Василий Васильевич считает, что вообще нельзя выдвинуть критерий, который позволял бы отдать предпочтение одному, а не другому диалекту при описании какой-либо конкретной задачи. Даже в чистой математике прослеживаются две основные линии в использовании языков — язык непрерывной и дискретной математики.

Язык математики, как ни странно это может показаться, обладает свойством полиморфизма. Если бы он был исключительно однозначным, то мог бы использоваться только при описании хорошо организованных систем, с которыми имела дело в свое время традиционная физика. Однако в последнее время язык математики стал применяться и для описания плохо организованных диффузных систем, и при этом он приобрел черты полиморфизма. Возник феномен математической модели. Одна и та же система может быть описана множеством математических моделей, которые существуют одновременно. Модель при этом приобретает статус метафоры: она ведет себя одновременно и как моделируемая система, и иначе (поскольку этой системой не является).

Полиморфизм возможен и в пределах одной модели. Так если в эксперименте стоит задача спектрального представления случайных процессов, то математик должен представить экспериментатору не одну, а множество кривых спектральной плотности. В результате возникает метафора «спектральных окон» — на одно и то же множество данных исследователь может посмотреть через разные ракурсы и увидеть разные вещи. Все возникшие «окна» имеют формальное право на существование.

Математический язык, в который облакаются данные современной физики, находится в сложном соотношении с языком экспериментальных представлений. Язык квантовомеханических представлений абстрактен и далек от обыденной речи, он математизирован, поскольку предназначен для построения сложных логических конструкций. Именно поэтому он оказывается непонятен тем, кто занят экспериментами и использует повседневные выражения. Физика стала двуязычной дисциплиной, а сама физическая теория создается на пересечении двух языков при интерпретации теоретических конструкций на несвойственном им языке экспериментальных представлений. Поэтому физические теории в своем словесном оформлении оказываются размытыми.

Другой язык, чья общепризнанная жесткость подвергается В.В. Налимовым сомнению, это **язык биологического кода**. Как пишет Василий Васильевич, генетический код — это именно язык, при описании которого задействуются лингвистические понятия: кодирующее слово (кодон), смысл, переосмысленный кодон, синонимические кодоны, словарь, неоднозначность кода, пунктуация кода. Он, как и другие языки, служит для передачи информации, свертывает информацию, хранит ее и воспроизводит. В языке генетичес-

кого кода ярко выражены иерархические уровни: 4- и 20-буквенные алфавиты, хромосомы, биологические индивиды, которые в данном случае рассматриваются как тексты знаковой системы, которые появились в результате развертывания информации, хранящейся в генах. Весь биологический мир построен согласно одной и той же языковой структуре, код действителен и для человека, и для растений. Язык генетического кода подчиняется жестким правилам, он однозначен. В то же время, как подчеркивает Налимов, существует эффект контекста: в рамках конкретного контекста те или иные сочетания первичных элементов кода либо становятся запускающими процесс, либо остаются пассивными. Существует и вероятность того, что некоторые кодоны могут быть неоднозначными, кодировать более чем одну аминокислоту. Еще один момент, снижающий жесткость языка генетического кода, — мутации, которые могут возникать в результате ошибок считывания информации. «Язык биологического кода, — пишет В.В. Налимов, — занимает промежуточное положение (между языками программирования и обыденным языком — Е.З.-А.) — он регулярен или почти регулярен по своей семантической структуре, но допускает нарушения в своей регулярно-механистической структуре» (2, 209). Для В.В. Налимова язык генетического кода вырожден в бейесовском смысле, он максимально однозначен.

Впрочем, развитие науки показывает, что новые открытия лишь подтверждают основную идею Василия Васильевича о принципиальной универсальности бейесовского подхода применительно к любым языкам. Известный разработчик волновой генетики П.П. Гаряев подчеркивает в своих работах, что у вещественной составной генетического кода есть «свое другое» — волновая функция, это малоисследованное информационное измерение генома. В этом своем измерении генетический код причастен к языковому плюрализму, а волновое качество — это как раз качество, тесно связанное с вероятностными характеристиками.

На другом конце вероятностной шкалы языков расположены мягкие языки, к которым В.В. Налимов относит язык **абстрактной живописи и древнеиндийской философии**.

Язык **абстрактной живописи** выступает прекрасным примером семантической рассогласованности между приемником и передатчиком информации, которая лишь в слабой форме выражается в обыденном языке. Абстрактные символы широко используются человечеством с древнейших времен, и наш современный быт тоже наполнен ими: обои, шторы, люстры, линолеум каждый день приобщают нас к этому особому языку.

Семантическая вырожденность абстрактной символики, далекой от реалистического изображения, позволяет избежать утомительной навязчивости конкретных образов, и это делает популярным декоративное искусство.

Однако можно ли причислить абстрактную живопись к языкам? В.В. Налимов отвечает на этот вопрос утвердительно, подчеркивая, что она передает информацию от художника к зрителям, которые ходят на выставки художников-абстракционистов, с интересом обсуждают картины, пытаются найти для них интерпретацию на быденном языке. Как же, однако, устроена структура языка абстрактной живописи?

Чтобы разобраться в этой структуре, надо выделить первичную систему знаков, которая находится в основании знаковой иерархии. Был проведен соответствующий эксперимент, исследователи проанализировали копии 19 абстракционистских картин известных художников. В результате исследования был составлен список первичных знаков, образующий алфавит абстрактной живописи: линия, полоса, правильная геометрическая фигура (круг, треугольник, квадрат, прямоугольник, трапеция), фон, цвет, диффузные облака. Это, видимо, далеко не полный список, но важно то, что выделенные элементы не поддаются дальнейшему разложению знака на знаки более низкого уровня.

На основании той же коллекции картин была составлена грамматика абстрактной живописи, т. е. список простейших правил оперирования первичными знаками в картинах. Они таковы: операции над линиями (прерывание, изгиб, излом, пересечение и др.); операции над полосами (прерывание, изгиб, излом, пересечение, обрамление полосы, периодичность); операции над фигурами (дробление резанием, дробление цветом, деформация, наложение фигур, пересечение фигур и др.); операции над фоном (дробление, плавное изменение); операции над цветом (наличие чистых цветов, заполнение фигуры одним цветом, заполнение фигуры несколькими цветами и др.); операции над диффузными облаками (изменение цвета внутри облака, взаимопроникновение облаков); смешанные операции (пересечение линией полосы, пересечение линией геометрической фигуры и др.); операции общего характера (создание преимущественно линейного направления организации, создание кругового направления организации, создание симметрии).

Это, конечно, не полный, но достаточно представительный список элементов языка абстрактной живописи. Однако как его алфавит, так и грамматика являются семантически пустыми, мы не найдем в них того смыслового

содержания, которое можем найти даже в алфавите обыденного языка. Если бы правила грамматики были определены, то они непременно имели бы какой-то логический смысл, и в этом случае абстрактную живопись можно было бы считать графической интерпретацией какого-нибудь раздела математики или формальной логики (это уже не было бы искусство). Между тем картину можно рассматривать как некоторый текст, можно допустить, что чтение картины происходит согласно бейесовской модели как чтение на обыденном языке. Разница, однако, состоит в том, что при обычном чтении у людей близкой интеллектуальной направленности возникнут сходные смысловые ассоциации, а при созерцании абстрактной живописи — нет, тем более что абстрактные картины рассчитаны на безгранично широкий круг зрителей.

Проводимые эксперименты показали, что зрители, которым предъявлялся ряд абстракционистских полотен, смогли объединить их в некоторые группы «по сходству», внутри которых также были выявлены картины, объединенные некой общностью, отмеченной зрителями при восприятии. Таким образом возникают сложные объединения — парадигмы, и выполняется требование иерархичности языка. Парадигмы оказываются связаны с грамматическими признаками, значит, картины читаются как упорядоченные знаковые системы. Люди могут быть разбиты на группы по их умению строить парадигмы одинаковым образом, а эти группы оказываются связаны с социально-демографическими признаками, которые определяют их интеллектуальную направленность. Процесс чтения картин, несомненно, связан с определенной интеллектуальной настроенностью.

Из всего сказанного выше можно заключить, что знаковая система абстрактной живописи обладает всеми признаками языка, но это язык вырожденный, несущий в себе принципиальную возможность бесконечного множества интерпретаций. Сколько бы мы ни пытались придать этим картинам конкретный смысл, как бы ни старались объяснять их действием подсознания творца, на самом деле мы все равно не знаем, что хотел сказать художник. А это значит, что мы не можем перевести содержание абстракционистских полотен на обычный повседневный язык. Совсем иное дело язык классической живописи — это язык не знаков, а образов, и для него нельзя составить словаря.

С чрезвычайно мягким языком мы встречаемся также при соприкосновении с **древнеиндийской философией**. Полиморфизм древнеиндийских текстов гораздо выше, чем в текстах европейской культуры, слово в

них необычайно многогранно и многообразно по своему содержанию. Более того, в древнеиндийских текстах открыто признается невозможность однозначного и непротиворечивого определения понятий. Противоречия вводятся открыто. Так в Упанишадах сказано: «...Меньше малого, больше большого скрыт Атман...», и там же : ...Оно движется и не движется, оно далеко — оно же и близко, оно внутри всего — оно же вне всего».

Это связано с тем, что древними авторами ставится грандиозная задача: дать хотя бы какое-то представление о непознаваемом, о том, что нельзя описать напрямую. Здесь признается недостаточность словесной знаковой системы и вводятся пустые или полупустые знаки — знаки, которым не приписан какой-то определенный смысл. Они выступают как полупустые формы, которые в отсутствии возможности указать на искомое прямо, говорят нам, что это — не то, не то и не то... Именно поэтому древнеиндийская философия скорее напоминает искусство, убедительность ее высказываний задается не логической изящностью и строгостью, а парадоксальностью, необычностью сопоставлений, чеканным ритмом и внутренним рефреном. Убеждает не логика, а магия слов.

В европейской культуре, считает Василий Васильевич, к такому способу высказывания близки современные экзистенциалисты, которые нередко обращаются к языку искусства и прибегают к магической таинственности.

Таковы основные идеи В.В. Налимова по вопросу о семантической шкале языков.

КОНТИНУАЛЬНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ И ПУТИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ С НЕЙ

Вероятностный подход, примененный к языку, приводит к представлению о континуальности мышления, то есть о присущем ему свойстве непрерывности. Но как можно говорить о непрерывности мышления, совершаемого при помощи языка — системы знаков, то есть отдельных, дискретных единиц? Соображение о непрерывности мышления перестает быть шокирующим, если мы представим себе, что всякое слово имеет две стороны: атомарную, представляющую его как некую отдельность, и континуальную — поле смыслов, связанное со словом. Знак является сигналом достаточно размытого смыслового паттерна. Чтобы перейти от анализа языка к изучению мышления, надо хорошо понимать степень размытости слов. Отчасти это представления дают нам словари. Здесь число объясняющих слов характеризует степень размытости смысла толкуемого (или переводимого) слова. Например, слово *set* в английском языке в малом словаре расшифровывается 96 словами, в большом — уже 1816 словами. И все же никакой словарь не охватывает всех возможных смыслов слова.

Например, некто, рассказывая о своем путешествии по Сибири, говорит: «Там я хорошо прошелся по пельменям». Практически любой человек, органично владеющий оперированием словами с размытым смыслом, поймет это высказывание как то, что рассказчик, побывавший в Сибири, много ходил там в гости, и его непременно угощали пельменями. Однако, спрашивает В.В. Налимов, — как эту фразу смогла бы осмыслить ЭВМ? Совсем глупая машина восприняла бы ее буквально: человек ходил по рассыпанным пельменям. Умная машина, в которой заложен целый ряд значений слова «ходить», дала бы интерпретацию, в соответствии с которой человек ходил за пельменями. Но вряд ли можно представить себе компьютер, который извлек бы из названной фразы собственно-человеческий смысл. Близкая ситуация наблюдается при выра-

жении «пудрить мозги». Смысл слова «пудрить» проясняется здесь лишь в сочетании со словом «мозги», его богатое содержание конкретизируется этим словом. В то же время, если данная фраза не стала языковым клише, то мы не найдем ее ни в каких словарях, расшифровка в этом случае остается за нами. С подобной проблемой нередко сталкиваются переводчики, им приходится буквально решать ребусы, стараясь донести до читателя смысл чужих неожиданных словосочетаний.

Фактически можно говорить о том, что мы способны придумать бесконечное число фраз, каждая из которых по-иному раскроет смысл слова. И в этом отношении мышление континуально: смысловое поле слов безгранично делимо. Поэтому старинное убеждение в существовании некоторых «атомарных смыслов» является не более чем иллюзией.

Новое неожиданное значение слова всегда воспринимается как что-то внерациональное, т. е. как метафора, которая, возникая, вклинивается между двумя прежними ближайшими смыслами. Метафоры могут быть заданы только конструктивно — новыми фразами, отражающими новую жизненную ситуацию или новый поворот мысли. Постепенно метафора начинает «стираться» и становится устойчивым элементом языка, фразеологизмом. Так язык обогащается через то, что уже было прежде заложено в нем самом.

Что же больше характеризует развитие культуры: появление новых слов и выражений или расширение смыслового содержания старых? Можно сказать, что появление новых слов расширяет смысл старых, ибо открывает новые смыслы в прежних словах. Так в языке проявляется диалектика непрерывного и дискретного.

В силу континуальности мышления мы сталкиваемся в языке с парадоксальным явлением: все богатство смыслового содержания кодируется словом и таким образом остается скрытым, оно существует лишь в потенциальной форме и проявляется через возможность строить безграничное число фраз.

Континуальное смысловое поле, находящееся за дискретными символами языка, выступает как неизмеримое. Это значит, что само мышление континуально, вот почему людям так часто не хватает языковых выразительных средств, и поэтам необходим ритм: он накладывает континуальную составляющую на дискретность слова.

По сей день в культуре сохранились реликтовые формы дологической коммуникации, их можно встретить в простонародной речи: это тра-

диция шуток и прибауток, пословиц и поговорок, не заботящаяся о логичности и доказательности. Еще более интересной для понимания континуальной природы мышления является культура молчания, которая принадлежит византийскому исихазму. Дух ее выражен в иконах, в пластике архитектуры, в декоративном искусстве, но не в словах. Русское средневековое мировоззрение остается для нас загадочным, так как нет возможности для нас — людей культуры слова — понять смысл того, что передается в молчании.

Но как нам убедиться в том, что мышление действительно континуально? Как опровергнуть возможное предположение о том, что мышление просто содержит гораздо больше элементарных дискретных единиц, чем язык?

Для того чтобы убедить читателя в справедливости своей позиции, Василий Васильевич в ряде книг дает обзор тех видов опыта, которые непосредственно подводят нас к переживанию сознания как континуальности.

Творческое озарение

В.В. Налимов полагает, что и рефлексивное мышление, и инсайты открытий связаны с континуальностью мышления. Рефлексивное мышление — это дискретное управление континуальным потоком мысли. Человек задает себе вопрос — это вопрос континуальному мыслительному процессу, построенный на дискретном языке слов. Полученный ответ анализируется на логическом уровне, и если он оказывается не удовлетворительным, задается следующий вопрос, вновь обращенный к континуальности.

Еще ярче можно увидеть континуальность мышления в открытиях, которые представляют собой неожиданно пришедший в голову ответ на поставленный вопрос. Ж.Адамар, А.Пуанкаре, К.Е. Гаусс, Ф.Гальтон пишут в своих воспоминаниях о том, как оригинальные и ценные идеи пришли к каждому из них «внезапно», «как при вспышке молнии», «мгновенно и без малейшего усилия», но непременно — после долгих размышлений над интересующей проблемой. Их пример свидетельствует о том, что творческое озарение связано с выходом за границы логического мышления, од-

нако внезапно явившиеся новые идеи осмысливаются затем на логическом уровне.

Кроме того, те знания, которые получают после открытия символическую форму выражения, нередко не могут быть вполне выражены и разъяснены на дискретном языке повседневности. Пример тому — знания о микромире. Символическая запись, выражающая характеристики микромира, скорее, провоцирует в нашем сознании понимание, схватывание неких истин. Понятия случайности в теории вероятностей, поля в физике, вируса в биологии не могут быть прямо и однозначно истолкованы в наших непосредственных представлениях о мире. В.В. Налимов считает, что не следует стремиться к уточнению их смысла. Нужно просто учиться строить с помощью этих понятий логически осмысленные высказывания, при помощи которых мы понимаем мир на глубинном уровне, там где нет атомарных смыслов и отдельных слов.

МЕДИТАЦИЯ

В.В. Налимов в своих работах много внимания уделяет медитации. Это не удивительно, так как с медитацией он был знаком с юности, знал это состояние не понаслышке и практиковал медитацию вместе со своими сподвижниками и учениками. С его точки зрения медитация — непосредственное обращение к континуальности мышления. Призыв к молчанию очень древен и в то же время современен. Многие великие мыслители от Будды до Кришнамурти и от Чжуан-Цзы до Витгенштейна обращались к этому особому виду опыта, позволяющего покидать сферу дискретного сознания. Техника медитации направлена на то, чтобы избавиться от слов и научиться невербально управлять потоками континуального сознания.

Западная мысль лишь недавно обратилась к рассмотрению измененных состояний сознания, в том числе к созерцательным медитациям и молитвам молчания. Они стали предметом клинических исследований, аналитической деятельности психологов и психиатров. Фактически медитация является деавтоматизацией привычных нам психических структур — медитирующий выходит за границы логически структурированного сознания.

ния. Здесь нарушаются законы аристотелевской логики, противоречия не вызывают удивления и протеста, нарушаются причинно-следственные связи, парадоксальность кажется чем-то естественным. В.В.Налимов, обращаясь к литературе по медитациям, выделяет вслед за авторами ряд черт, характерных для медитации:

1. Переживание недифференцированной целостности мира и себя в единстве с миром. Это черта всякого мистического переживания. Это при этом умирает или увядает, в то время как чистое сознание расширяется, захватывая все новые сферы, двигаясь через «размерности бытия» к предельной реальности.
2. Переживание объективности, вечности и реальности бытия, удостоверяемое на интуитивном, внерациональном уровне.
3. Переживание трансцендентности пространства и времени, ощущение себя вне времени, в вечности бесконечного, вне прошлого и будущего.
4. Переживание святости как вдохновляющего возвышенного восприятия реальности.
5. Глубоко ощущаемое позитивное настроение.
6. Переживание мистических аспектов сознания как истинных, переживание одновременно жизни и смерти, ощущение мира как пустой целостности и в то же время как полноты реального.
7. Невыразимость опыта, полученного в медитации, на обычном повседневном языке, чувство того, что выразительности речи недостаточно для описания пережитого. Мнение о том, что невыразимость связана с парадоксальным характером мистико-медитативного опыта.
8. Особая форма сознания длится от нескольких минут до нескольких часов, и затем исчезает, возвращая человека к обычному мировосприятию. Временность медитативных состояний отличает мистический опыт от психозов.
9. Положительные изменения по отношению к себе и своему поведению. Возрастает ощущение интеграции и обновления личности, человек чувствует, что может справиться со своими проблемами, укрепляется вера в собственные творческие возможности.

В книге «Реальность нереального» Василий Васильевич посвящает медитациям несколько глав, описывает медитационные эксперименты, которые он проводил с разными группами людей, приводит примеры медитаций: медитация Ра, медитация на пламя свечи и другие. Он говорит, что культура наших дней стиснула индивидуальность человека, его смыслы группируются в некую узкую конструкцию, люди не видят богатства смысловых возможностей. Медитация оказывается приемом, который размывает смысловые ограничения, выпускает на волю континуальные потоки сознания, позволяет людям лучше понять собственные мысли, чувства, убеждения. В частности, описан проводившийся В.В. Налимовым эксперимент по раскрытию семантического поля, порождающего слова обыденного языка. Каков смысл употребляемых нами слов? Не повторяем ли мы неких клише, не понимая подлинного смысла? Ответы на эти вопросы были целью медитаций, впечатления от которых участники эксперимента записывали, зарисовывали, выражали в той форме, которая была им наиболее близка.

Выяснялись смысловые поля трех часто употребляемых в обычной речи слов: свобода, рабство и достоинство. Участники эксперимента после расслабления концентрировали внимание на ключевом слове-символе, а после выхода из медитативного состояния делились впечатлениями о пережитом. Результаты экспериментов были таковы: семантическая матрица слова «свобода» была представлена словами «полет» («парение»), «беспредельное пространство», «радость», «свет». Протоколов, содержащих новый опыт, было 66,6%, ассоциаций — 12,5, рассуждений — 8,4, клише — 12,5%. Семантическая матрица слова «рабство» была представлена словами «тьма», «тяжесть» (угнетенное состояние), «свет» (как освобождение). Протоколов, содержащих новый опыт — 68,2%, ассоциации — 6,8, рассуждения — 9,1, клише — 15,9%. Семантическая матрица «достоинство» была представлена словами «свет», «радость», «тьма» (выход из нее), где свет — активное начало, побеждающее тьму. Протоколов, содержащих новый опыт, — 66,6%, ассоциации — 12,8, рассуждения — 10,3, клише — 10,3%.

Во всех отчетах об эксперименте свет противоборствует с тьмой и противопоставлен ей как положительная сила, он вызывает радость, положительные эмоции. В.В. Налимов полагает, что такого рода эксперименты позволяют построить матрицы семантических полей, которые выступают как инварианты коллективного бессознательного.

Гипноз

Гипноз выступает еще одной формой измененного состояния сознания. Впрочем, Василий Васильевич не приветствует термин «измененное состояние сознания», он считает его малоудачным, так как в случаях «измененных состояний» речь идет не о какой-то особой труднодостижимой сфере, а о том же самом сознании, в которое мы попадаем как бы «с другого входа». Если бы тот пласт сознания, который мы именуем «измененным», не сопутствовал нашему дискретному словесному сознанию в ходе обыденной жизни, то все мы были бы просто хорошо запрограммированными автоматами. Наше поведение описывалось бы теми нормативными моделями, о которых так любят говорить психологи и социологи. Но глубинное всегда стоит за дискретно-организованным мышлением. Гипноз является издревле известным ходом в область континуального. В гипнотическом состоянии обычное, логически структурированное сознание гасится, исчезает привычное восприятие реальности, критицизм, актуализируются примитивные синкретические формы мышления. Гипнотическое состояние сближено со сном тем, что в обоих случаях появляются архаические образы.

Сон

Серьезное научное изучение сна мы встречаем уже у З. Фрейда и А. Адлера, более глубокий философский подход — у Фромма и Юнга. В концепции Фромма в снах на языке символов с нами говорит наш внутренний опыт, у этого языка — другая логика, где ведущую роль играют интенсивность и ассоциация. Однако, Фромм останавливается на сне как отражении личной истории, в то время как Юнг видит в снах некую самостоятельную реальность. Впрочем, возможен, говорит В.В. Налимов, еще один подход: понимать сны вообще без концептуализации, без рефлексии, как понимают музыку. Надо быть просто глубоко внимательным к снам, ибо там на бессознательном уровне происходит перестройка наших ценностных

представлений. Разгадывание наших вещей снов — одна из форм вероятностного прогнозирования.

БИОХИМИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Интоксикация некоторыми химическими веществами известна с незапамятных времен как средство для получения измененного состояния сознания. Сейчас этот феномен стал объектом пристального исследования. В результате приема психоделических средств возникают состояния, очень близкие к медитативным. Психоделические средства воздействуют непосредственно на эмоции и выступают как некий триггер, открывающий прямой путь к измененному состоянию сознания. Возможно, именно эмоции являются тем первым звеном, которое открывает доступ к континуальным потокам, нарушая чисто логический ход мышления.

Дзен-буддизм

Религиозно-философская система дзен представляет собой особую культуру, которая обращена к внеязыковому опыту. Она стремится к восприятию мира вне логического осмысления, без словесной коммуникации. Там утверждается, что реальность надо пережить и не следует стремиться выражать ее в словах. Поэтому дзен не имеет четко выраженной доктрины.

Дзенское состояние достигается с помощью трех приемов: дзадзен — дзенской формы медитации, коанов — абсурдных загадок без логических отгадок, и мондо — бесед «огневой скорости». Все они служат для того, чтобы пробудить ищущего от сна повседневности, освободить сознание от словесно-логических ловушек. В дзенских диалогах, не имеющих разрешения на обыденном языке, человек теряет собственное «я», представление об отдельности своего существования. Состояние сатори — просветления достигается за счет интуитивного прорыва через логические барьеры — к континуальности мышления.

Византийский исихазм

Исихазм (от слова «исихия» — покой, безмолвие) означает монашеское движение, особо распространившееся в 14 веке в Византии. Его возглавлял богослов Григорий Палама. Исихазм предполагал обет молчания, глубокое сосредоточение для общения с Богом, практиковал психо-физические упражнения, близкие к йоге. Исихасты искали внелогические, внерациональные пути к Богу — способы вхождения в континуальные потоки. В.В. Налимов говорит о том, что в истории мы можем назвать два фокуса, из которых расходятся волны поиска континуального, это Будда и Христос. Навстречу им шел поток логического знания, зародившегося в Древней Греции.

Построение внеязыковой коммуникации современными техническими средствами

Примером попытки невербальной коммуникации в современной культуре является «синестетическое кино». Оно использует лазеры, особую оптику, деформирующую изображение, электронику. Фильм создается как картина текучего настоящего, идет мозаика одновременности, части изображения сплавляются друг с другом. Хотя кино такого рода состоит из дискретных элементов, оно задумано и отредактировано как непрерывно воспринимаемое переживание. Это один образ, трансформированный в другие образы: метаморфоза. Авторами этого типа кино делается попытка выйти за дискретные границы языка.

Резюмируя описания разных путей приобщения к континуальности сознания, бытующих в культуре прошлого и настоящего, Василий Васильевич вопрошает читателя: не убеждает ли нас все здесь сказанное в том, что практически невозможно понять описанные факты, не прибегая к представлению о непрерывности мышления? И ответ подразумевается: прибегать к идее континуальности мышления необходимо. Реальные факты заставляют нас расширить ту шкалу, в рамках которой мы привыкли рассматривать психическую деятельность человека.

Идея континуальности закономерно подводит нас к другой гипотезе — гипотезе о субстанциональном существовании полей сознания. Это поля, которые выходят за рамки нашей субъективности, они — вне человека. Осмысление многообразного опыта, связанного с измененными состояниями сознания, приводит нас к вопросу о том, является ли человек творцом континуального мышления или только приемником тех полей, которые бытийствуют вне его. Если это второе предположение верно, то тогда оказывается, что все перечисленные виды духовных практик — это способы настроиться на прием.

Так Василий Васильевич Налимов делает решительный шаг от чистой гносеологии в понимании континуальности сознания — к онтологии. Совершенно ясно, что эти его идеи не могли быть не только в полной мере приняты, но и поняты большинством советских философов в 70-е — начало 80-х годов XX века. Коллеги-философы, окружавшие Василия Васильевича, были воспитаны в традициях марксистского материализма, и это накладывало ограничительные рамки на восприятие ими концепций, выходивших за рамки материалистической парадигмы. Необходимо было раскрепощение сознания, эзотерика должна была вернуться в духовную жизнь, чтобы идеи В.В. Налимова могли засиять в полную силу и органично войти в состав нового формирующегося мировоззрения.

Но вернемся к вопросу о полях сознания. В.В. Налимов говорит о том, что оно глубоко связано с философскими идеями Востока, но не чуждо и западным воззрениям, стоит вспомнить Платона с его эйдосами, Шопенгауэра с мировой волей, Юнга с представлениями об архетипах. Судзуки говорит о Космическом бессознательном, Фромм — о Космическом сознании. Какие же аргументы существуют в пользу гипотезы о субстанциональном существовании континуальных полей?

Это опыт расширения сознания и выход за границы личности, при котором человек воспринимает себя как часть некоей мировой целостности. Это полное слияние людей друг с другом при взаимном гипнозе. Это переживание в Мистериях, это мифологические мотивы в снах, воспроизводящие древнейшие космогонии. Создается впечатление, что континуальные потоки — это кладовая нашей культуры, из которой мы черпаем свои представления, но лишь в той мере, в которой наше дневное сознание способно их воспринять. Возможно, прогресс и состоит в подготовке сознания к восприятию протекающих вне его потоков.

Может быть, говорит Василий Васильевич, нужно ограничиться тем, что континуальные потоки находятся вне человека, но не вне человечества? Однако этот вопрос остается у него брошенным как бы между прочим среди аргументов, свидетельствующих о более фундаментальной роли континуальных полей сознания, об их бытийной космической природе.

Обратимся к онтологическим представлениям В.В. Налимова, которые тесно связаны с его эзотерическим гностическим взглядом на мир.

ТАЙНА МИРОУСТРОЙСТВА

Своеобразие и неповторимость личности Василия Васильевича Налимова помимо всего прочего состояли в том, что он был человеком, глубоко чувствовавшим загадочность и манящую таинственность мира, в котором все мы живем. Будучи ученым, испытывая природу в экспериментах, он не стал ни узким прагматиком, ни холодным аналитиком, бесстрастно взирающим на анатомируемую реальность. В нем всю жизнь сохранялся восторг юности перед загадками универсума, печаль от несовершенства людского бытия, которая сквозит во многих его текстах, и преклонение перед недоступной нашему рациональному пониманию творческой энергией Сверхсознания, которое созидает вселенные и играет ими. В.В. Налимов всегда оставался «посвященным рыцарем», служителем могучих светлых сил, и это сакральное измерение его биографии накладывает мощный отпечаток на его исследования, на результаты его интеллектуального поиска. Сам о себе он писал: «На современном языке я пытаюсь еще раз и опять по-новому излагать издревле данное нам Учение, соприкасающееся с Запретельным. Думается, что мы все время реинтерпретируем некую глубинную Мысль, невыразимую до конца. Интерпретируем в соответствии с современным состоянием культуры. В соответствии с запросами времени» (1, 365.)

Тайна мироздания в понимании В.В. Налимова — это оплодотворяющее начало в развитии человечества, стремление к соприкосновению с Тайной заложено в нас изначально. Именно стремление к Тайне породило мировые религии и крупные эзотерические течения: христианство, гностицизм, буддизм — разные пути к одному и тому же. Даже секс может оказаться путем к Тайне, как это происходит в тантризме. Однако Тайна по сути не схватываема, и те религиозные направления, которые думают, что «знают истину», те, что решили, будто вполне овладели Тайной, неизбежно терпят поражение, приходят к своему закату. Именно утверждение

наличия Тайны — великой и непостижимой — есть современный ответ на основной вопрос философии.

Надо сказать, что в этих своих воззрениях В.В. Налимов весьма близок к немецкому мыслителю XX века К.Ясперсу, который считал, что единственный подлинный вид веры — это «философская вера в последнюю тайну», и ни одна религия не должна претендовать на то, что окончательное решение у нее в кармане: тогда великий диалог идей и концепций прервется.

«У слова Тайна, — пишет Василий Васильевич, — много синонимов. Один из них — Бог, другой — Истина, третий — Созерцание, далее — Воображение.... И, наконец, Спонтанность. Только через воображение, открывающееся в созерцании, происходит соприкосновение с тайной. Отсюда и интерес к медитации. Отсюда и устремленность к музыке... Но воображение должно быть поддержано — силой, устремленной к тайне; эмоциональной напряженностью поиска; философской мыслью, ставящей вопрос» (4, 253).

Жажда познания ведет нас к тому, что, влекомые Тайной, мы все время ищем новые символы для понимания мира. В наше время поставщик таких символов — математика. Дальнейшее углубление связи философии с наукой (если оно осуществится) приведет к тому, что философия будет пользоваться языком математики. Это вполне возможно потому, что мы воспринимаем мир через пространство, время и с помощью логики. Четкая математическая формулировка позволяет отчетливо ставить вопросы, обращенные к глубинам сознания. Хотя язык математики не для всех приемлем, это результат избирательности нашего сознания: оно никогда не владеет всем возможным.

Однако, даже пользуясь языком математики, мы ничего не можем внятно сказать о причинах всего. Попытка опираться на фигуру Творца, являющегося причиной самого себя, — самообман. Если Творец существует без внешних к тому причин, то и все остальное тоже может существовать без таких причин. Здесь мы снова сталкиваемся с Тайной, на которую не можем получить ответа, с которой не в силах справиться.

Однако мы все же не можем не создавать моделей, не искать символов для Тайны. Поэтому сам В.В.Налимов тоже создает определенную модель, некий образ мирового начала. Он мыслит это начало как Сверхсознание. Мы читаем на страницах его книги: «Может быть, Мироздание — это тоже творящее Существо, обладающее Сверхсознанием, могущим воспринимать и осмысливать все происходящее, где бы и как бы оно ни совершалось, — даже в пространствах иных геометрий и в неведомых временах. И

тогда рукописи, действительно, не горят. Иначе говоря, все сотворенное сохраняет свой след. Встав на такую позицию, мы расширяем основу бытия Вселенной, признав, что она обладает скорее *семантической* структурой» (6, 27).

В то же время реальность дана нам только через нас самих, мы организуем ее способом собственного видения. Все мы являемся Наблюдателями, поэтому поиски чисто-объективной реальности тщетны. Жизнь — это непрерывно протекающий эксперимент, который направлен на раскрытие реальности сущего. Возможно, полагает В.В. Налимов, жизнь вообще имеет смысл лишь то тех пор, пока расширяет горизонт нашего восприятия и переживания Мироздания, а такое переживание всегда лично.

Но есть и общие всем людям формы представленности бытия. Они даны нам сознанием, одной из задач которого является упорядочивание наших сенсорных восприятий. Уже Кант показал, что образ созерцаемого нами мира — это не просто механическое отображение внешних влияний, а активная творческая реконструкция. Человек не пассивный наблюдатель, а великий архитектор, который строит здание Вселенной, опираясь на опыт взаимодействия с миром. Что же это за формы, заложенные в сознании и делающие мир таким, каким мы его видим?

Это прежде всего пространство. В свое время, говоря об априорности пространственных форм, И. Кант имел в виду только трехмерное пространство, задаваемое геометрией, но сейчас человечеству известны многомерные пространства, пространства с фрактальной структурой (с дробномерной размерностью), метрика может быть гомогенной и гетерогенной, кривизна пространства задается различным образом, пространство может быть расслоенным. Все свои представления об этих пространствах человек извлекает из собственного сознания. Оно оказалось способным производить различные геометрии. Успех современной физики во многом определяется ее геометризацией.

Однако каково пространство мира само по себе, без геометрий? Видимо, оно равно ничто. Лишенное атрибутов, оно не может быть обнаружено и не может считаться существующим. Именно благодаря Наблюдателю мир оказывается пространственно упорядоченным. Но вопрос о том, кто этот наблюдатель — человек-личность или внеперсональное сознание — пока остается открытым.

Вторая универсальная форма упорядочивания мира — время. Для Канта оно является априорно заданной формой чувственного созерцания.

Мы же можем сказать, что это конденсированный тысячелетний опыт взаимодействия человека с миром. Это мера изменчивости. Время — числовая упорядоченность вещей, следующих одни за другими, и оно ритмически организовано. Человек сам существует во взаимодействии своих ритмов: ритма дыхания, ритма смены дня и ночи, ритмов метаболических процессов, лунные циклы. Физическое время замедляется, если скорость системы приближается к скорости света, а наше собственное субъективное время то ускоряется, то замедляется в зависимости от ситуации, и пределом замедления выступает смерть.

Мы знаем не столько само время, сколько идею о нем, и можно полагать, что именно универсальное сознание фундирует наши расширяющиеся представления о времени и приводит нас к теме надвременности.

Число — третья важнейшая форма, которую сознание вносит в мир. Числа, даже натуральные, — это то, что создано Наблюдателем. Они производны от вопросов, задаваемых людьми, от поиска смысла определенной ситуации. В своем простейшем варианте натуральные числа отвечают на вопрос «Сколько вещей данного типа находится здесь?» Но семантическая, смысловая природа числа еще ярче выражена в отрицательных числах, рациональных и иррациональных числах, трансцендентных числах. Не являются исключениями и физические константы, которые входят в физические уравнения, определяя фундаментальные характеристики нашего мира. Они — тоже ментальные сущности, которые вмонтированы в физический мир.

Говоря о заданных сознанием формах, определяющих облик мира, нельзя не назвать логику и творческое воображение. В.В. Налимов говорит о Метанаблюдателе, который творчески осмысливает наблюдаемое. Не только пространство, время, число являются для нас проводниками к реальности, но и наша фантазия, живой полет мысли, способность творить новое (впрочем, оговаривается Василий Васильевич, реальностью обычно признается то, что допущено культурой сегодняшнего дня). Фактически представление о реальности оказывается изменчивым, *скользящим*. Это хорошо иллюстрируется примерами изменения теоретических представлений, в частности, философского представления о Ничто.

Так в Древней Индии к ничто человек приходит через состояние нирваны, ничто — это сверх-бытие, оно является конечной целью человека. Иначе трактовало Ничто христианство. Здесь можно видеть два подхода: один —

представление о сотворении Богом мира из ничего. Другой подход — представление о незримости самого Бога, существующего в ничто (это подход гностиков и Псевдо-Дионисия Ареопагита, повлиявший потом на мистиков: каббалистов, Мейстера Экхарта и Якоба Бёме). Вопрос о соотношении понятий Небытия и Ничто латентно содержится в высказываниях о Небытии протестантского теолога XX века Пауля Тиллиха. Все это свидетельствует о постоянном изменении смыслового поля понятия Ничто и о богатстве его содержательных оттенков. Представление о Ничто также меняется и «скользит» как любое другое понятие, развиваемое творческим интеллектом.

И все же каковы критерии оценки того, что мы можем назвать реальностью? Для В.В. Налимова это, несомненно, сознание, но он подчеркивает, что весьма часто сознание не воспринимается как реальность, так как оно непредметно, не ощутимо подобно вещи. Сознание воспринимается только через самопроявление, оно спонтанно — принципиально непредсказуемо и требует вероятностного подхода, который, как ни странно, трудно дается гуманитариям. В основе мироздания лежат смыслы, но трудно ответить, кто создал их и где они находятся (впрочем, тот же вопрос без ответа можно отнести и к физическим константам). Пытаясь ответить на поставленный чуть выше вопрос о критериях реальности, можно ответить так: реально все, что позволяет нам осмыслить Мироздание. Этот критерий, отмечает Василий Васильевич, быть может недостаточно обоснован, но он действует, пусть неуверенно, но дает нам возможность осмысливать то, что открывается перед нами.

Какова же структура сознания человека, того самого сознания, которое задает облик реальности, и как связано оно со своим космическим трансцендентным истоком?

Для В.В. Налимова индивидуальное сознание — это часть, момент Космического сознания, которое выступает как текст, несущий смыслы. Индивидуальное сознание и совпадает с Мировым семантическим полем, и не совпадает с ним, выступая до некоторой степени автономным и общаясь с высшим первоначалом через вопросно-ответный диалог. Семантическое поле еще не распаковано, оно являет собой потенциальность, раскрываемую людьми в том числе через их вопрошания. Получая ответы на свои вопросы из мира Метасемантики, индивидуальное сознание само творит мир — мир культуры, выступая при этом как микродемиург. Однако структура индивидуального сознания не совпадает полнос-

тью со структурой космического сознания. В индивидуальном сознании мы находим следующие слои:

1) первый (высший) уровень нашего сознания, где смыслы раскрываются через обычную аристотелевскую логику. Это уровень логического мышления;

2) второй уровень, находящийся, условно говоря, «ниже» первого, — это область предмышления, где вырабатываются исходные установки, на которых основывается логическое мышление;

3) третий уровень, еще более глубокий — это подвалы сознания, где совершается чувственное созерцание образов, там находятся архетипы коллективного бессознательного, описанные К.-Г. Юнгом; уровни 2 и 3 можно назвать областью бессознательного;

4) самый нижний слой — физическое тело, психосоматический уровень, тесно связанный с эмоциями.

Измененные состояния сознания, на изучении которых строится трансперсональная психология, возникают при отключении высшего логического уровня нашего внутреннего мира, которое осуществляется при помощи специальных психотехник;

5) уровень пятый, надстраивающийся над человеческим сознанием (метауровень), является Космическим сознанием. Это источник творческих импульсов, некая «гностическая плерома», обладающая свойствами континуальности. Из метауровня Космического сознания к нам нисходит смысловой поток, который мы воспринимаем выборочно, создавая фильтры, выхватывающие вероятностно-определенные моменты смыслового поля. Так континуальное улавливается дискретными формами логики, не теряя при этом своей размытой вероятностной природы. Уровень 5 не подвластен человеку, нечеловекоразмерен. Он действует спонтанно, выступает для нас как загадочный и таинственный. Таким образом, за процесс предмышления отвечают два уровня — уровень 2, подчиненный Бейесовской логике, и уровень 5, посылающий нам континуальный смысловой поток;

6) однако можно назвать еще один, шестой уровень — это подвалы Космического сознания, они связаны с уровнем 2, то есть являются космическим вместилищем архетипов, которые в индивидуальном внутреннем мире становятся достоянием человека.

Таковы общие характеристики взаимодействия структур индивидуального и Космического сознания.

Особый вопрос составляет для В.В. Налимова тема эволюции, характеризующей как биологический мир, так и культурную действительность. Эволюционизм рассматривается им как универсальный подход ко всему живому, без которого трудно что-либо правильно понять. Именно эволюционистский взгляд Метанаблюдателя позволяет видеть биологический мир как изменчивый, развивающийся. Стороннику эволюционизма, да к тому же стоящему на позициях вероятностного подхода, живая природа раскрывается как язык, который надо понять, этот язык состоит из двух начал — континуального и дискретного. На генетическом языке словами являются кодоны, на уровне экосистем в качестве дискретной составляющей выступают особи, вид или любое надвидовое образование. Континуальным началом является биологическая семантика, т. е. все потенциально возможное многообразие морфофизиологических признаков, которые можно упорядочить на числовом континууме. Говоря о морфофизиологическом континууме, можно перейти к понятию морфофизиологического поля, которое содержит все возможные варианты развития организма, но разным участкам поля придаются разные меры. Из перестройки мерных соотношений следуют изменения организмов и популяций в определенном направлении. Перестройка организма в эволюционном процессе предполагает согласованность, которая задается мерой, охватывающей все поле признаков, однако внешне изменения воспринимаются как дискретные.

Эволюция происходит спонтанно, при этом она не подчинена жестким закономерностям (Василий Васильевич замечает, что если бы она была жесткой, то представляла бы собой некое демоническое начало), а является распаковкой, актуализацией на данный момент одного из вариантов, потенциально заложенных в семантическом универсуме. Концепция эволюции В.В. Налимова близка к идеям номогенеза С.Л. Берга, в соответствии с которыми эволюция является раскрытием уже существующих задатков, однако является ее вероятностным переосмыслением.

Эволюционизм, полагает В.В. Налимов, должен непременно пониматься с помощью категории спонтанности. Он пишет: *«Спонтанность выступает перед нами как не обусловленная причинно-следственными связями, хотя и несущая элементы необходимости распаковка того, что потенциально заложено в природе. Спонтанность проявляется через меру. Будучи записанной через силлогизм Бейеса, она выступает перед нами как углубление наших представлений о роли случайного в эволюции... Наверное, спонтанное появление новой информации можно было бы также назвать*

способностью системы к *самотрансценденции* (Е.З.: самотрансценденция понимается в данном случае как выход за пределы самой себя) (6, 134).

Глобальный эволюционизм дает возможность рассматривать развитие культуры по тем же принципам, что и изучение изменений живой природы. Развитие культуры — это раскрытие через тексты смыслов, латентно заключенных в Семантическом поле. Создание новых текстов и их понимание предполагает наличие глубинного континуального уровня сознания, непосредственно связанного с Семантическим универсумом. Здесь происходит вероятностная оценка смыслов — это предмышление, подготавливающее все последующие зримые изменения наличного текста. На глубинных уровнях сознания люди предвидят грядущие события, готовятся к ним, предчувствуя назревание изменения ценностных представлений. Именно так человечество подходит к революциям: оказывается вдруг, что изменения назрели, что ценностные представления многих стали иными. Это делает возможными новые события, немыслимые совсем недавно. Особенность всего живого, может быть, основное его отличие от неживого, говорит В.В. Налимов, состоит в том, что живое обладает элементом Будущего в Настоящем.

Каждая культура обладает некоторой ценностной доминантой — парадигмой, которая являет собой размытое поле ценностных представлений, разные участки которого имеют разные вероятностные веса. Наряду с доминирующей парадигмой существуют субпарадигмы, которые находятся в подполье культуры: это ростки будущего. Не все они могут реализоваться, но при определенных конкретных условиях спонтанно создается такой фильтр выбора, который запускает в рост одни идеи и ценностные представления и блокирует либо тормозит другие.

В качестве примера можно привести возникновение христианства. У его истоков лежали ценности иудейской культуры, выраженные в текстах Ветхого Завета. Произошел некий эволюционный толчок, который стал трансформировать прежние ценности в новую ценностную ориентацию. Если рассмотреть Новый Завет, то прежние ветхозаветные идеи и ценности присутствуют в нем как фон, на котором появляются новые проблемы, формируются новые представления, которые в скрытой или явной полемике с прошлым образуют ценностный каркас христианства. Но фон прошлого существует: одни моменты на нем остались почти не тронутыми, другие оказались подавлены.

Одновременно с христианством под влиянием эволюционного толчка стала развиваться другая субпарадигма, скрыто пребывавшая до этого в общественном подсознании — гностицизм, находящийся под большим влиянием идей Востока. Связующим звеном между христианством и гностицизмом оказалось четвертое каноническое Евангелие. Две системы, порожденные одним эволюционным толчком, не могли сосуществовать. Гностицизм был подавлен. Впрочем, гибель гностицизма и торжество иудео-христианства можно считать результатом естественного отбора. Гностицизм оказался слишком утонченным и чересчур бескомпромиссным, он не мог приспособиться к окружающей культурно-психологической среде. В виде манихейства одно из его направлений устремилось на Восток, но гностицизм не выжил и там, хотя манихейство просуществовало дольше других направлений. Это тоже пример эволюционной попытки выживания путем изменения ареала обитания.

В.В. Налимов, развивая свой взгляд на глобальный эволюционизм, говорит, что и в наши дни тоже идет эволюционная борьба за выживание между двумя направлениями мысли: между старым позитивистским направлением, уповающим на механистичность природы и формализацию в логике, и новым, которое основано на идеях неопределенности, вероятности, трансперсональности сознания. Новое направление в методологии представляет собой широкое русло, захватывающее разные движения мысли. В непрестанной борьбе концепций возникает парадигма нашего времени, мы живем сейчас в мире двух перекрывающихся парадигм.

СМЫСЛОВАЯ ПРИРОДА ЛИЧНОСТИ

Важнейшая проблема, которая занимает Василия Васильевича Налимова, — это проблема личности. Как связана личность с предельной реальностью Мира? Как взаимодействуют феномен личности и смысл? Без ответа на эти вопросы мы не можем определиться в собственной жизни, понять ее внутренние цели и возможности. Каждая культура создает свое представление о личности, и пусть эти конкретно-исторические взгляды всегда выступают как миф, но миф, глубоко значимый для нас. Любой исследователь личности опирается на предшествующую традицию понимания личности, и В.В. Налимов строит свои размышления, опираясь на большой обзор позиций предшествовавших ему авторов от Платона до Чарльза Тарта и от Декарта до Станислава Грофа.

Сам он полагает, что вопрос о личности может успешно рассматриваться с позиций вероятно ориентированной философии. Такой подход позволит увидеть личность в ее изменчивости, многомерности, динамике, в ее открытости миру.

С точки зрения В.В. Налимова личность — часть и момент универсума, причем универсума семантического, исполненного смыслов. Личность — текст, способный сам себя интерпретировать, и, будучи таковым, он соотнесен с миром — множеством текстов. Человеку предшествует и его сопровождает в качестве источника и фона всего происходящего семантический континуум, который можно представить как соотнесенный с числовой осью, подобно континууму чисел натурального ряда. Смыслы мира спрессованы так же, как числа на линейной оси, и фактически несчетны.

Примечательным является то, что смысловой континуум, пронизывающий всю нашу жизнь, не распакован и являет собой потенциальность. Он — семантический вакуум. Человек выступает той фигурой, которая распаковывает смыслы, переводит их из потенциального состояния в актуальное. Этот процесс происходит как

фильтрация, выбор из бесконечного числа смыслов именно тех, что востребованы здесь и сейчас. В любом реальном тексте (и в личности, если понимать ее как текст) смыслы всегда оказываются заданы избирательно. «Знать все — значит не знать ничего». Именно выбор одних смыслов при игнорировании в данный момент других выводит их из Великого Ничто, из темноты и Тайны, делает их явленными и актуальными.

Смыслы существуют самостоятельно, это особая реальность. С точки зрения В.В. Налимова раскрывать смыслы можно через пространственно-метрические представления, так они окажутся увязаны в единство с миром физических явлений. Подобное увязывание приближает нас к теории единого поля, охватывающего обе реальности — физическую и семантическую. Таким образом посредниками между мирами оказываются геометрия и число. Смыслы, качественные по своей природе, получают количественные характеристики, приобретают свое мерное выражение на графике, где каждому смыслу оказывается приписана определенная вероятность. Метрические деформации графика будут указывать в этом случае на изменение вероятности приписывания ситуации именно данного смысла. Единство реальностей говорит о единстве мира, что получило выражение в современном Холоддвижении, которое было основано Д. Бомом.

Однако вернемся к теме личности, живущей и развивающейся в едином материально-семантическом универсуме. Личность выступает здесь как генератор и преобразователь смыслов, она владеет исчислением смыслов. Личность оказывается способна совершать действия, порождаемые новыми смыслами. Однако, что являет собой она сама? Каково ее строение с точки зрения семантического вероятностного подхода?

В.В.Налимов считает, что семантическая модель личности является четырехгранной и включает в себя Эго, Метаэго, Многомерность личности и Гиперличность. Василий Васильевич прибегает к этим необычным терминам, поскольку найти язык для описания динамического самораскрытия личности очень трудно, и подобное описание выступает фактически творческим процессом. Остановимся на четырех состояниях личности, описанных В.В.Налимовым с учетом того, что состояния Эго и Метаэго практически постоянно присутствуют в человеческой жизни, в то время как Многомерность личности и Гиперличность находят проявление отнюдь не в любой момент, а выступают на первый план, скорее, в экстраординарных ситуациях.

Наличие эго — свойство личности, капсулизированной в теле. Термин «капсулизированность», применяемый В.В.Налимовым, очень точен, так как подчеркивает замкнутость человека в рамках тела, существование сознания в достаточно жестких границах телесности. Вспоминаются стихи М.Цветаевой: «Жив, а не умер демон во мне, в теле как в трюме, в себе — как в тюрьме...»

Итак, личность капсулизована, но в то же время она открыта все-ленской смысловой потенциальности, из которой извлекает определенную совокупность смыслов. Личность сама — смысловой паттерн, который может выглядеть по-разному. Смыслы, составляющие этот паттерн, могут быть однозначными, Эго — жестким, не податливым для изменений, как бы застывшим. Если изображать такое Эго на графике, то график получится иглоподобным, так как одни и те же смыслы воспроизводятся здесь с высокой вероятностью, не допуская никаких других толкований. Это — человек-догматик, раз и навсегда приверженный определенным истинам.

Однако Эго может быть гибким, открытым, его смыслы флуктуируют, до некоторой степени меняются, перестраиваются, что выражается изменениями на графике.

Смысловой паттерн, свойственный нашему внутреннему миру, таков, что по своим краям, несколько в отдалении от смыслового ядра, он содержит смыслы, связанные с нашим историческим и предысторическим прошлым. Если человек медитирует, находится в состоянии острого стресса или принимает психоделики, он может актуализировать эти давно забытые смыслы, обычно не замечаемые ясным дневным сознанием.

Выступая капсулизированной совокупностью текстов, несущих смыслы, личность при вероятностном к ней подходе рассматривается как единство двух начал: континуального и дискретного. Континуальным выступает семантическое поле, из которого мы черпаем наши смыслы, дискретной является конкретная конфигурация этих смыслов, их мерная определенность. Чтобы проиллюстрировать свою мысль, В.В. Налимов прибегает к образам *тонали* и *нагвали* из книг Карлоса Кастанеды. Мексиканский колдун дон Хуан учит Карлоса, что «Тональ — это все, что мы есть... Тональ —

это все, что мы знаем... Тональ начинается с рождения и заканчивается смертью... ..тональ является творцом, не творящим ничего. Другими словами, тональ составляет правила, посредством которых она способна понимать мир». Фактически речь идет о вещных, дискретных характеристиках эмпирического мира, о форме, границы которой отделяют одни предметы от других. «Нагваль, — говорит дон Хуан, — это часть нас самих, которая не имеет определения: ни слов, ни имен, ни ощущений, ни значения ... нагваль способна на непостижимые явления». Очевидно, нагваль — это есть бесформенное ничто, и оно же — континуальность, не имеющая форм и границ. Из этой континуальности рождаются все конкретные формы, и когда-то они вновь приходят к ней.

Наша семантическая капсулизация — эфемерна, — говорит В.В. Налимов. Мы стараемся этого не замечать, но это так. Мы теряем свое Эго, когда засыпаем, когда оказываемся под гипнозом, в глубокой медитации и при полной и продолжительной изоляции. Мы часто устаем от жесткости нашего Эго, и культура выработала целый ряд средств временного избавления от него: мистерии, карнавалы, алкоголь, психоделические средства. Наше Эго не равно самому себе еще и потому, что открыто изменениям, благодаря которым переходит в состояние Метаэго — трансформации и развития.

МЕТАЭГО

Эго предстает перед нами как носитель сложившихся устойчивых смысловых оценок лишь тогда, когда человек находится в привычных условиях. В экстремальных обстоятельствах оказывается необходима перестройка вероятностного распределения смыслов, которые должны теперь соответствовать новому положению дел. В критических «пограничных» ситуациях приоткрывается прежде скрытая от нашего взора сокровенная сторона личности.

Критические ситуации создают эволюционные толчки, которые ведут к изменению личности. Метаэго выступает как наша изменчивость, наша способность быть другими. Смысловой паттерн перестраивается, и это происходит спонтанно. Фактически на языке вероятностного подхода

В.В. Налимов описывает то, о чем Сартр в статье «Экзистенциализм — это гуманизм» говорит как о спонтанном свободном выборе: мы узнаем, каковы мы, только тогда, когда мы уже совершили поступок, само совершение поступка есть акт нашего самоизменения без непосредственного участия рефлексии. Перестройка смысловой целостности Эго (проявление Матаэго) связано с генерированием нетривиальных фильтров — актуализацией тех смыслов, которые находились на окраинах, и эта актуализация совершается как бы сама собой, без предварительных расчетов и размышлений.

Однако как возникает способность создавать нетривиальные фильтры — переходить от прежних смысловых позиций к новым? В.В.Налимов считает, что раньше источником этой способности выступали инициации, которые готовили будущих героев, обращаясь к мифу и эпосу. В наши дни функция обучения ценностному самоизменению отдана художественной литературе, описывающей сдвиги в мироотношении близких читателю персонажей. И все же это лишь имитация, квазиинициация. Чтобы реально меняться, человек должен сам оказаться в нетривиальной ситуации, а не наблюдать со стороны жизнь души литературных героев. Трагизм в собственной судьбе — вот что провоцирует появление нетривиальных фильтров. Здесь идеи В.В.Налимова, как он сам замечает, перекликаются с позициями французского персонализма, развивающего тему роли трагизма в человеческой судьбе. Именно степень трагичности ситуации определяет силу и глубину смысловых перестроек.

Трагизм, выступающий фундаментальной характеристикой человеческой жизни, тесно связан с творчеством, собственно, это два способа семантического раскрытия личности. Личность — текст, способный к самоинтерпретации и вероятностному самоизменению — выступает как микродемиург, а судьба демиурга трагична, что отмечено во многих мифах и легендах. Вся западная культура уходит своими корнями в трагизм. Соотношение трагизма и творчества действует по системе «тяни-толкай»: трагизм вызывает к жизни творчество, а творчество, принося новые смыслы, может быть не понято современниками, что приводит к новой трагической ситуации.

Трагичность является сущностной характеристикой человека. Во-первых, вне поиска нового и его драматического переживания человек испытывает скуку и тоску. Во-вторых, смысловая трагичность поддерживается постоянной заботой человека о будущем: выбирая то, что еще не

было реализовано, забегая вперед, человек раскрывает смысл с непредсказуемыми последствиями (так образуется Метаэго). И, наконец, смысл (ведущая характеристика, делающая человека человеком) и трагизм — это синонимы, слова со взаимно связанными значениями. Смысл есть предпочтение и выбор, он выражает противостояние мнений, желания и страсти, а, значит, непосредственно сплетен с трагичностью, разорванностью, самотрансформацией. Только отказавшись от смыслов, мы можем получить великий покой. Такой покой и есть предмет всех медитативных практик, выводящих человека за рамки смысловой сферы.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что Метаэго — это не предметность личности, а ее способность быть открытой запредельному.

Многомерность личности

Рассматривая личность в ее динамическом бытии, мы должны обратиться к представлению о многомерности семантического пространства. Благодаря этой многомерности личность может оказаться внутри себя двойственной вплоть до патологического расщепления на две самостоятельные персоны в одном теле. Однако в случаях нормы способность личности быть двойственной означает ее способность к вариабельности, гибкости. Это не удивительно, так как личность — не столько состояние, сколько процесс.

Обращение к внутренней жизни душевно здоровой личности показывает, что она постоянно ведет диалог сама с собой, а это становится возможным за счет ее внутреннего расщепления на субличности. Возникновение субличностей в свою очередь обусловлено нашей способностью не фиксироваться жестко на одной и той же смысловой установке.

В.В. Налимов считает, что примером многомерных семантических пространств являются художественные произведения. Так, например, Ф.М. Достоевский раскрывается для нас как личность в семантическом пространстве большой размерности: все герои его произведений корреляционно связаны между собой, они образуют многомерную личность, состоящую из двойниковых пар и в конечном счете рисуют облик са-

мого автора. Именно писатели, а не психологи отметили, что в острых над-рывных ситуациях человек может одного из своих двойников вынести вовне — визуализировать его сидящим напротив. У того же Достоевского Иван Карамазов выносит вовне и вступает в диалог с образом черта — своего язвительного и циничного «второго я». В романе Т.Манна «Доктор Фаустус» главный герой Адриан Leverkюн тоже беседует со своим двойником, что предопределяет трагизм последующих событий.

Двумерность нашего сознания выражается в том, что мы пребываем то в своем ясном дневном, то в ночном сновидческом состоянии, несущем в себе черты нашего архаического прошлого. Эти состояния настолько расщеплены, что актуализируются поочередно. На наличие по крайней мере двух измерений сознания обратил внимание З.Фрейд, истолковавший одну из структур как сексуализированное бессознательное. Свидетельства двойственности и многомерности сознания мы получаем, обращаясь к шаманскому трансу, расщеплению личности при аскетических практиках, эффекту ксеногlossии, к медитативному опыту. Медитация — прекрасный способ выходить из капсулированного мышления, расширять горизонты сознания, отправляться в путешествие по семантическим пространствам. Важно подчеркнуть, что создание многомерной личности не есть разрушение исходного Эго, а есть его бесконечная дополняемость.

Гиперличность

Гиперличность — межличностная структура, отрывающаяся от локализации в одном, единственном теле. Здесь в яркой форме проявляется континуальная сторона сознания, позволяющая преодолеть телесный барьер, выйти за соматическую границу.

Гиперличность рождается любовью или влюбленностью, когда сила чувства как бы объединяет двух людей в одно существо, совмещает смысловые поля сознаний. Гиперличность может быть намеренно создана, например, в тантрических практиках, которые ставят целью слияние двух людей в космическую пару через использование сексуальной энергии. Для этого применяется древняя ритуализированная техника, которая затрагивает физическую, духовную и эмоциональную сферы.

Гиперличность возникает в гипнозе, при котором гипнотизер становится для гипнотизируемого чем-то вроде демиурга, ибо его повеления определяют смысловые фильтры того, кто подвержен воздействию. Интересные результаты дает взаимный гипноз, в который два человека могут одновременно погружать друг друга: это ощущение расплавления границ личности и полного слияния одного человека с другим. Чтобы разрушить это специфическое единство, нужен третий сильный гипнотизер. Близкие эффекты наблюдаются и при совместном приеме супружескими парами ЛСД. Подверженность гипнозу и способность создавать мультиперсональную личность Василий Васильевич считает свидетельством гибкости личности.

Эффект, близкий к гипнозу и создающий гиперличность, можно наблюдать в мистериях древности, на современных дискотеках с ритмической громкой музыкой, в возбужденной толпе, в экзальтированности крестовых походов и истерии нацизма. Во всех этих случаях идея, насыщенная эмоциями и страстями, вырывается из-под разумного контроля и выступает как объединительная сила, которая порождает гиперличность во всем ее бурном и порой трагическом проявлении.

С гиперличностью мы можем познакомиться и в мифах древности. Христианская Троица, несомненно, являет собой гиперличность, иные тринитарные единства представлены в трудах Платона и Плотина, в иудаизме, в буддизме, у греков, римлян, кельтов и скандинавов.

В целом, можно сказать, что наша коммуникация протекает на двух уровнях: на уровне внешних вербально и логически оформленных коммуникаций, который характерен для западной культуры, и на уровне трансперсональном. Трансперсональность — это размыкание индивидов и слияние их смысловых полей в гиперличность, что может иметь весьма зловещее проявление и чревато потерей индивидуальности. Однако такой процесс может быть и частичным, если вступающие в эмоциональное и ментальное общение индивиды достаточно сложны внутри себя и способны к созданию в рамках собственного сознания множественной личности. Тогда возникает способность переживать чувства и разделять мысли другого без утраты собственного я.

После обзора характеристик личности с точки зрения соотношения в ней континуальности и дискретности В.В.Налимов задается вопросом: **что же такое личность?**

Если считать личностью Эго — наличное на сегодняшний день поле смыслов, капсулизированное телом, то она оказывается иллюзорной, ибо Эго легко разрушимо, способно меняться под влиянием внешних и внутренних факторов. Может быть, личность — это Метаэго? Но мы мало что знаем о нем, говорит ученый, — оно не наблюдается в спокойных условиях. Чтобы узнать человека, сказано в пословице, надо съесть с ним пуд соли. Мы можем сказать лишь то, что личность — интерпретирующий сам себя текст, способный самообогащаться, становиться многомерным. Он может быть связан с отдельным телом и с многими телами. Так личность проявляет себя как сложная и многогранная, таинственная и вечно изменчивая. Можно даже утверждать, что личность иллюзорна, но только так, как иллюзорен текст, поддающийся множеству интерпретаций, а это текст, изменяющий и толкующий сам себя. «Эта способность быть иллюзорной, — пишет В.В. Налимов, — и есть та самая главная, не схватываемая нами, особенность личности. В этом, как нам кажется, прежде всего его сущность» (4, 204).

Иллюзорность личности состоит в ее спонтанности. Спонтанность же — это открытость вселенской потенциальности, способность входить в резонанс с ней. Хотя о спонтанности писали многие авторы (Бл.Августин, Декарт, Лейбниц, Кант, Гегель и др.), ей все же не повезло, она не получила статуса философской категории. В отличие от Запада, на Востоке она приобрела облик Дао.

Смыслы непосредственно связаны со спонтанностью их появления. Без понятия спонтанности мы не можем понять бытия смыслов, поэтому необходимо предоставить ей статус философской категории. Однако содержание такой категории трудно для понимания, так как спонтанность проявляет себя вне причинно-следственных связей, она всегда — забегание вперед, смешение прошлого и будущего, некое трансличностное начало, которое загадочным образом связывает личное и вселенское. И в то же время мы чувствуем ее внутри нас.

Людям всегда хотелось свести спонтанность к чему-нибудь более простому, например, к воле Творца. Но спонтанность проявляла себя многогранно, и тогда стала необходима фигура Дьявола. Потом ученые попытались сковать спонтанность рамками законов природы, но и это не решило проблемы. Даже для понимания роли случайности западной мысли понадобилось две тысячи лет, а спонтанность — нечто гораздо более фундаментальное, чем случайность, спонтанность относится к из-

менению текстов и изменению смыслов в их взаимосвязанности. До сих пор не понимая природу спонтанности, мы не понимаем смысловую природу человека, но понять ее необходимо, потому что личность — это спонтанность.

Человеческая личность, внутренней сутью которой является спонтанность, способна к **трансценденции** — к выходу за пределы жесткой смысловой капсулизации. Трансценденция — путь преображения личности, поиск ее связи с природой и вселенским началом. В то же время это путь терапии — как для личности, так и для культуры, в первом случае преодолевается ограниченность, во втором снимается перенапряжение, так как трансценденция способна объединить в целое многих отчужденных друг от друга замкнутых в себе личностей. Это всегда выход из узости наличного сознания. Правда, трансценденция может быть и опасной, страстное стремление к ней способно разрушать привычный повседневный мир людей, но на этом пути всегда рождались новые религии и происходили изменения в старых. Возникновение христианства, мусульманства, масонства, популярность Каббалы, дело алхимиков — все это поиск выхода за пределы капсулизации и дискретности: к трансцендентным смыслам.

Пути трансценденции многообразны. В.В. Налимов пишет о том, что издревле фундаментальные характеристики мира раскрывались через воображение. Воображение — это путь к творчеству, путь к раскрытию смыслов. Фундаментальное видение пространства, понимание числа, овладение логикой и языком — все это дело воображения.

Другой путь — это медитация, порой люди спонтанно входят в медитативное состояние, получая, если выражаться языком А. Маслоу, пиковый опыт.

Создание гиперличности тоже может вести нас по путям трансцендентного.

Особое значение имеет создание надвременной гиперличности, которая возникает в реинкарнационных воспоминаниях. И неважно, считает В.В. Налимов, реальна ли реинкарнация или это только психологическое переживание. Главное, что мы расширяем свою личность, проникая в культуры прошлого, и, вживаясь в них, становимся гражданами вселенной.

Впрочем, трансценденция — это не только обращение к смыслам, но и восстание против них. Так, путь в Нирвану — это путь прочь от смыслов, к

вечности, покою, бесстрастию. Глубокая медитация фактически ведет нас к нераспакованному семантическому континууму, к Великому Молчанию.

Роль смыслов в нашей жизни двойственна. Они вносят в нашу жизнь содержание, связывают нас со вселенским началом, повелевают нам действовать. В то же время они могут угнетать нас, подавлять, делать ограниченными и догматичными. Трансценденция личности — это не избавление от смыслов, а стремление к их постоянному обновлению, борьба за открытость человека самому себе, а через себя — великому космическому началу, Сверхсознанию.

СУДЬБЫ НАУКИ

Выступая представителем науки, глубоко связавшим свою судьбу с философией и методологическими проблемами, В.В.Налимов постоянно обращался в своем творчестве к теме судеб науки, к рассмотрению того облика, который рациональное теоретическое знание обретает на сегодняшний день. Эзотерический опыт, который с юности обладал Василий Васильевич, подсказывал ему, что познание действительности может идти по разным путям и не исчерпывается строго-логическими дедуктивными формами. Сама наука — феномен гораздо более сложный, чем это представляется классическому просветительскому взгляду, уповающему на ясность и очевидность рациональных актов сознания. Вопросы, связанные с возможностями и перспективами науки, волновали Налимова не только как исследователя, но и как педагога, профессора, передающего новым поколениям свои познания и концептуальное видение действительности. Он желал показать студентам образ науки как целого, тот образ, который надстраивается над множеством частных определений и партикулярных точек зрения на науку. Однако теперь, говорит он в работе «В поисках иных смыслов», невозможно просто передать студентам понимание прежних поколений, нельзя сказать «делайте дальше так, как мы». Нужно подготовить молодежь к принятию нового образа науки.

В наши дни наука поворачивается иными, чем прежде, гранями, в ней возникают новые проблемы, которые можно и нужно рассматривать. Что же это за проблемы?

Прежде всего, возникает вопрос, можно ли безоговорочно считать благом научный прогресс? Непрестанное овладение природой приносит человечеству множество новых трудностей, они таковы: 1) экспоненциальный рост народонаселения, который грозит оказаться нескончаемым; 2) развитие жизненного комфорта, превращающее человека в слабое избалованное существо, не способное следовать природе и противостоять суровости жиз-

ни; 3) проблематичность пути, по которому наука ведет человека — не заводит ли она в тупик духовную жизнь, не предлагает ли жить в иллюзиях? 4) напряженность жизни: мы не в состоянии жить без напряженного делания, однако подобное постоянное напряжение не является исконным свойством человека, оно — порождение западной культуры.

Непомерная увлеченность покорением природы порождает еще и другие негативные явления: это загрязнение среды обитания, разрушение почвы и водных бассейнов, изменение атмосферы, парниковый эффект. Однако экспансия науки влияет и непосредственно на человека. Так в результате технического развития и наступления цивилизации появляются некоторые специфические болезни, особенно психические, рождается много детей с дефектами развития, растет число самоубийств, увеличивается преступность, прежде всего подростковая. Развиваются наркомания и алкоголизм, теряется уважение к труду, интерес к серьезному обучению. Овладение природой и научно-технический прогресс не снизили, как можно было бы подумать, человеческую агрессивность, особенно коллективную. Вряд ли можно сказать, что человек стал умнее и терпимее. Если попытаться подсчитать число насильственных убийств за каждое столетие, то нас ужаснул бы рост их числа за последний период.

Наша земля — удивительное космическое убежище — оказалась в опасности вместе со всем своим населением. Увеличение комфорта жизни удивительным образом снижает мотивацию — важнейшее экзистенциальное свойство человека. Опасности растут по экспоненте, принимают все более угрожающий характер. Теперь видно, что научно-технический прогресс — далеко не благо.

Если прежде над человечеством довлели прежде всего социально-экономические проблемы, то теперь в западном мире на первый план выдвигаются проблемы экзистенциальные. Вновь начали возникать утопии, которые стремятся увидеть иной путь для развития планеты, ищут радикально отличный от наличного способ существования. Они пытаются найти для людей единство с природой, отказаться от технизации и бюрократизации, преодолеть свойственный сегодняшнему дню безудержный гедонизм. Идут поиски духовности и целостного видения Мира, человечество подходит к фундаментальной революции в мировоззрении.

Однако будущее от нас закрыто, и, не имея возможности заглянуть даже в завтрашний день, мы можем по крайней мере осмыслить феномен самой

науки, разобраться в ее чертах и свойствах. Действительно, настолько ли научна сама наука, как она о том заявляет? Отвечает ли она провозглашенному ею самой идеалу научности?

В.В. Налимов рассматривает проблему научности науки на примерах анализа индуктивного и дедуктивного методов.

Говоря об *индуктивном методе*, мы имеем в виду заключения, которые следуют непосредственно из эксперимента при небольшой предварительной теоретизации. Индуктивный вывод, стремясь к соответствию научному идеалу объективного знания, тем не менее встречается с рядом трудностей и проблем. Научность исследования определяется здесь прежде всего глубиной и четкостью вопроса, ответ на который ищет исследователь. На следующем этапе степень научности зависит от способа обработки данных. Здесь обращение к математической статистике позволяет включать в рассмотрение множество независимых переменных, при этом результаты теряют привычную четкость и встает проблема выбора измерительных шкал. Причем выбор метрики — это внесение дедуктивных моментов в индуктивное исследование. Еще одним внесением дедукции в индукцию является совершаемый до эксперимента выбор модели. Выбор модели относится к моменту планирования эксперимента, он должен включать математически четкие критерии, но так далеко не всегда происходит. Наконец, чтобы найти возможные ошибки, эксперимент должен подвергаться межлабораторной проверке. Здесь поиск научной истины попадает в зависимость от техники. Техника сложна, стоит дорого, и перепроверка эксперимента может потребовать многих лет предварительного обучения. Таким образом, можно сказать, что в определенном смысле техника оказывает тормозящее влияние на науку.

Из этого можно сделать выводы, что, во-первых, любая экспериментальная деятельность непременно включает в себя влияние наблюдателя, а во-вторых, что научно-технический прогресс не всегда повышает степень научности эксперимента.

Дедуктивный метод — это создание серьезных теоретических построений, истинность которых должна проверяться экспериментом. Практически любая фундаментальная теория строится дедуктивно, и такие теории выдвигались учеными всегда. Они делали науку возможной, независимо от того, как оценят выдвинутую концепцию ученые последующих эпох, поскольку создавалась утверждающая часть. Так, начиная со времен Демокрита, ученые были уверены, что материя состоит из мелких неделимых

частиц. И хотя сейчас мы понимаем, что представление о неделимых атомах иллюзорно, оно, тем не менее, в течение многих веков служило опорой развития научных представлений. В наши дни происходит конкуренция и «сваливание в кучу» самых разных идей, фундаментальные представления просто громоздятся друг на друга. Как же реагировать на острое противостояние разных гипотез строения мироздания? В.В. Налимов считает, что множество вступающих в спор версий устройства мира свидетельствуют о глубоком релятивизме в глубинах самой науки. Кроме того, такие концепции как общая теория относительности и релятивистская теория гравитации — это прежде всего метафоры, а не точное описание мира «таким, как он есть».

Что же касается наук о жизни, социальных и гуманитарных дисциплин, то в них вообще отсутствуют мощные дедуктивные построения.

Видимо, в наши дни быть научным — это быть метафоричным, уметь возбуждать воображение, расширяя этим ареал нашего взаимодействия с миром. По мере роста науки метафоричность ее гипотез увеличивается, одновременно растет и плюрализм в системе научных построений.

Но обладает ли наука прогностической силой? Издавна считается, что важнейшее достоинство науки — ее способность делать прогнозы. Налимов говорит о том, что в физических науках прогнозирование осуществляется за счет дедуктивных математических построений, включающих никогда не меняющиеся константы. Такой прогноз может реально расширять наше знание. Прогноз при рассмотрении биологических и социальных систем может быть только индуктивным, а это значит, что здесь остается много неопределенности и модель не может быть однозначной и четкой. Конечно, если система находится в неизменном состоянии, то возможен вполне тривиальный прогноз. Однако если система пребывает в развитии, претерпевает резкие изменения, к примеру, антропогенного характера, то сделать в этих условиях нетривиальный прогноз очень трудно. Здесь есть еще одна сложность: всякое искусственное вмешательство в естественные системы (а эксперимент является таким вмешательством) приводит к их разрушению. Вот отчего в биологии и социологии ученым гораздо труднее делать свои прогнозы.

Исследователя науки не может не волновать и следующий вопрос: в чем познавательная сила науки? Можем ли мы быть уверены в том, что законы, которые мы открываем, действительно существуют? Философский и научный рационализм отвечает утвердительно на вопрос о наличии в

основе универсума неких логических рациональных структур. В силу особенностей нашего мышления мы наделили мир разумностью. Однако в наши дни ученые все чаще стремятся избавиться от панлогицизма, об этом говорит и стремление рассматривать теории и основополагающие представления (пространство, время, число) как метафоры, и принцип релятивизма, и идея спонтанности, которая начинает рассматриваться как глубинная характеристика мироздания.

И все же современный исследователь не отказывается от представления о познавательной силе науки. Во-первых, научные построения всегда сопровождаются овладением Миром, по мере которого мы узнаем о нем все больше и больше. Во-вторых, наука позволяет избавиться от примитивных представлений о мире, которые задаются чувственным восприятием. В-третьих, она раскрывает человеку доступные его пониманию абстрактные структуры: различные геометрии пространства, время, число, меру, бесконечно малые и их исчисления, возможные логики. Осознание абстрактных структур дает возможность создавать многообразные языки, выражающие наше отношение к миру, и эти языки будут востребованы столько, сколько будут давать нам новые знания о нем.

Итак, наука нужна человечеству, вместе с тем исследователи — ученые и философы — должны осознавать, что вместе с ростом науки растет и связанное с ней незнание. Разумеется, речь идет о незнании рафинированном, которое не имеет отношения к вульгарному невежеству. О росте нашего незнания свидетельствует и наличие равноправных гипотез по поводу фундаментальных законов мироустройства, и релятивизм в науке. Знание, основанное на расширении незнания, совершенно особое: оно не имеет четких критериев, отделяющих истину от заблуждения и реальность от иллюзии. Допустимо сказать, что оно не может быть опровергнуто, а только постоянно расширяется. Такого рода знания в наши дни гораздо больше, чем было в прошлом, у ученых прежних поколений. Поэтому нам приходится признавать, что в Мире есть Тайна, мы не в силах познать ее в полноте, а можем только все более и более углублять свое знание. Намек на подобные представления мы находим у мыслителей прошлого, таких как Псевдо-Дионисий Ареопагит и Николай Кузанский.

Осознавая в полной мере круг незнания, простирающийся вокруг знаний, приобретенных наукой, мы должны также признать, что и внутри себя самой наука не является сплошь рациональной. Она рациональна в том смысле, что не признает Тайны мироздания, утверждает существование все-

общей закономерности, которая поддается логическому раскрытию. Ее можно назвать рациональной еще и потому, что она требует от коммуникации между учеными логической безупречности, кроме того, она готова признать за компьютером возможность стать аналогом человеческого интеллекта. Однако этим, пожалуй, рациональность науки исчерпывается, и далее мы можем посмотреть на нее как на любое иное проявление человеческой деятельности, а человеческая деятельность сплетает в себе разные моменты: рациональное и иррациональное, логическое и интуитивное. Рациональное от иррационального не отделено высокой стеной, может наблюдаться лишь асимметрия — перекося в одну или другую сторону. Как всякая другая деятельность, наука может заводить людей в тупик.

Человечеству ничто не дается даром, и избыточное увлечение наукой тоже требует соответствующей расплаты. Уже более трех веков человечество отвернулось от познания живого, от познания человека в его специфике. И это привело не к обоснованному незнанию, а к обычному невежеству. За три последние столетия в науке не появилось новых интересных гипотез о природе человека. Так произошло потому, что мир был рассмотрен наукой механистически, в результате чего все живое и мыслящее было исключено из собственно-научного рассмотрения. Возник ряд гносеологических запретов, которые актуальны и по сегодня. Это:

- 1) запрет на представление о том, что в мире действует Спонтанность;
- 2) запрет на признание существования в мире смыслов;
- 3) запрет на изучение неповторимых уникальных событий.

Мир живого в целом и творческая деятельность выпали из научного рассмотрения. Чтобы заблуждения прошлого могли быть преодолены, в парадигме нашей культуры, в научном сознании должны произойти фундаментальные, поистине революционные сдвиги. Что же это за сдвиги? Каковы задачи теоретической мысли сегодняшнего дня?

Первой важнейшей задачей познавательной деятельности, считает В.В. Налимов, является освобождение от доктринальных пут самого разного рода: пут философских, научных, религиозных, эстетических.

Вторая задача — освободиться от локального описания мироздания, где ученый ограничивается узкой специальностью. Видимо, существуют процессы, сквозные для универсума и проявляющиеся на многих уровнях бытия. Они нуждаются в таком же сквозном описании. Самоорганизация — процесс единый и творческий, и он может быть описан единой

моделью, охватывающей разные пласты действительности, начиная от космогонического процесса и кончая человеческой деятельностью. В этом случае придется признать вездесущность сознания, проявление его на всех уровнях реальности. Такого рода работа, конечно, потребует от ученых большой эрудиции, широты образования. Реально ли это? Кто знает, однако без подобного подхода мы не сможем дать целостное описание мира. «Надо признать, — пишет В.В. Налимов, — что Мироздание погружено в Тайну — нельзя ее разгадать, не надо пытаться ее разгадывать. Надо просто ее признать. Ее образ — видимый всегда лишь смутно — должен непрестанно расширяться, углубляться. Надо начать приближаться к ней, стремиться стать ею, понимая, что она всегда от нас ускользает, и тем дальше, чем больше мы будем приближаться к ней» (5, 31).

Человечество должно использовать на путях познания все: рациональное и иррациональное, эстетическое и мистическое, все средства, которые у него есть.

На путях развития науки неизбежна ее встреча с философией. Современная наука по существу заимствует у философии ее проблематику, начинает заниматься собственно философскими вопросами. Так проблема «сознание — материя» во многом стала проблемой физики, ускользая из рук философов-профессионалов. Обращение к философии происходит и в биологии, а в среде психологов возникло трансперсональное движение, трактующее собственно-философские вопросы сознания и мироздания. Философская мысль расплескалась по разным разделам науки и по всем уголкам нашей культуры. Ощущается острая необходимость выработать и сформулировать четкие представления о мироздании, о нашем бытии, осмысливая при этом и запредельность бытия.

Что же будет, если мы не сможем это сделать? Василий Васильевич считает, что тогда культура погибнет. Для ее сохранения и развития нужно радикальное переосмысление прежних смыслов.

Развивая эти идеи, В.В. Налимов подчеркивает, что сам он — ученый, который попытался связать математику с философией, психологией, религиоведением и мистикой, желая найти мировоззренческий синтез. Он использовал математические структуры как образы, через которые можно по-новому увидеть мир. Его методология близка интуиционистской логике, так интуиционизм позволяет быть свободным при построении моделей мироздания.

СУДЬБЫ РОССИИ

Судьба России — тема, которая глубоко волновала В.В.Налимова. Не на чужом, а на собственном опыте он испытал извывы российской истории, ее иррациональность и жестокость. Тем не менее Василий Васильевич не озлобился, не стал эмигрантом, четко разделяя демоническую Власть, которая овладела его страной, и саму страну, Россию, о которой всегда болела душа. Важнейшей своей задачей он считал осмысление того, что происходило с Родиной в течение последнего столетия. Потрясения, которые пережила Россия в XX веке, он называет негативным экспериментом. Марксистская интерпретация идеала христианства привела к эксперименту, захватившему судьбы миллионов людей и оторвавшему страну от духовности. У социальных экспериментаторов возобладала вполне ницшеанская «любовь к дальнему» — к Будущему Человеку при полном небрежении ныне живущими. Ради Будущего Человека приносились неисчислимые жертвы, разжигались войны, современникам навязывалась Великая Идея: ради Великой Идеи можно все. Жажда великого дела утоляется только кровью.

Впрочем, не сама пролетарская революция была экспериментом, а то, что произошло после нее. Революция, полагает Налимов — неизбежная естественная смерть одряхлевшего старого, это естественный закономерный процесс, отбрасывающий все устаревшее и распадное, поэтому на нее нельзя нападать. Как бы ни была тяжела гражданская война — проявление этой смерти, Революция несет в себе надежды, окрыленность, ожидание нового. Беда в том, что она практически сразу оказалась скована лишь одним направлением русского марксизма, которое объявляло себя собственнно-научным и призывало к строительству коммунизма — к концентрации всех помыслов на будущем. Тем направлением, которое, как никакое иное, впитало в себя западную традицию действия, переделки мира во имя будущего. «Жертвенное служение этому будущему, — пишет В.В.Налимов, — любовь к тому Дальнему,

который будет жить в этом будущем, породило неудержимую волю к Власти. И Власть была захвачена носителями "истинного знания"» (7, 20).

Однако народ оказался не готов к переменам. Он еще жил сознанием своего прошлого, был погружен в обрядовое христианство, а где-то — и в мусульманство, не мог отрешиться от традиций. Власть была диктатурой, она остро ощущала свою непрочность и потому спешила. Именно поэтому, желая ускорить возникновение нового общества, она взялась истреблять не только тех, кто активно ей сопротивлялся, но и тех, кто мыслил иначе, был носителем прошлого в своем сознании. Так появились лагеря, куда попадали инакомыслящие. Свободу нужно было обуздать во имя Великой Идеи, иначе эта Идея погибла бы. Лагеря должны были исправить сознание людей путем шока, возникающего от невероятно тяжелой работы, многие просто гибли от непосильного труда. Страну надлежало очистить от всего чуждого, и потому возник великий Сыск, который коснулся и самой партии.

Когда же прошло более шестидесяти лет и Дальний (человек будущего) стал Ближним (современником), то оказалось, что этот Ближний достаточно равнодушен к Великой Идее. Исчезли кожаные куртки — униформа революционных лет, стали востребованы джинсы, импортная жвачка и мотоцикл. Среди молодежи растут пьянство и немотивированные преступления. Мыслящие молодые не ищут ответов на свои вопросы «о вечном» в марксистской философии, они обращаются к немарксистской философии и даже к религии. Гармоническое общество со всесторонним развитием личности не реализовалось, в искусстве, архитектуре, гуманитарных науках и философии произошел упадок. Все западное стало привлекательно. Никто из сторонников Великой Идеи не поверил бы в свое время, что так может произойти. Но это произошло, и хотя многое изменилось, многое в судьбе России осталось неизменным, несмотря на смену обстоятельств. Это прежде всего ее отношения с Властью.

Но что такое Власть? Какова ее природа? Власть чаще всего выражается в крупных политических фигурах, в великих деспотах и тиранах, вождах и политических лидерах, однако они ли сами по себе являются ее носителями? В.В.Налимов полагает, что эти тираны и лидеры достаточно случайно становятся теми фигурами, через которые реализуются сгустки энергии, накопленные в жизни общества. Он считает, что ни коммунизм в России, ни фашизм в Германии нельзя объяснить просто исходя из экономических и политических факторов (кризис, безработица и т. д.), так же как нельзя приписать им самим всю заслугу их непомерного влияния. Был ли Сталин

гением власти или только пешкой в большой игре? Василий Васильевич считает, что явление таких фигур, как Сталин и Гитлер, — это результат не только воплощения накопленной энергетики, но и результат определенного типа культуры. Все, что происходило в коммунистическом и национал-социалистическом экспериментах, было порождено европейской культурой и европейской ментальностью, суть которых нам еще предстоит в полной мере понять.

Однако Власть все же не сводится к конкретным фигурам, сколь бы они ни были влиятельны. О природе Власти спорили в свое время анархисты и большевики, меньшевики и эсеры, либеральные интеллигенты и религиозные мыслители. Продолжали спорить, сидя в тюрьмах и лагерях. Однако, чтобы понять суть Власти, стоит обратиться к древнему гностическому учению. Согласно гностикам, Власть есть просто охранение нашего незнания. И вправду: Власть всегда тесно связана с Идеей и охраняет ее. Идея же выступает в виде некоторого Знания, которое людям будущего будет представляться незнанием.

Идея, пишет В.В.Налимов, может быть задана в виде некоторого *размытого* построения. Тогда охраняющая ее Власть представляется как демократическая. Если же, напротив, Идея задается жестким построением, то охраняющая ее Власть неизбежно превращается в диктатуру. Тогда носителями идеи становятся не отдельные персоналии, а народы и страны.

Ярким примером жесткого построения Идеи является русское самодержавие.

Основой монархической идеологии выступала идея о царе как помазаннике Божьем. Эту идею надо было охранять, одновременно охраняя обрядовое православие, идущее в единстве с царизмом. Власть всемерно поддерживала достаточно ретроградную православную церковь, представляя ее как единственно истинную церковь Христа. Самодержавие, стараясь ничего не изменять, озлобляло интеллигенцию и народ, но ничего не желало менять, охраняя Идею.

При советской власти, говорит В.В. Налимов, возникла новая господствующая Идея, но в 60–70-е годы ее стало трудно охранять. Запад оказался привлекательным для людей, поскольку он все время выдвигает новые идеи, облекает их в новые яркие одежды, в результате чего эти идеи оборачиваются модой. Поэтому Власть вынуждена охранять народ от всего на свете: от модернизма в искусстве, от персонального видения истории, от личного мировоззрения, от свободной религиозности. Главный пафос Вла-

сти: запрещать! Запрещать все, иначе Идея расколется, исчезнет, растворится в чужом. Идея — демиург, ее надо кормить и поддерживать, иначе она захиреет.

Однако является ли природа Власти — классовой, как о том учили большевики? В.В.Налимов считает, что «класс» — это не более чем классификационная единица, таксон, а всякая классификация условна. Может ли таксон определять природу Власти? Видимо, нет. Если мы хотим понять эту природу, нам надо обратиться к некоему роду социального Организма, который устроен так, что сживается, сливается с Властью, оказывается неотличим от нее. Это определенный *генотип*. Он по своей природе неизменен, инвариантен социальным катаклизмам. Как и всякий организм, он способен мутировать, а в кризисных ситуациях мутирует особенно рьяно, дабы не погибнуть. Организм выбрасывает из себя, словно семя, Главу Власти, который должен оплодотворять все общество. В условиях стабильности мутации должны быть ограничены, потому культуры прошлого вырабатывали специальные механизмы для сохранения семени Власти: в Древнем Египте фараон обязательно женился на своей сестре, и египетские структуры просуществовали тысячелетия, в европейских монархиях король женился не на сестре, а на принцессе другой монархии, и монархический строй Европы оказался менее жизнеспособным.

Генотип может внешне выглядеть как класс, но внутренне он противостоит любой неоднородности. Так в российской истории генотип всегда справлялся с бунтарями, которые выступали против Власти (с неоднородным дворянством, разночинцами).

Развитие западного общества привело к тому, что Идея стала размытой, начала признавать интерпретации, и различные генотипы взялись за сохранение размытой Идеи, что и выразилось в феномене демократии. Демократия — качающаяся балансировка, когда Власть тихо переходит от одного генотипа к другому. Однако демократия не уберегла Запад от такого проявления Власти, как бюрократия. Усложнение техники ведет к созданию крупных фирм, похожих на прежние советские министерства, свободный рынок подчинен моде, крупные коммерчески успешные фирмы поглощают мелкие: не энтузиазм и не жажда познания, а деньги доминируют в обществе. Поэтому приватизация — путь, по которому идет теперь Россия — не панацея. В приватизированном обществе преимущество отдано фирмам-гигантам, в которых утрачено личностное начало. Творчество замирает — все как в наших министерствах и ведомствах.

Бюрократия — фундамент устойчивости наличной системы Власти. В СССР в руках бюрократов была сосредоточена вся власть: идеологическая, политическая, законодательная, исполнительная, экономическая, военная, муниципальная, власть над искусством, над правом заключать брак, над правом выезжать за границу, над использованием результатов творческой деятельности.

Бюрократизация технизированного общества неотвратимо привела страну к бюрократизации науки. В России интеллектуальную жизнь возглавляли около пятисот академиков — кардиналов от науки, которые сами выбирают свое пополнение, приближены к Власти и не несут перед общественностью практически никакой ответственности. По своей замкнутости, — пишет В.В.Налимов, специалист по наукометрии, — наша Академия напоминает средневековые корпорации Западной Европы.

Второй после академиков эшелон — члены-корреспонденты, епископы от науки. Третий эшелон — иерархически упорядоченные научные сотрудники. Такой суровый орденский облик Академия приобрела после войны, и это, несомненно, помешало свободному развитию науки.

По мнению В.В.Налимова, бюрократическую систему, взятую в целом, издавна стабилизируют в нашей стране три фактора: 1) дешевый, доступный всем хлеб; 2) доступность и дешевизна водки, умильное отношение к пьяному и к пропиванию «общенародного» добра; 3) утрата привычки содержательно и напряженно работать. Для бюрократии характерны бесконечное регулирование, контролирование, проверка, наблюдение, планирование того, что уже не планируется — индустрия псевдоуправления — управления без обратной связи. Что из всего этого получается — никого не волнует. Процесс идет спонтанно при жестких ограничениях, большая часть производимой работы никому не нужна. Управление приобрело обрядовый характер, обрядовое управление — нечто немислимое! И трагедия состоит в том, что люди, занятые обрядовым управлением, ничего другого не умеют: они поддерживают сложившуюся бюрократическую систему, потому что она их кормит.

Власть, опирающаяся на разветвленную бюрократию, создает общество в виде пирамиды. По вертикальной оси пирамиды можно представить себе шкалу, согласно которой упорядочивается социально-политическая значимость людей. По объему пирамиды распределяются сами люди в соответствии с их социально-политической значимостью. Сама эта значимость определяется многими факторами, которые отнюдь не очевидны

и являются результатом сети скрытых отношений. На пирамиде, характерной для СССР, можно выделить ряд зон. Одна из них, расположенная достаточно высоко — это непотопляемые. К непотопляемым можно отнести людей, которые занимают особые должности вне зависимости от обстоятельств, здоровья и способностей, они пользуются закрытыми распределителями, правом ездить за рубеж, комфортно отдыхать, пользоваться дачей и т. д. Они есть и среди чиновников, и среди ученых.

Есть зона, стоящая выше. Ее представители, как правило, занимают одновременно очень много постов, и когда такой человек умирает, в центральных газетах появляется некролог за подписью высокопоставленных лиц.

Но есть зона еще выше: это те, с кем простой человек вообще не может встретиться.

Существуют зоны и ниже области непотопляемости. В Советском Союзе к ним относятся многочисленные рядовые члены партии. У них больше прав и возможностей, но они и более уязвимы, чем беспартийные, так как, теряя партийный билет, оказываются еще и наказаны.

Еще ниже стоят все другие. Их много, они цементируются в единство теми, кто за ними наблюдает, тайно их охраняет, постоянно что-то о них куда-то сообщая для их же безопасности. И в этой зоне не у всех одинаковая социальная значимость, она зависит от того, кто где прописан и кто к чему приписан. Одно дело иметь московскую прописку, а другое — смоленскую, и переход из одной категории в другую доступен только людям с высокой энергетикой.

Еще ниже — зона репрессированных людей. Здесь тоже все неоднородно: одни — в лагерях строгого режима, другие — просто в лагерях, третьи — условно освобожденные, четвертые — в ссылке. Все это разные уровни социально-политической значимости человека.

И вся эта пирамида цементируется Властью, Идеей. Однако, когда люди в массе становятся равнодушны, безразличны, цементировать их все труднее. Властвовать можно только над теми, кто сохраняет энергетику: способствует Власти или сопротивляется ей. А русский народ свою энергетику в значительной степени потерял. В психологических пространствах русский народный дух съезжился, стал угасать, лишенный своих традиций, поработанный Идеей-Демииургом, связавшей себя с Властью государства и бюрократией.

Описывая состояние духа России конца 80-х годов минувшего века, В.В. Налимов прибегает к мифологическому, метафорическому языку, ис-

пользуя древний гностический образ Демиурга — злого и жестокого Бога, создавшего наш мир, полный грязи и страданий.

Демиург, созданный искусственно, — говорит он, — как всякий автомат, пытающийся быть самостоятельным, становится вампиром, питается за счет чужой энергии. Люди России оказались на много лет выключенными из творчества собственной жизни, из участия в социальной Игре, потому что за них ее ведет Демиург, а дело граждан — быть лишь пешками в этой игре. Советский человек должен был одобрять сначала Троцкого и Зиновьева, потом Бухарина, потом — Отца Родного — Сталина, потом Берию, потом Никиту Хрущева с его разоблачениями, потом был еще Мао, и кого же придется одобрять завтра?

А люди-пешки, пытаясь не отдавать Демиургу свою энергию, играют в свою пешечью игру: достают заграничные тряпки, ведут склоки, развлекают себя диетами, пьют водку...

Откуда же пришли к современному русскому человеку все эти напасти? В.В. Налимов считает, что многое коренится в истории, в том, что приходит расплата за прошлые ошибки и злодеяния. Он называет свой взгляд *кармической теорией культуры*. Сознание народа надо рассматривать не в связи с экономикой и производственными отношениями, не как вторичное и производное от них явление, а как единое поле самосознания, включающее в себя все историческое прошлое, ибо оно продолжает мощно влиять на сегодняшний день. Он пишет: «Над всеми нами рокот неумолимой судьбы. Прислушиваемся, хотим понять, увидеть будущее через прошлое и свершаемое, в котором мы невольные участники и соответчики. Кровавым эхом отозвалось унижение народа для русского дворянства, интеллигенции, до и для самого народа. Из покоренного Кавказа пришел Отец Родной — Иосиф Грозный; из поработанной Польши — Железный Феликс; из униженной Прибалтики — латышские стрелки; из евреев, нагло превращенных в «жидов» — Л.Троцкий и Г.Зиновьев; а еще раньше — из самого униженного русского народа, из его сибирских глубин — веками накопленную астральную силу обрушил на царский двор Гришка Распутин. Не выдержал этой силищи ослабленный, онемеченный двор и рухнул в могилу, вырытую им самим. Кого мы ждем еще? И для дел каких? Чью копаем могилу?» (7, 52–53).

Стоит заметить, что в 90-е годы XX века история уже дала ответ на этот вопрос: Идея коммунизма была свалена с пьедестала и зарыта в могилу, большой период истории оказался зачеркнут вместе со всеми своими

порывами и подвигами, но Демиург остался жив. Ведь генотип дает мутации! Демиург мутировал и на этот раз: партия исчезла, но бюрократия лишь укрепилась, и энергия народа по-прежнему откачивается новым монстром с утроенной силой. Страна погрузилась в бедность, преступность и не преодолела той бездуховности, которая властвовала в ней уже много лет. В последние годы жизни Василий Васильевич с горечью видел это. Он совершенно не заблуждался по поводу перспектив вестернизации, понимая, что сам Запад далеко не совершенен и что его путь не является образцом для России. В.В.Налимов был глубоким и мудрым человеком, потому, несмотря на все перенесенные им испытания, он не стал крайним либералом: это противоречило его видению России.

Рассматривая корни и истоки злословий нашей Родины, он предъявляет счет Православной церкви. Он считает, что она трижды ввергала Русь в искушение властью, и трижды это искушение принималось. Первое искушение относится к XVI веку. Оно касается основоположников двух направлений русского Православия : Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Нил Сорский и его сподвижники, получившие наименование «нестяжателей», вели аскетическую жизнь, призывали к любви, защищали духовную свободу и заступались за гонимых еретиков, которых сторонники Иосифа — «осифляне» предавали казни. Нестяжатели предпочитали трудовую бедность и даже не просили милостыни, стремились быть независимы от светской власти, были обращены к духовному наследию Востока. В их иноческой организации царили кротость и безвластие. В противоположность им осифляне призывали к страху Божьему и ополчались на еретиков, для них была характерна суровая дисциплина, уставная молитва и показное обрядовое благочестие. Сторонники Иосифа были яркими религиозными националистами, работали над укреплением самодержавия и добровольно отдавали под попечение государства свои монастыри и всю русскую церковь. Для них была нестерпима духовная свобода и мистически-созерцательная жизнь сподвижников Нила Сорского. В середине XVI века был произведен разгром заволжских скитов нестяжателей. С их исчезновением ушло и мистическое направление в русском монашестве. Осифлянство с его преданностью богатству и Власти — победило. Но эта победа обернулась большими невзгодами для духовной жизни. Среди учеников Иосифа Волоцкого можно увидеть много иерархов, но ни одного святого. Венчание на

царство в 1547 году Ивана Грозного разделило духовную жизнь на два этапа: святая Русь и Православное царство.

Но власть несовместима с духовностью. Христос не принял искушение властью, а русская церковь — приняла. Она создала традицию обрядового благочестия, когда под прикрытием имени Христа можно делать все что угодно для укрепления самодержавия.

Второе искушение Русской православной церкви властью В.В. Налимов относит к периоду первой мировой войны. Христианские государства вошли в войну для решения своих конфессиональных проблем, и миллионы людей оказались жертвами бойни, развязанной при участии церкви.

Третье искушение связано с установлением власти во имя коммунизма, во имя Дальнего. Над революцией витал образ Христа, увиденный мистическим поэтом Александром Блоком, но образ этот был не замечен Церковью во мгле кровавых событий. Церковь предалась новой Власти, Иосиф Грозный принял эстафету от Иосифа Волоцкого, осифлянский коммунизм сменил осифлянское православие.

Трагедия России, считает В.В. Налимов, состоит в том, что в ней не появился достаточно сильный религиозный реформатор. Возможно, им мог стать Л.Н. Толстой, но так не случилось, русский Лютер не состоялся. Со времен Иосифа Волоцкого русская церковь стала огосударствленной и подавляющей любое духовное противостояние. Василий Васильевич однажды непосредственно соприкоснулся с этой спаянностью церкви и государства, когда в перерыве между двух своих арестов зашел в церковь и услышал там молитву за здоровье Сталина. Он был поражен, хотя ему говорили об этом раньше. Церковь не молилась о невинных страдальцах, которые погибали в лагерях, пропадали в тюрьмах или ожидали расстрела, она молилась за здоровье тирана.

В.В. Налимов через много лет после смерти Сталина не раз обращался к православно ориентированным мыслителям с вопросом: что же произошло с нашей христианской страной и ее Богоносным народом? Ему всякий раз отвечали: «Попустительство Божье». Но это, полагает он, не ответ, а просто отказ обсуждать проблему, утверждение, что обсуждать ее нам не дано. Таким отказом церковь и теперь отчуждает себя от проблем сегодняшнего дня, теряет свое бытийное начало. Видимо, одна из причин такого поведения деятелей церкви в том, что они берут лишь одну

смысловую нить из Библии, хотя Библия многогранна. Эта избираемая ими тема связана с идеей сурового детерминизма и преклонения перед любой властью. Речь идет о покорности любому насилию, вершащемуся от имени власти: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены».

Но это и подобные высказывания не определяют сущности христианства, говорит В.В. Налимов. Более того, они противоречат проповеди Христа о любви и милосердии. Однако они вписаны в великое учение, и совсем проигнорировать их нельзя. Именно это позволило русскому православному христианству слиться с феодальным по сути государством.

Во всех библейских фрагментах, где речь идет о власти, Бог выглядит антропоморфным. Он изображен здесь как властитель мира, т. е. не человек принимает на себя образ Божий, а Бог оказывается создан по подобию человека. Такой ход мысли естественен для архаического сознания. В нашей стране после революции был оживлен этот архетип прошлого для укрепления деспотии, якобы ведущей к коммунистическому счастью. Однако в современном мире этот образ — лишь фантом. Обращаясь к глубинам своего сознания, мы можем понять, что во Вселенной есть неопределяемое, недетерминированное Запредельное, то, что можно назвать Случаем, Свободой, Спонтанностью, и именно Свобода и спонтанность становятся глубоко важны для человека в период трудностей и испытаний.

В наши дни Россия вместе со всем остальным миром стоит на пороге крупных изменений в культуре. Прежняя культура одряхла, потеряла связь с запредельностью. Это выражается в узкой специализации, в забвении фундаментальной для людей темы «жизнь — смерть», в раздробленности культуры и нищете мировоззрения. Однако изменения уже назрели. Перед нами стоит новая задача: переход к прежде небывалой, всеохватывающей культуре, которая вызовет к жизни новые смыслы. Преобразования могут стать радикальными, они потребуют немалых сил и большой внутренней перестройки.

Но как быть нам, людям, живущим сегодня, на что надеяться в водовороте событий, нужно ли что-то делать или лучше уйти во внутреннюю эмиграцию, замкнуться?

В.В.Налимов дает на этот вопрос три взаимосвязанных ответа.

Первый ответ таков: нужно сохранять Достоинство. Это означает быть причастным к Деланию, быть активным, спонтанным, трудиться и действовать,

не заботясь о плодах. Именно тогда мы начинаем ощущать себя в полноте своей индивидуальной Целостности, чувствовать себя частью Целостности человечества и моментом Космического единства. Как сказано в Библии: «Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте мне; А если творю, то тогда не верите мне, верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во мне и Я в Нем».

Второй: следует готовиться к принятию новых смыслов, готовиться самому и незамедлительно начать готовить общество к предстоящей вспышке новых идей глобального масштаба.

Третий можно сформулировать следующим образом: надо надеяться, но не на пришествие Бога в буквальном смысле, а, скорее всего, на вмешательство космических сил через реинкарнационное пришествие тех, кто уже побывал на Земле и, благодаря своим странствиям в веках, окажется более готов к изменениям, которые грядут на Земле.

НИЧТО. СМЕРТЬ. ДОСТОИНСТВО

Вероятностное видение мира и структура сознания, метафизические проблемы и размышления о судьбах Российской истории — все эти темы, присущие творчеству Василия Васильевича Налимова, исходят и возвращаются к одному и тому же центральному сюжету: отношения человека с запредельным и главное предназначение человека, смысл его бытия. В.В. Налимов каждой своей работой явно и неявно спрашивает: «Что такое человек? Каково его место в мире? Каков его способ мироотношения?» И в каждой работе дает ответ: пусть неполный и не претендующий на всеохватную полноту, но интересный, оригинальный, задающий небанальный ракурс видения, подвигающий читателя на собственные размышления, поиски, медитации. Важнейшими обсуждаемыми темами для Василия Васильевича являются темы Ничто и Времени, Смерти и Смысла, Делания и Достоинства. Обратимся к ним подробнее.

Итак, нашему восприятию и пониманию, переживанию и страсти предшествует некое семантическое поле, несчетная совокупность смыслов. Каждый человек — селективное проявление этого поля и может быть рассмотрен как его паттерн, размытый и динамически изменяющийся, описываемый на языке вероятностных представлений. Пока человек не обращен к семантическому полю, оно запаковано, не актуализировано и может быть названо семантическим вакуумом по аналогии с вакуумом физическим, который подвержен постоянным флуктуациям. Мы редко соотносимся с ним непосредственно, порой встречаясь в глубоком сне. Такие явления как предчувствия, телепатия, озарения, могут пониматься как взаимодействие психики человека с флуктуациями Семантического вакуума.

Однако если семантический вакуум (**Ничто**) — это чистая не-проявленность, то необходимо дополнить взгляд на него представлением о Потенциальности. Потенциальность — то начало, которое порождает семантические проявления. Проявленный мир смыслов всегда представлен как совокупность текстов, а Ничто не

слышит текст. Ничто отчуждено от Бытия, что в свое время понимали еще гностики. Бесполезно обращаться к Ничто через словесную, текстовую молитву — она не будет услышана.

История религиозной и философской мысли дает нам разные формы раскрытия представлений о Ничто и Потенциальности. Непроявленное описывается в Упанишадах: «...Оно движется — оно не движется, оно далеко — оно же и близко. Оно же внутри всего — оно же вне всего». В близких выражениях говорит о непроявленном Плотин: «Никакое имя не применимо к нему; оно исключает любое определение, любое знание; его нельзя ни почувствовать, ни помыслить; оно ни движущееся, ни покоящееся...». У гностиков Бог — тоже непроявленность, он изображается как «неразрушимый, существующий без имени, невыразимый, сверхнебесный, незыблемый, непознаваемый, не-сущий». Насколько эти представления, — говорит В.В.Налимов, глубже и духовнее, чем образ всемогущего и творящего Бога!

Потенциальность нашла свой образ в даосской философии. Она становится также предметом осмысления у гностиков и отождествляется с происхождением из Ничто-Молчания. Другой образ Потенциальности — образ света. В любом случае Потенциальность — это не модель и не шаблон для реальности, а нечто иное.

В.В.Налимов показывает, что в текстах Я.Беме и К.-Г. Юнга, говорящего от лица гностика Василида, мы находим очень близкие онтологические триады. У Беме это: Ничто (сопричастная Богу основа всего) — Воля (потенциальность) — Природа (проявленное Ничто). У Юнга вместо Ничто появляется Плерома, Воля заменяется Творением, а Природа — Сотворением.

Везде, где речь идет о проявленном мире, родившемся из Ничто, возникает расщепленность. Так мы можем говорить об истине, поскольку есть ложь, о здоровье — потому есть нездоровье и т. д. Мир расщепляется потому, что таково наше восприятие. Вне расщепленности для нас просто ничего нет. Расщепленность и есть селективность: если селективность исчезает, все переходит в Семантический вакуум, в непроявленность, в Ничто.

При описании физической реальности ученые имеют дело с той же самой триадой: Ничто (физический вакуум), Проявленность (материя), Потенция — законы природы. Чем, однако, можно объяснить общность онтологии физической и психологической? В.В.Налимов полагает, что у нас нет никаких оснований утверждать, что физический и психический мир пост-

роены по одному и тому же шаблону. Скорее, в глубинах нашего сознания существует устойчивый шаблон для видения мира. Мы видим его через триаду: **Ничто-Природа-Потенциальность**.

И все-таки, как возможно соприкосновение с Семантическим Ничто? Или, иначе говоря, как человек соотносится с запредельным, с той областью, где нет ни предметов, ни смыслов, а есть лишь их возможность?

Прежде всего, считает В.В. Налимов, к Семантическому Ничто нас приводит остановка психологического времени. Можно замедлением психологического времени имитировать смерть, например, на театральных подмостках. Актер, умеющий на глазах у зрителей как бы замедлить бег времени, блестяще играет момент смерти. Однако если смерть настоящая, а отнюдь не имитация, то селективность личности исчезает, и тогда растворение в Ничто окажется полным.

В связи с темой Ничто Василий Васильевич рассматривает тесную связь таких явлений, как Время, Делание, Спонтанность и Смерть. Психологическое время проявленного мира порождается **Деланием** — человеческой активностью, ангажированностью, целеполаганием. Потенциальное существование становится реальным, когда Я начинает взаимодействовать со своим полем возможного Делания. Свобода воли реализуется здесь в виде фильтрующей функции для поля возможностей. Вне этой фильтрующей функции Я исчезает, как исчезают и актуализированные им смыслы.

Нирвана буддистов и Рай христиан, где побывал Адам, не вкусивший плодов с древа познания — это сферы, закрытые для проявления смыслов. Согласно ветхозаветной традиции, праведники после смерти должны попасть в этот переуспокоенный рай, где личность семантически стирается. Она может быть идентифицирована только телесно (отсюда необходимость в телесном воскресении). Лишь Христос бросает вызов ветхозаветному взгляду и открывает смыслы через действие, он и сам действует в трагических обстоятельствах. Он говорит: «Сберегавший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее». Может быть, сегодня мы можем эту фразу понять так: не стремитесь сохранять свое Эго неизменным, будьте открытыми Миру, готовыми менять свои смыслы, прислушиваться к собственному внутреннему голосу. Открытость смыслам и психологическое делание — важнейшее, неотъемлемое свойство личности.

Психологическое делание — это изменение нашего Я, изменение динамики нашего психологического пространства. Эта динамика может изменяться по разным причинам. В разные периоды жизни мы по-разному переживаем свое психологическое время. Пребывание в тюрьме, в одиночной камере или даже стояние в очереди насильственно изменяет скорость течения Времени. Жизнь, лишенная возможности Делания, — это просто стояние в очереди в ожидании Смерти. Время — не характеристика «мира самого по себе», это описание того, что происходит с Я и внутри Я, категория времени появилась из необходимости преодолеть барьер между континуальностью мира и дискретностью словесных представлений.

Но что же такое **Смерть**? Это прекращение возможности Делания, исчезновение Времени, потеря не только Настоящего, но и Будущего...

Отношение В.В. Налимова к смерти противоречиво. С одной стороны, Смерть — это конец Эго, обрыв Делания, исчезновение психологического времени. С другой стороны, возможность Делания может открываться в иных, психических планах. Быть — это значит иметь способность облекаться в новые смыслы, Эго — не вещь, оно переходит в Метаэго, открывается новым смыслом... Может быть, оно сможет реализоваться в других веках и культурах, пройти по путям реинкарнации. Правда, в этом случае мы не растворимся в великом Ничто, а будем лишь отзываться на его флуктуации, соприкасаться с ним спорадически.

Однако, как бы то ни было, личность всегда соприкасается с бессмертным через Спонтанность, а Спонтанность — это реальность другого мира, смежного нашему. Спонтанность не подчиняется причинно-следственным связям, она не локализована в пространстве физического мира, не персонализирована, у нее нет временных рамок, ибо она всегда забегает вперед, порождая завихрения времени. Она не может умереть в нашем мире, потому что ему не принадлежит.

Важнейшим путем, который ведет нас при жизни к семантическому Ничто, является **Любовь**. Любовь в культуре наших дней вульгаризирована, низведена З.Фрейдом до проявления инстинкта, однако и в христианстве, и на Востоке она всегда была одним из путей к запредельному. Так в тантризме акт интимной близости предполагал совместное трансцендирование любящих, и благодаря этому становился мистическим актом. Ему предшествовала длительная и тщательная подготовка, включающая очищение и медитацию. Запад открыл преобразующую силу Любви, ничем не обусловленной и действующей мгновенно: любовь Христа могла

в один миг произвести переворот в человеческой душе и превратить грешника в праведника. В полноте своего проявления Любовь — это существование вне Делания, свободная экзистенция, в каком-то смысле Не-существование, ибо в Любви личность растворяется. В Любви личность выходит за пределы Времени и возвращается в Семантический вакуум.

Впрочем, в истории мы можем найти диалектику противостоящих друг другу начал — Любви и Делания, это проповедь Христа. В Евангелиях перекликаются между собой два лейтмотива — проповедь Любви и проповедь Дела. Для христианства характерно проявление Любви через Делание.

Любовь тесно связана со Свободой, поскольку выходит из под контроля Это и тем разрушает его. Свобода может рассматриваться как синоним Любви. В то же время Свобода является синонимом Знания, того внутреннего Знания, которое пытались восстановить гностики. Не стоит забывать, что во многих культурах в качестве синонима Любви выступает также Смерть. И наконец, Свобода — полет, уход с Земли ассоциируется с Молчанием Смерти. Любовь, Свобода, Знание, Молчание — эти четыре значения плавно переходят друг в друга. Все это ипостаси Ничто, разные его лики. «Выход в Ничто, — пишет В.В. Налимов, — соприкосновение с ним открывается через любую из четырех его ипостасей: *Любовь* — в евангельском христианстве и тантризме, *Свободу* — в буддийском освобождении от своей личности, *Знание* — в гностическом христианстве, *Молчание* — в медитациях, знакомых, кажется, всем культурам мира. Но только через Любовь соприкасается Ничто непосредственно с физической природой человека» (3, 112).

Но в чем же смысл самой человеческой жизни? В чем смысл истории? В чем смысл Вселенной? Эти вопросы не имеют четкого и однозначного ответа. Но они все же должны ставиться, не могут не ставиться людьми, погруженными в мир смыслов. Все культуры развивались в поисках ответа на эти вопросы. Древний Египет, Греция, Рим, христианское средневековье, эпоха Просвещения — все они давали свои ответы. Наше время возложило свои надежды на ответ с помощью науки, пожелало овладеть миром с целью в полной мере использовать его для удовлетворения собственных желаний. Но смыслы, которые вчера еще казались столь ясными и незыблемыми, сегодня теряют свою однозначность и очевидность. Культура вновь оказалась на перепутье поисков, напряженность этих по-

исков все возрастает, происходит обращение к прежним идеям и представлениям, на идейном поле взаимодействуют и перемешиваются Запад и Восток, древность и современность.

Возможно, историческая драма человечества, разворачивающаяся в вечности, является гигантским экспериментом, направленным на распаковку изначально существующих смыслов Мира. Об этом говорит и антропный принцип современной науки, предполагающий, что понять целостность универсума невозможно без учета человека как личностного мыслящего начала. Мы, таким образом, выступаем как активные участники мировой драмы, наделенные свободой воли, но не понимающие до конца смысла происходящего творческого процесса. Мы не знаем, откуда в мир вошло творческое начало, можем лишь сказать вслед за гностиками: «Свет упал во тьму». За две тысячи лет человечество не нашло нового решения, а лишь пыталось обходить этот вопрос, выдвигая механистические модели мироустройства.

Но если мы действительно участники грандиозного эксперимента, то понятным становится существование зла в мире. Оно задает условия протекания эксперимента: жизненные ситуации возникают перед нами не только как острые, но еще и глубоко трагичные, для того чтобы могли возникнуть фильтры, преобразующие смысловую структуру личности. И если это так, то становится ясен смысл индивидуальной жизни: он сам оказывается поиском смыслов, прежде всего — смысла жизни. «Раскрывая смыслы Мира, человек расширяет и гармонизирует смысловую ткань своей собственной личности, трансцендируя, выходит за ее пределы», — пишет В.В.Налимов (4, 250–251). Трансцендировать — значит подходить к барьеру нашей реальности и ощущать то, что находится за ним. Возможно, это и есть сверхисторическая цель.

Однако эмпирический человек живет в Мире, скрепленном действием. Человек должен действовать. Но как? В.В.Налимов говорит, что, ведя свой собственный поиск смыслов, человек должен сохранять **Достоинство**. Это ответ, созвучный римскому стоицизму, но увиденный в современном контексте. Но как может действовать человек, если вероятностный подход, в отличие от дихотомического, не различает добра и зла, истины и заблуждения, все оказывается лишь различной акцентировкой в рамках перестраивающегося семантического паттерна? Рассуждая вероятно, невозможно, как в Аристотелевой логике, обнаружить несостоятельность простейших суждений.

На это можно ответить так: не логический вывод является основой нашей деятельности, а выбор исходных предпосылок. Мы сами выбираем смыслы своей жизни и сами ощущаем их правомерность. Нам дана возможность чувствовать серьезность, правомерность и честность своих решений, хотя есть и возможность ошибиться. И, наверное, самое главное — сохранять Достоинство: оставаться самим собой, слышать свой собственный голос, именно этого требует от нас жизнь. И как можем мы, люди, не стремиться сохранять Достоинство, если нам дана великая возможность соприкоснуться с Тайной Мироздания!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В заключение книги хочется сказать несколько слов от автора. Мне посчастливилось еще в 70-е годы, в период своего студенчества однажды общаться с Василием Васильевичем Налимовым на коференции в Риге. Это был небольшой разговор, но он запомнился богатством и необычностью мыслей, которые высказывал собеседник. Тогда я еще не знала его работ, и познакомилась с ними гораздо позже, уже будучи преподавателем. Я с интересом читала его книги и изучала их со своими студентами, хотя, будучи гуманитарием, ничего не смыслящим в математике, не все в них понимала. Когда мне предоставилась возможность написать книгу о Василии Васильевиче, я с радостью согласилась, потому что мне хотелось выразить важнейшие смыслы его творчества, не прибегая к формулам. Я думаю, что это возможно, потому что идеи В.В. Налимова далеко выходят за пределы их математизированного облика. Я верю в реинкарнацию и бессмертие души, поэтому если где-то в иных измерениях реальности Василий Васильевич сейчас слышит меня, пусть он простит мне те небольшие вольности обращения с его текстами, которые вынужден совершать всякий интерпретатор и популяризатор. В главном я старалась быть аутентичной и ничего не исказить. Для того чтобы читатель мог представить себе творчество В.В. Налимова как философа, тесно связанного с математикой и физикой, а также автора мистико-эзотерического плана, в конце книги помещены фрагменты его текстов. Я искренне надеюсь, что эта небольшая книга поможет философствующему читателю совершить первый подход к трудам В.В. Налимова, чтобы потом обратиться непосредственно к ним.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Налимов В.В.* Канатоходец. М., 1994.
2. *Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. Томск—Москва, 2003.
3. *Налимов В.В., Дрогалина Ж.А.* Реальность нереального. М., 1995.
4. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания. М., 1989.
5. *Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. М., 1993.
6. *Налимов В.В.* Разбрасываю мысли. М., 2000.
7. *Налимов В.В.* Искушение Святой Руси. М., 2002.

ФРАГМЕНТЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В.В. НАЛИМОВА

Теория смыслов. Конструктивистские АСПЕКТЫ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СОЗНАНИЯ¹

Введение

По специальности я прикладной математик. Многие годы я занимался применением математической статистики и планированием эксперимента (также математической дисциплиной) в решении различных задач научной и технической направленности. В течение последних 15–20 лет я расширил поле своей деятельности, начав заниматься применением математики, особенно ее вероятностного направления, в рассмотрении задач философского характера. Моей целью стало построение вероятностной модели языка [Налимов, 1979], а затем и сознания в целом [Налимов, 1989, 1991, 1993], [Nalimov, 1992, 1995, 1996], [Nalimov, Drogalina, 1995].

Насколько я понимаю, математиков прикладной направленности мало интересовало противостояние *формализм — интуиционизм*, поскольку считалось, что эта тема должна интересовать скорее тех, кто озабочен основаниями математики, чем тех, кто занимается ее приложениями. Философские аспекты интуиционизма, развиваемые преимущественно Л. Брауэром [Brouwer, 1975], обычно оставались в тени [Панов, 1984].

В последнее время, особенно после публикации весьма значительной статьи Дж. Уилера [Wheeler, 1988], интерес к проблеме интуиционизма, по-видимому, начал возрастать и у тех, кто использует математику для решения нематематических задач. Так случилось и со мной.

¹ Впервые опубликовано. Вопросы философии. 1997. №10. С. 58–70.

Ознакомившись с упомянутой публикацией Уилера, я увидел, что мой подход к построению модели языка и сознания строится *конструктивистски*. Позднее я понял также, что и философская позиция Брауэра — одного из основателей интуиционизма — близка мне. Но все это требует детального разъяснения.

I. Идея конструктивизма в вероятностной модели сознания

Естественно, что, излагая свои мысли, мы пользуемся Аристотелевой логикой. Но в моем представлении формальная логика — это лишь средство общения между людьми. Не более. Сам процесс мышления (обретения новых смыслов) интуитивен. Исходные посылы порождаются *спонтанно* на смысловом континууме. Затем они редуцируются к семантическим дискретам и раскрываются через логически формулируемые тексты. Несмотря на всю свою внешнюю логичность, текст воспринимается нами как некий процесс переживания. Каждый из нас один и тот же текст может понимать по-разному и, может быть, совсем не так, как он был задуман. Вот что я хочу зафиксировать в своей модели сознания.

Я понимаю, что процесс мышления может выражаться на разных языках, например, на языке музыки, танца и других. Но этой темы я здесь не буду касаться.

Моя исходная позиция состоит в утверждении, что *смыслы изначально заданы в своей потенциальной непроявленной форме*. Это платонизм. Но «надо ли понимать платонизм как «наивный реализм» (а это принято в высказываниях конструктивистов [Панов, 1984])? Человек не механически считает, а творчески *распаковывает* континуум смыслов, обращаясь к неформальной, вероятностной, то есть числовой логике (вспомним здесь платоновское пристрастие к числу). Обратим здесь внимание и на то, что наш физический мир задан изначальным набором фундаментальных числовых констант. Но посмотрите, как многообразен ландшафт нашей земли. Другой пример — цветовое восприятие. Оно исходно задано человеку умением воспринимать короткий отрезок электромагнитной волновой шкалы, но как велико многообразие цветовых образов у человека, особенно у художника.

Строя модель сознания, я обращаюсь к смысловому континууму, то есть к пространству, в котором нет пустых мест. Смысловой континуум, гипотетический по своей природе, обретает актуальность, когда человек, активный на-

блюдатель, задает па нем некую систему предпочтения, обращаясь к вероятностной мере (плотности вероятностей). Так происходит *квантование*, создание текста (одного из множества возможных, поскольку по-разному можно задавать вероятностную меру). Здесь возникает аналогия с квантовомеханическими представлениями: наблюдатель не воспринимает в микромире частицу, размазанную в пространстве-времени; она становится осозаемой только после редукции волнового пакета. Мы могли бы, следуя Уилеру [Wheeler, 1988], сказать, что в наблюдаемом нами физическом мире нет континуума, — есть только дискреты.

В нашей модели заданы аксиомы, но они не используются для доказательства каких-либо теорем. Они, аксиомы, сами по себе создают модель сознания. В соответствии с методологией конструктивизма, мы не провозглашаем предварительно приверженность к вероятностной логике — она возникает непосредственно из построенной модели. Отказ от закона исключенного третьего (одна из основных идей Брауэра) не постулируется заранее — он естественным образом следует из возникшего у нас бейсовского варианта логики.

Мы не формулируем каких-либо «законов» сознания, полагая, что порядок в изучаемой системе создается *вероятностным* характером глубинного мышления, опирающегося на *регулирующую* роль смыслов в функционировании сознания².

Не делается также какой-либо попытки доказать истинность модели. Модель имеет *статус метафоры*. Мы считаем возможным предлагать ее для рассмотрения, поскольку она, как нам представляется, выглядит достаточно элегантно и обладает большой разъясняющей силой.

II. Исходные посылки модели

1

Будем считать, что весь воспринимаемый нами эволюционирующий Мир можно рассматривать как множество *текстов*. Когда мы говорим о био-

² Здесь мы опять подходим близко к представлению Дж Уилера [Wheeler, 1983]. В этой работе он говорит о «законе без закона» и поднимает вопрос о возможной роли *смысла* в третьем, наступающем этапе развития физики. У него это звучит так: «Является ли регулирующий принцип физики требованием смысла? Быть может, мы должны спросить что порождает смысл? Придется ли нам обращаться к философии, чтобы добиться успеха в решении этой проблемы?» (с. 404).

сфере, то текстами оказываются отдельные особи, виды и другие составляющие биосферы. Когда мы говорим о социальной сфере, то текстами называем все серьезные проявления сознания человека, направленные на коммуникацию с другими, или даже с самим собой. Это человека рассматривается как особый, живой текст, способный самостоятельно изменять, *реинтерпретировать* самого себя.

2

Тексты характеризуются *дискретной* (семиотической) и *континуальной* (семантической) составляющими, последняя из которых не видима нами непосредственно.

3

Семантика определяется вероятностью, задаваемой структурой *смыслов*. Смыслы — это то, что делает знаковую систему текстом.

4

Изначально все возможные смыслы Мира как-то соотнесены с линейным континуумом Кантора — числовой осью, на которой в порядке возрастания их величин расположены все вещественные числа. Иными словами, смыслы Мира спрессованы так, как спрессованы числа на действительной оси.

5

Спрессованность смыслов — это нераспакованный, непроявленный Мир — *семантический вакуум*.

6

Распаковывание (появление текстов) осуществляется вероятностной взвешенностью оси μ — разным ее участкам приписывается разная мера. Метрика шкалы μ предполагается изначально заданной и остающейся неизменной.

7

Соответственно, семантика каждого конкретного текста задается своей *функцией распределения* (плотностью вероятности) — $p(\mu)$. В общем слу-

чае можно говорить о текстах, определяемых функцией распределения вероятности, задаваемой на многомерном пространстве.

В тексте смыслы всегда оказываются заданными избирательно. Нам не дано знать все. Напомним английскую пословицу: «Знать все — значит не знать ничего».

Функция $p(\mu)$ оказывается тем *окном*, через которое мы можем всматриваться в семантический мир.

III. Вероятностная логика

Сконструированная нами модель заставила нас разработать соответствующую ей вероятностную логику, которая выглядит несколько необычно.

Будем считать, что изменение текста (его эволюция) связано со спонтанным появлением в некой ситуации y фильтра $p(y/\mu)$, мультипликативно взаимодействующего с исходной функцией $p(\mu)$. Положим, что это взаимодействие задается известной в математической статистике *формулой Бейеса*:

$$p(\mu/y) = k p(\mu) p(y/\mu),$$

где $p(\mu/y)$ — функция распределения, определяющая семантику нового текста, возникающего после эволюционного толчка y ; k — константа нормировки. Формула Бейеса в нашем случае выступает как *силлогизм*: из двух посылок — $p(\mu)$ и $p(\mu/y)$ с необходимостью следует текст с новой семантикой $p(\mu/y)$. В силлогизме Бейеса, в отличие от категорического силлогизма Аристотеля, как обе посылки, так и вытекающие из них следствия носят не атомарный, а *вероятностно размытый характер*, и хотя бы вторая из посылок носит условный (обусловленный ситуацией y), а не категорический характер.

Существенным в бейесовской логике оказывается следующее:

(1) признается *открытость* семантической системы — она открыта *спонтанному* появлению фильтров;

(2) признается *трансперсональность* сознания: спонтанность появления фильтров связывается с существованием *трапсличного* космического сознания (см. ниже рис. 1 — Карта сознания);

(3) бейесовский силлогизм применяется к смыслам, *размытым* на континууме, — возможность появления атомарных (точечных) смыслов исключена;

(4) логические операции носят *числовой* характер — в правой части формулы Бейеса стоит знак умножения, имеющий числовое раскрытие;

(5) исключена возможность сильной дизъюнкции; язык оказывается *свободным* от закона исключенного третьего, соответственно он свободен от разграничения истинности и ложности.

Из сказанного здесь следует, что *творческое* (дологическое) мышление по своей природе оказывается *мифологичным*.

Отметим здесь еще раз близость нашего подхода к философской позиции Брауэра, настаивающего на несостоятельности формальной логики, опирающейся на закон исключительности третьего. Почеркнем, что отказ от закона исключенного третьего у нас не постулируется, а вытекает непосредственно из сконструированной модели. Таким образом, мы идем дальше Брауэра в развитии его идеи.

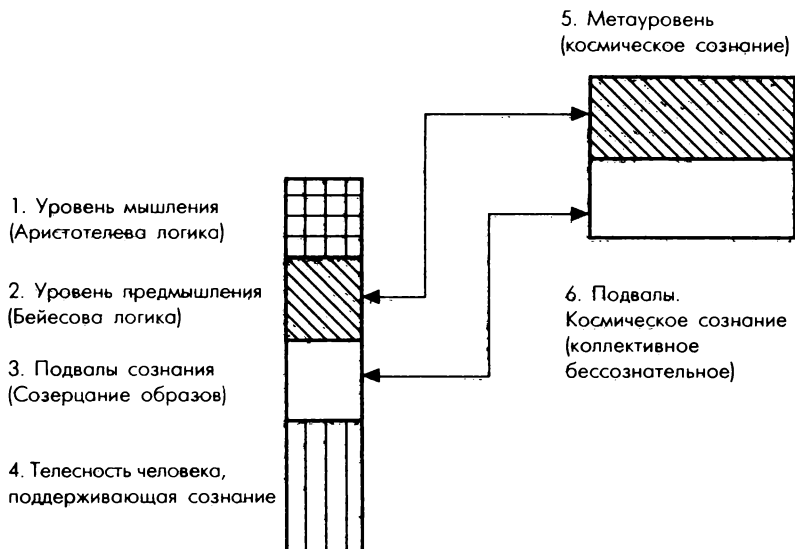
IV. Карта сознания

Природа сознания, в нашей системе представлений, имеет многоуровневую структуру. На приведенном ниже рисунке дана *Карта сознания*.

Верхний уровень — это уровень *логического* (Аристотелева) мышления, выполняющего разъяснительную функцию в процессе коммуникации. Второй уровень — область *предлогического* мышления. Здесь вырабатываются исходные посылки, которые потом (на верхнем уровне) осмысливаются Аристотелевой логикой. Это уровень творческой активности. Нашей задачей является раскрытие *вероятностной, или, точнее, бейесовской* логики, действующей на этом — втором уровне.

Второй уровень поддерживается *подвалами* сознания, где мы встречаемся с архетипами и созерцаем образы. Вся структура в целом опирается на *телесный* уровень, где действуют нейропептиды. Таким образом, мы полагаем, что не только мозг, но и само тело является частью сознания. На карте показано, что сознание является открытой системой: оно открыто *трансперсональному* уровню — *космическому* сознанию (или ноосфере, иначе — гностической Плероме), поддерживаемому защитным слоем коллективного бессознательного, где, в терминах Юнга, архетипы действуют как ключи. Именно на этом *космическом* уровне происходит спонтанное порождение импульсов, несущих творческую искру.

Карта сознания

V. Объясняющая сила модели

Вероятностная логика позволяет нам по-новому увидеть мир семантических явлений³.

1. Модель обыденного языка. Почему мы понимаем друг друга, когда говорим на языке, слова которого полиморфны? Как, например, русские угадывают тот или иной, относящийся к данной фразе, смысл английского слова «set», если в большом англо-русском словаре его значение разъясняется через 1816 слов? Ответом на подобные вопросы явилась наша книга [Налимов, 1979; Nalimov, 1981]. В ней было показано, что понимание осуществляется посредством возникающего фильтра — $p(y/\mu)$, сужающего смысл слова в ситуации, задаваемой контекстом y . Отсюда и наша способность понимать, строго говоря, бессмысленные фразы.

³ Ради удобства читателя в этом параграфе повторяется то, что в расширенном варианте изложено в книге [Налимов, 1989].

Однажды на двери официального Бюро переводов я прочитал такую фразу: «Из-за отсутствия переводчиков переводы будут выполняться в минимальный срок 7–10 дней». Здесь контекст, окружающий слово «отсутствие», заставляет нас выбрать фильтр, позволяющий понять, что речь идет не об абсолютном отсутствии переводчиков, а об их нехватке.

Бейесовская логика позволяет нам понять и процесс расширения смысла слов путем создания двухсловных терминов. На наших глазах таким вновь отчеканенным термином оказалось словосочетание *искусственный интеллект*, которое одно время многим представлялось семантически противоестественным, поскольку оно объединяло как бы два принципиально разных начала. В нашей системе представлений этот термин надо рассматривать как задаваемый двухмерной функцией распределения $z = p(\mu_1, \mu_2)$, раскрывающей корреляционную связанность двух вероятностно упорядоченных структур. Мы в наших последних работах ввели двухмерный термин — *силлогизм Бейеса*, связывающий остававшиеся несвязанными термины. Отметим здесь, что в Древней Индии для раскрытия смысла слова широко использовалось приписывание ему длинных синонимических рядов.

2. Понимание текстов. Понимание текстов, так же как и понимание отдельных слов в тексте — это всегда творческий процесс.

Текст — любой текст — должен быть приближен к человеку, иначе он будет отторгнут, может даже вызвать агрессию. Приближение текста к себе всегда достигается порождением соответствующих фильтров.

Понимание — это всегда *перепонимание* того, что уже ранее как-то было понятно — *распаковано* на семантическом континууме. Понимание — это не только гносеологический, но и онтологический процесс: вновь обретенные смыслы *создают* новые условия бытия. Вспомним историю Европы — в течение двух тысячелетий шла непрерывная *реинтерпретация* исходных христианских текстов. Возникали новые движения, новые церкви, новые секты, вспыхивали религиозные войны. В старой России была даже секта скопцов (кастратов) — ее появление можно объяснить редукцией смыслового поля до иглоподобного фильтра типа δ -функции (в сознании ее адептов). И сам марксизм, с его устремленностью к крайним формам социальной упорядоченности, разве не является одной из реинтерпретаций все тех же древних текстов?

3. Творчество — это распаковывание того, что оставалось еще не проявленным на семантическом континууме, скрытым за малым вероятност-

ным весом. Новые смыслы обретают большую вероятностную меру, прежние меркнут. Это всегда — забегание вперед, вызов, часто — бунт. Это всегда — спонтанное озарение, и потому здесь все непонятно для постороннего наблюдателя. Вспомним, как возникли неевклидовы геометрии: почему сам Евклид, величайший геометр, не видел, что его структура не работает на сфере? Почему понадобилось две тысячи лет, чтобы пятый постулат потерял свое безусловное значение? Почему озарение почти одновременно коснулось нескольких математиков? Почему у Гаусса не хватило смелости опубликовать свою работу, а публикация Лобачевского долго оставалась без отклика? Вспомним здесь еще и знаменитого французского математика Э. Галуа, погибшего на дуэли в двадцатилетнем возрасте. В ночь перед дуэлью он проверял свою рукопись, отклоненную Академией наук, и написал письмо другу с кратким изложением своих идей. Он не был понят тогда, потому что отвечал на *не поставленный еще вопрос*. Лишь позднее математики оказались готовыми осмыслить всю серьезность сделанного им. Да, здесь хотя и идет речь о математике, но все выглядит так, будто бы перед нами раскрывается мифологический сюжет.

4. Логика нелогичного. Некоторые наши представления легче воспринимаются, будучи сформулированными на языке вероятностной логики. логики. Иллюстрируем сказанное несколькими примерами.

1) **Свобода воли.** Еще Гегель обратил внимание на то, что идея свободы в большей степени, чем какая-либо другая, подвержена «величайшим искажениям». И действительно, западная мысль, в соответствии с требованиями дихотомического разбиения, всегда и, конечно, тщетно пыталась отделить собственно свободное поведение от детерминированного. В вероятностной логике в этом нет необходимости. Силлогизм Бейеса позволяет свободно генерируемому фильтру $p(y/\mu)$ взаимодействовать с детерминированной составляющей $p(\mu)$, порожденной всем прошлым культуры, воспитанием и пр. Таким образом, при возникновении всякой новой ситуации у происходит мультипликативное смешивание предначертанного (судьбинного) начала со свободой выбора — спонтанным началом⁴.

⁴ Из сказанного здесь следует, что представление о свободе на глубинных уровнях сознания обладает большей ясностью, чем на уровне Аристотелевой логики. Это было подтверждено и нашими медитационными экспериментами [Налимов, Дрогалина, 1995].

2) *Нирвана* — одно из труднейших для нас восточных понятий. Устремленность к нирване — это стремление к сглаживанию кармически заданной селективности в системе ценностных представлений. Нирвана достигается, когда $p(\mu)$ вырождается в неусеченное (устремляющееся в бесконечность) прямоугольное распределение. При этом, в силу условия нормировки, отрезок, отсекаемый по оси ординат прямой, задающей это распределение, будет стремиться к нулю. Строго говоря, само представление о функции $p(\mu)$ в этом случае теряет свой смысл, и порождение любого фильтра $p(y/\mu)$ также становится лишенным смысла. Индивидуальность аннигилируется, она превращается во все, или в ничто. Смыслы исчезают вследствие утраты селективности в их оценке. Семантический континуум возвращается в свое исходное — нераспакованное — состояние. Так открывается возможность *трансценденции* — выхода в деперсонализированное Космическое сознание, лишенное земных смыслов. Это уже мир небытийного Бытия. Сказанное здесь заставляет нас вернуться к проблеме сознания.

3) *Парадоксальность свободы*. Для человека, находящегося в состоянии абсолютной свободы (то есть свободы от всех привязанностей), теряет смысл само понятие свободы. Какой смысл говорить о свободе выбора фильтра $p(y/\mu)$, если $p(\mu)$ вырождается в равномерное распределение с ординатой, стремящейся к нулю?

4) *Три модуса времени*. Прошное, Настоящее и Будущее. Хорошо известно высказывание Хайдеггера о неразложимости времени по трем его модусам [Heidegger, 1972]. Для него Прошное — это не то, чего уже нет, но то, что постоянно присутствует в Настоящем и определяет собой как Настоящее, так и Будущее. Модус Будущего у него — это «забегание вперед», именно сосредоточенность на Будущем дает «здесь-бытию» подлинность существования. Эти представления Хайдеггера легко эксплицируются на вероятностном языке. Положим, что $p(\mu)$ — ценностная ориентация, порождённая Прошлым; $p(y/\mu)$ — вопрос, обращенный из Будущего к Прошному в связи с возникшей в Настоящем проблемой y ; $p(\mu/y)$ — ответ, раскрывающий вновь возникшую ценностную ориентацию. Свобода воли осуществляет выбор из Будущего, существующего только в нереализованной потенциальности. Будущее приобретает возможность действовать на Настоящее через изменение тяготеющего над ним Прошлого. Мы можем говорить о *сейчасном* существовании Прошлого и

Будущего, ибо в нашей модели в Настоящем Прошлое свертывается по Будущему.

5. О возможности возникновения существенно иных культур. Представьте себе, что в семантически насыщенном пространстве возникают локальные волны, перемешивающие точки пространства. Наглядно и несколько упрощенно это может выглядеть так: лист бумаги, на котором изображена функция $p(\mu)$, мы разрезаем на полоски, параллельные оси ординат; перемешиваем эти полоски и склеиваем их в случайно образовавшемся порядке. После такой операции, носящей теперь уже топологический характер, кривая $p(\mu)$ предстанет перед нами как существенно *негладкая*. И если нам придется встретиться с человеком, обладающим таким «рваным» сознанием, то мы, вероятнее всего, решим, что он страдает психическим расстройством, хотя, может быть, он окажется носителем существенно другой культуры, случайно попавшим к нам. О возможности существования иных Вселенных можно говорить не только в мире физических проявлений (когда меняются числовые значения безразмерных фундаментальных констант), но и в мире семантическом (когда происходит *переупорядочение* смыслов на числовой оси).

6. Аномалии в восприятии текстов. Не все изначально заданные смыслы открыты всем в равной степени. Когда рождается ребенок, его сознание выглядит как почти гладкая прямоугольная функция распределения $p_o(\mu)$. Селективности еще нет, но он готов к ее созданию, воспринимая поступающие к нему фильтры $p(y/\mu)$. Но возможны аномалии. В гладкой по своей природе исходной функции $p_o(\mu)$ могут оказаться «черные дыры» (участки с ординатами, равными нулю). Так, возможно, появляются дети-дебилы, не способные воспринимать нашу культуру. Среди наших коллег также есть люди, в мировоззренческом плане абсолютно не способные выйти за пределы, например, позитивизма (или примитивного материализма), а в социальном плане — видеть мир свободным, не погруженным в тоталитаризм. Что-то похожее происходит и в цветовом восприятии физического мира — там есть дальтоники, не способные различать все цвета на отведенной нам электромагнитной шкале. И в то же время никто из нас не может выходить за пределы, установленные этой шкалой, хотя это доступно, скажем, пчелам.

(Налимов В.В. Разбрасываю мысли. М., 2000. С. 13–22)

Текст дан с небольшими сокращениями.

Критика исторической эпохи: неизбежность смены культуры в XXI веке⁵

В поисках смыслов

Западную культуру, уходящую корнями в Средиземноморье, прежде всего можно охарактеризовать как страстную постоянную устремляясь к *новым смыслам*. В других известных нам культурах не было столь напряженного перманентного поиска. И все же вряд ли можно говорить о реализации некоего *назначения истории* — ведь цель поиска осталась незаданной. Может быть, он был направлен на расширение горизонтов сущего? Но кто может это понять и кто может объяснить, почему западной культуре выпал жребий непрестанного искания нового, которое может оказаться не только нелепым и бессмысленным, но даже жестоким и беспощадным. Наш век дал зловещие примеры — фашизма и большевизма, жатва которых объемлет миллионы погибших в прошлом и обернется миллионами неродившихся в будущем.

И еще одна существенная характеристика — поиск нового в мире смыслов сопровождался упорным противостоянием *многообразию*, что противоестественно, поскольку в мире живого царит многообразие, являющееся творческим принципом биосферы, который нарушается теперь вмешательством человека, слепо верящего в «научно-технический прогресс».

Портрет западной культуры

Теперь попытаемся представить *облик* нашей культуры, которая столь же несуразна и непоследовательна, сколь многообразна и многогранна.

Начнем с **религии** — организующего начала общества.

Христианское миропонимание, лежащее в основе западной культуры, создало мощное движение, динамичное и достаточно агрессивное. Первые усилия — создание института Церкви — вытеснили в подполье свободную религиозно-философскую мысль — гностицизм, в силу своей архетипической природы пробивающийся на поверхность сквозь догматические толщи даже и в наши дни. Апокрифические Евангелия, найденные в Наг-

⁵ Впервые опубликовано Вопросы философии. 1996. № 11. С. 65–74.

Хаммади, промолчав века, заговорили в XX в., преодолев запреты раннехристианских цензоров. Получается, что «самиздат» — подпольная форма культуры — неистребим, так как движим рефлексом свободы. Академик И. П. Павлов утверждал, что рефлекс свободы отсутствует у слабых животных. Если позволить себе экстраполяцию, то можно сказать, что без «еретиков» развитие культуры остановится. Возможно, поэтому ереси продолжали развиваться. Возникла инквизиция («розыск»), или, другими словами, тайное судопроизводство с применением пыток⁶. В букете христианского многообразия оказались и Крестовые походы, и несправедливый суд над Тамплиерами в Париже⁷, и религиозные войны во имя социальной справедливости. Здесь же Реформация и противостояние ей — контрреформация, и резня Варфоломеевской ночи. В религиозной истории России мы увидим немало аналогий, среди которых судьба «нестяжателей», раскольников и самой Церкви во времена разных идеологий. И все происходило под именем Христа.

Но было и другое, совсем другое. Возникла философская мистика (вспомним хотя бы Мейстера Экхарта), углубленная практика монастырской медитации, монастырские библиотеки, наука. Строились удивительные храмы — «дымные громады» Кёльна, Шартра, Монсегиора...

Возникла алхимия — предтеча науки. Возник Ренессанс, определивший резкое изменение культуры, торжество антиклерикализма. Возникла освобожденная в значительной степени философская мысль. И все же развитию науки долгое время противодействовала Церковь (основополагающее учение Коперника было под запретом Ватикана с 1616 по 1825 гг.). Вспыхнула Великая французская революция, которая принесла освобождение от феодально-абсолютистского порядка, поддерживаемого религией. Наполеон I — что бы о нем ни говорили — завершил революцию, создав действующий французский гражданский кодекс. Как это откликнулось это даже в России. Помню, в моей юности русская интеллигенция с уважением относилась к Наполеону и часто можно было встретить в домах небольшие его бюсты.

⁶ В XX в. дикая форма суда повторяется во имя новой веры — большевистской.

⁷ В 30-е годы русский отряд Тамплиеров (Восточный) был окончательно уничтожен в России. Правда, их не жгли, а всего лишь расстреливали; иных отправляли в лагерь — они назывались исправительными [Налимов, 1994].

Даже такой краткий перечень событий — утомителен, но он важен, чтобы показать, как раскрывалась западная культура.

Да, непрестанно шел поиск новых *смыслов*: с одной стороны — в плане религиозном — часто омрачавшийся пролитием крови; с другой — в плане логической отточенности мысли — охватывавший философию и науку. Вслед за наукой развивалась техника.

В целом миропонимание замкнулось на искусство. Именно оно в прошлом создавало *образ культуры* во всей ее полноте. По-видимому, все культуры прошлого дошли до нас через образы. В наши дни искусство переплелось с *техникой* с невиданной ранее силой. Образ культуры стал определяться развитием техники: города, устремленные в небо, изысканные автомобили, невиданные в природе формы самолетов, другие *транспортные средства*, создаваемые как художественные произведения; радио и телевидение: нам открывается возможность видеть весь мир, *сидя в кресле*, но при этом естественные переживания заменяются каждодневными переживаниями на экране; разум оказался готовым отдать себя *компьютеру*; сознание начинает становится излишним — зачем оно, если все есть на экране?⁸

Техника начала разрушать природу и открыла возможность проливать *больше крови* в жестоких сражениях. Непрестанное совершенствование оружия гипнотизирует — соблазн воспользоваться им становится неудержимым. В войнах XX века было пролито неизмеримо больше крови, чем когда-либо ранее.

Здесь со всей отчетливостью проявляется моральная недостаточность.

Проповедь любви в ее высшей форме прозвучала у истоков христианства. Но как могло случиться, что любовь, и более того — любовь к своим врагам, не заставила Церковь встать на путь пацифизма? Здесь хочется привести высказывания известного теолога Нибура [1994]⁹:

Христианская вера должна убедить нас в том, что политические конфликты представляют собой столкновения грешников, а не праведников с грешниками {с. 154}.

⁸ В нашей книге [Налимов, 1993] глава X посвящена критике оснований культуры. Параграф 15 называется «Покорение человека техникой». В нем рассматриваются позиции М. Хайдеггера, Х. Ромбаха, Ж. Эллюля. Критика эпохи становится новым философским термином.

⁹ Райнхольд Нибур (1892–1971) — американский протестантский теолог, представитель диалектической теологии.

Далее он говорит:

...знание божьей воли вовсе не гарантирует способность и готовность ее исполнять (с. 159).

Примечательно и само название этой статьи: «Почему Церковь не стоит на позициях пацифизма?»

Но тогда в чем же смысл Нагорной проповеди?

И еще одно замечание. В канонических Евангелиях явно прослеживается анархическая тенденция — Христос отказывается от власти. Но при этом Апостол Павел в Послании к Римлянам говорит:

13.1. ...ибо нет власти не от Бога.

Такое обожествление всякой власти — даже преступной — трудно воспринять.

А теперь обратимся к высказываниям современного православного богослова А. Кураева [1994], которые звучат, пожалуй, вызывающе:

Апостолы, выйдя на проповедь о Христе, не пересказывают (ни разу!) «Нагорную проповедь». Они говорят об одном: Он умер за наши грехи и воскрес, и в Его воскресении — надежда нашей жизни (с. 12). ...в нравственной проповеди Христа просто нет ничего нового! (с. 14) Любая система, которая не в состоянии пояснить уникальный смысл Креста, не является христианской (с. 16).

Проститутке у «Метрополя» проще войти в Царство Христово, чем гималайскому отшельнику (с. 53).

Я привел разные высказывания, чтобы показать, что по прошествии двух тысяч лет не возникла согласованная стройность христианского сознания, а следовательно, и поведения¹⁰. Исключение, пожалуй, составили толстовцы, принявшие Слово Божие к исполнению и не отказавшиеся от Него даже в ГУЛАГовских условиях. Я их видел на Колыме.

Казалось бы, **философия** должна была стать одной из существенных составляющих культуры. Но что мы имеем?

В Европе философия развивалась достаточно интенсивно. Однако мог ли кто знать ее во всей полноте — ученый, политик, военный, монах, клирик,

¹⁰ И понятно, почему. Это хорошо объяснил, в частности, М. Мамардашвили [1995]:

Вся цивилизация, вся культура, все христианство — это сказки, выдумки, ерунда в той мере, в какой это не вырастает из души каждого. Вера в Христа не имеет никакого значения, если ты не породил заново образ Христа, идя из глубин своей темноты (с. 89).

обыватель? Естественно, нет. А это означает, что в европейской культуре не происходило того, что было свойственно, например, Древней Греции, где философские смыслы были достоянием сознания греков.

Правда, однажды философия прорвалась в жизнь страны, принадлежащей европейскому ареалу, — марксистское гегельянство в России, соблазнившее и Западную Европу. Но это было, скорее, незнанием философии¹¹.

Серьезные попытки осмысления человека в его бытии были сделаны экзистенциализмом, но где отклик на его усилия? Философия жизни оказалась нераскрытой. В наши дни создается впечатление, что философия изжила себя. Этой теме посвящен целый ряд публикаций [Baynes et al. (eds.), 1987], [McCarthy, 1992], [Налимов, 1993].

Наиболее цитируемые американские философы набирают свыше 500 ссылок; европейские — до 1000, и один из них — Ж. Деррида — до 2000.

В данном контексте существенно отметить, что американская университетская философия (и психология) не пожелаали заметить возникшее в стране направление — *трансперсональную психологию*, которая пытается осмыслить природу человека вне рамок позитивизма.

Сказанное здесь свидетельствует о том, что философская мысль не влияет на современную культуру даже в США, где имеется целая «армия» философов.

Искусство (и особенно музыка) является существенной составляющей нашей культуры. Оно пробуждает заложенную в человеке энергию, врачует его («гармонии таинственная власть»), включает в творческий процесс, благодаря которому человек воссоздает самого себя из глубин коллективного опыта. Искусство по природе своей *мистерияльно* — обращено к глубинам человеческой психики, и поэтому сила его воздействия неисчерпаема, как неисчерпаемы смыслы метафор и образов, средствами которых оно выражает себя.

Но искусство непрерывно угнетается то идеологией, то цензурой, то финансовыми обстоятельствами. А государство никак не стремится поверить, что оно, искусство, — одна из самых эффективных форм просвещения и воспитания *гражданина*.

¹¹ Иначе свалившиеся на нас беды не были бы столь сокрушительными. Не обрели практического значения и учения об этике, разработанные выдающимися авторами — И. Кантом, М. Вебером, П. Кропоткиным, Л. Толстым.

Здесь же следует упомянуть и *спорт* как одну из форм искусства, почившуюся и великими философами древности, которые не просто отдавали должное Олимпийским играм, но и участвовали в них.

Однако благородные идеалы искусства с трудом выдерживают натиск «золотого идола», который разрушает культуру и возвеличивает деньги, — *доминирует не смысл, а цена.*

Наука — один из основных аспектов современной культуры, так, по крайней мере, принято считать. Но так ли это на деле? Человек, не имеющий к ней прямого отношения, воспринимает ее только через технические достижения. Собственно науку он не знает — не умеет научно мыслить. Но что значит «научно мыслить»? Можно ли сказать, что математик или физик-теоретик мыслит так же, как биолог или, скажем, философ?

Наука научила нас мыслить, обращаясь к концептуальному многообразию. Это значит, что мы способны воспринимать Мироздание через множество противостоящих представлений, не пытаюсь отыскать единую безусловную истину. Нельзя не согласиться с высказыванием американского философа П. Фейерабенда [1986].

Пролиферация¹² теорий благотворна для науки, в то время как их единообразие ослабляет ее критическую силу (с. 166).

Научное мышление в нашей стране оказалось противостоящим мышлению церковному, политическому и, пожалуй, философскому. Но всегда ли научное мышление присутствует в самой науке? Однако это отдельная большая тема — «Научна ли наука?»

Несколько слов об отношении к науке — о сомнении в ней. Создает впечатление, что в наши дни люди устали от серьезной мысли Достаточно отчетливо обозначилось противостояние науке в США. Сошлемся здесь на две статьи, опубликованные в престижной американской газете The Scientist, издающейся в Филадельфии [Hoke, 1995], [Lederman, 1995]. Из публикаций следует, что в Конгрессе США ведутся дебаты по снижению расходов на научные исследования. Но лидирует наша страна — в период 1985–1995 гг. по сопоставимым ценам расходы на научные разработки, по различным подсчетам, уменьшились в 15–18 раз [Известия, 10 ноября 1995 г.].

¹² Пролиферация — разрастание путем многообразия.

Другой аспект, приходится наблюдать, как выпускники университета, тея критичизм, занимают позиции креационизма¹³ или, к примеру, погружаются в астрологию, которая не есть ни наука, ни религия [Хоувелл, 1994]. Это всего лишь два примера из обширного списка «странного».

Удивительно, что антинаучность возникает циклично¹⁴. Вихри разномыслия бушуют в нашей культуре, которая не просто динамична и циклична, но и с трудом понимаема с позиций критически мыслящего человека. Глубокое прошлое, таящееся в человеческом сознании, временами бунтует, извергаясь лавой и пеплом.

Нельзя не остановиться и на таком вопросе, как критика науки. В плане мировоззренческом наука воспринимается прежде всего как устремленность к расширению горизонтов познания и представлений о Мироздании.

С физическим образом Вселенной наука как-то справляется. Горизонты физического мира непрерывно расширяются. Но до сих пор не удалось связать мир физический с миром семантическим. Такая необходимость давно назрела — это признают и философски настроенные представители физической науки [Налимов, 1993].

Нам так и не удалось пока понять природу сознания человека — наука, опирающаяся на механистическое миропонимание, не позволяет заниматься этой темой, по крайней мере так, как она того заслуживает. Однако проблема *сознание-материя* стала одной из основных мировоззренческих проблем наших дней.

Наука, разрушившая наивные (религиозные) представления о противостоянии *жизнь-смерть*, не нашла иного — нового — решения. За все время существования человека наша культура оказалась единственной, не сумевшей осветить эту тему. В результате она потеряла возможность выполнять свою основную функцию — служить *терапией*, поддерживать психическое и духовное здоровье общества.

¹³ Американский автор Г. Моррис считает креационизм научным подходом [1990].

¹⁴ Например, американский автор Ф. Хоук пишет [Hoke, 1995]:

Г. Холтон — профессор физики и истории науки в Гарвардском университете — утверждает, что иррациональность является цикличной и периодически возникает в Новое время, ведущее отсчет, по крайней мере, от романтического мятежа на исходе XIX века (с. 1).

И еще — утраченными оказались и морально-этические основания. Что касается техники, то она наступает на нас державным шагом. Это своего рода Эгрегор¹⁵ — *самостоятельное надличностное образование*, захватившее человека, подчинившее его себе. Я хорошо знаю технику — большую часть жизни я служил ей. моя ученая степень — доктор технических наук. И хотя я предпочитаю писать ручкой на листе бумаги, однако трудно стало обходиться без компьютера, принтера и всех тех технических средств, которые обслуживают интеллектуальный процесс.

Техника обеспечивает занятость, а следовательно, и деньги и комфорт. Все внеденежное в наши дни теряет смысл. Семантическая насыщенность сознания начинает задаваться телевизором и компьютером. Один умный философ сказал, что «личность — это те смыслы, которыми она наполнена». Именно так! А что мы видим? Если провести убийство-метрический анализ фильмов, преобладающих на наших экранах, то доминирующие частоты в ранжированном списке ключевых слов наверняка «стяжают» слова, относящиеся к различным формам насилия. Понятно, почему это так. Телевидение ориентировано на массовую аудиторию, это привлекает рекламу, последняя приносит деньги, а значит, зрителя у экрана надо держать. Но ведь зритель это в первую очередь человек! И уродливые смыслы уродуют личность. Разрушение личности ведет к разрушению страны. Древние воспитывали героев, чтобы процветал народ.

Техника, будучи самостоятельной силой не поддается контролю со стороны человека, общества или Земли. Она сравнима с инфекционным заболеванием — носители болезни тоже развиваются, не заботясь о своем пристанище.

Природа и Земля в целом, включая человека, интенсивно разрушаются, несмотря на все разговоры об экологии. Разрушается и сообщество землян — непрестанно совершенствуемое оружие создает соблазн его применения сознание, привыкшее к насилию, готово использовать войну в достижении своих целей, забывая о том, что они (цели) разрушают и само сознание, которое в такой ситуации уподобляется «сознанию» микроба, разрушающего свое пристанище.

В этом контексте нельзя не отметить также угрозу, исходящую и от вооруженного терроризма любого толка, и от бандитизма. Значительный

¹⁵ Термин заимствован из книги Д. Андреева [1995].

процент взрослого населения нашей страны и США содержится в тюрьмах за преступления [Известия, 7 декабря, 1995 г.].

Развитие техники привело также и к тому, что государственный аппарат попадает в руки к бандитам. Это стало серьезной проблемой политических структур различных стран. В гоголевской России чиновники тоже были взяточниками, но нынешнее издоимство в сочетании с оружием угрожает самому существованию общества.

Резюмируя этот раздел, можно сказать, что развитие техники, увеличивает насилие во всех проявлениях жизни. Отметим, что телевизор и компьютер есть тоже насилие, хотя и скрытое. Но поскольку все в жизни имеет предел, то есть предел и насилию — экспоненциальный. Рост приводит к разрушению условий, в которых он осуществляется и заставляет-таки изменить то, что давно нуждалось в переменах.

Анархизм, с которым я связан с ранней юности [Налимов 1994] обретает теперь новое звучание. Хочется напомнить слова А.А. Борового (анархиста начала века) о том, что анархизм — не какая-то социально-политическая структура, а *мировоззрение*. В него следует *вдумываться*, а не поносить, потому что его изначальный преобладающий смысл состоит в *праве личности сопротивляться насилию в любой его форме и защите права на свободу решений во всех сферах бытия — личной, социальной, научной, духовной*.

Что такое культура? Культура имеет множество функций и столь многофакторна, что не поддается одномерному определению. В первом приближении можно было бы ее определить как *социальную терапию*. И если это так, то культура наших дней находится в тяжком долгу перед современным человеком. Ее ключевые смыслы, заключенные в *Вере, Науке, Искусстве*, не действуют в коллективном сознании. Историки будущего, возможно, не затруднятся определить нашу культуру, в которой командуют машина и деньги, как «культуру машины» и как «культуру денег».

Развитие техники¹⁶ и распространение ее по планете породило некий вариант глобальной культуры, в которой могут возникать взаимоисключающие проблемы. Например, проблема народонаселения: с

¹⁶ Многие серьезные авторы утверждают, что именно техника порождает науку, а не наоборот [Roy, 1992].

одной стороны, наблюдается перенаселение планеты за счет малоразвитых стран, с другой — в России, например, происходит угрожающее сокращение населения. Смерть превышает рождаемость [Известия, 24 декабря 1994]. Число умерших в 1993 г. превысило число родившихся на 805 тысяч человек [Известия, 2 февраля 1994]. Ежегодно в России официально регистрируется примерно 4 млн абортс [Известия, 24 апреля 1995]. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин сократилась до 57,3 лет. Прогноз звучит грозно [Немцов, 1995].

При пьянстве почти половины взрослых мужчин может оказаться, что некому будет вытягивать страну из нынешнего провала, не найдется достаточного количества здоровых людей для реализации здравых идей, в частности национальной (с. 77).

Это тяжкая расплата за потерю смыслов в культуре наших дней. Россия оказалась особенно ранимой. В этом ли безобразии ее величие?!

Как возможно появление новой культуры?

Вглядываясь в будущее, мы касаемся потенциального многообразия и осуществляем выбор, опираясь на ценностные представления прошлого. Это создает настоящее. При этом прошлое в нашей системе представлений — это судьбинная составляющая, а будущее — этическая, поскольку речь идет о выборе свободы воли. Об этом я много пишу в своих книгах, разрабатывая вероятностный подход [Налимов, 1989], [Налимов, Дрогалина, 1995]. Настоящее — это прошлое, свернутое по будущему, или судьба, преобразованная этикой выбора. Поэтому «впередсмотрящий» должен быть зорек, особенно в бушующих водах.

Я в потенциальном многообразии будущего позволяю себе «фантастический» выбор — как иначе я могу выразить надежду?!

На земле человеку стало тяжело. Слишком тяжел груз неизжитого прошлого, тяготеющего над ним и планетой. Дорога к новому завалена обломками, которые нам, похоже, не разгрести. Но Земля не единственное прибежище жизни и у «странников» миров, возможно, больше опыта...

Церковное мировоззрение отвергало инопланетную жизнь, полагая Землю центром Вселенной и не допуская возможности других космических убежищ для собратьев землян. Оно исходило из того, что по смерти

человек, если праведен, попадает в рай¹⁷, где пребывает в блаженстве — состоянии бытия в небытии, ибо там ничего не происходит.

Иная позиция была у гностиков, которые выражали свои представления о Мироздании намеками, создавая образ, а не доктрину, что с точки зрения целостности представлений важнее, поскольку образ свободен от редукции изложения, опирающегося на Аристотелеву, а не на вероятностную (Бейесову) логику.

Теперь рассмотрим поставленную здесь тему с широких метафизических позиций, обращаясь к предельной для нас грани бытия. Если мы готовы признать (хотя бы с некоторым сомнением) широкое распространение жизни во Вселенной, то естественно было бы допустить и возможность неограниченного бытия Человека в разных фазах развития, что будет соответствовать разным формам культуры. Развивая эту мысль дальше, естественно предположить, что различные планетарные культуры соединены воедино в *Космическое сознание*. Мы, земляне, становимся сопричастными этому сознанию лишь в моменты наивысших напряжений: в творческом порыве, равносильном полету -выходу за установленные пределы.

Завершение

Итак, наша задача — открыть путь Космическому сознанию. Этому мешает наша культура, в частности такие ее составляющие, как устаревшая догматизированность религии, излишняя логизированность (а потому и механистичность) науки, подчиненность технике, поклонение капиталу. Нужно было бы создать новую, сохраняющую критицизм, систему воспитания и образования. Хотя и затруднительно представить себе сейчас, как это можно было бы организовать¹⁸.

¹⁷ [Ренан, 1990]: Общая мечта выливалась в одном слове «рай», старинном слове, заимствованном еврейским, как и всеми восточными языками, у Персии и первоначально означавшем сады царей Ахеменидов: чудный сад, где будет вечно продолжаться та очаровательная жизнь, которая уже началась здесь на земле (с. 154).

¹⁸ В начале революции в России была сделана попытка подойти к пониманию Космического сознания, выразившаяся в движении *мистического анархизма* [Налимов, 1994]. Но большевистский режим отказался от дискуссии — проще оказалось одних расстрелять, других — отправить в лагеря. Да и жертвоприношение было не лишним, вполне ритуальным — кровью жертв удобрялась почва идеологии: демоническая мистика проверялась на практике и в России, и в Германии.

В других работах я уже писал об ожидании космического вмешательства в земные дела, теперь хочу воспроизвести частично этот текст [Налимов, 1994]: «В нынешней планетарной ситуации можно надеяться только на вмешательство космических сил» (с. 67).

Но здесь мало что можно сказать, так как мы стоим перед тайной. Обсуждая подобную тему, немецкий философ Мартин Хайдеггер говорил: «Только Бог еще может нас спасти».

Наша мысль, правда, звучит осторожнее. Нам кажется, что речь может идти не о буквальном пришествии Бога, а скорее всего о вмешательстве космических сил через реинкарнационное пришествие тех, кто побывал на Земле, а позднее в своих странствиях в мирах и веках оказался подготовленным к радикальному изменению ситуации Земли.

Нужен новый *ментальный* потенциал.

Нужны и *харизматические* личности, готовые его воплотить (там же, с. 68).

И это вмешательство — не наша фантазия. Так уже было на Земле, когда приходил Христос.

Взаимодействие с Космическим сознанием требует изменения сознания человека. И здесь перед нами встает насущная конкретная задача — реформа системы образования, и в первую очередь, высшего, которое из узкодисциплинарного должно стать *трансдисциплинарным* [Налимов, 1994]. Университетам надлежит готовить прежде всего интеллигентных людей, толерантных и свободных, ценностные представления которых согласуются с глубинным внутренним опытом человека, вбирающим опыт всего человечества — «всех времен и рас». Утрата такого опыта ведет к *экзистенциальной пустоте*, что мы и наблюдаем как *кризис культуры*.

Именно эти люди смогут осмыслить трагизм стареющей культуры, проложить пути в Будущее. Слияние Государства с Православием — это возврат в Прошлое. Невозможно, устремляясь вперед, двигаться назад. Марксистско-ленинское православие не изменит социальную ситуацию.

Проблема сознания — это проблема *новых* смыслов, которые настойчиво стучатся в дверь. И если не догадаться ее открыть, то они все равно ворвутся, уничтожив и саму дверь.

(Налимов В.В. Разбрасываю мысли. М., 2000. С. 43–57)

Текст дан с небольшими сокращениями.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
В.В. НАЛИМОВ: ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ	6
ВЕРОЯТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКА	19
СЕМАНТИЧЕСКАЯ ШКАЛА ЯЗЫКОВ	30
КОНТИНУАЛЬНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ И ПУТИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ С НЕЙ	41
Творческое озарение	43
Медитация	44
Гипноз	47
Сон	47
Биохимическое воздействие	48
Дзен-буддизм	48
Византийский исихазм	49
Построение внеязыковой коммуникации современными техническими средствами	49
ТАЙНА МИРОУСТРОЙСТВА	52
СМЫСЛОВАЯ ПРИРОДА ЛИЧНОСТИ	61
Эго	63
Метаэго	64
Многомерность личности	66
Гиперличность	67
СУДЬБЫ НАУКИ	72
СУДЬБЫ РОССИИ	79

НИЧТО. СМЕРТЬ. ДОСТОИНСТВО	90
ПОСЛЕСЛОВИЕ	97
ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	98
ФРАГМЕНТЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.В. НАЛИМОВА	99
Теория смыслов. Конструктивистские аспекты математической модели сознания	99
Критика исторической эпохи: неизбежность смены культуры в XXI веке	110

ФИЛОСОФЫ XX ВЕКА

*Отечественная
философия*

ЕЛЕНА ВСЕВОЛОДОВНА ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА

В. В. ЖАЛИМОВ

Художественное оформление,

разработка серии: *И. Лойкова*

Корректор: *О. Милованова*

Компьютерная верстка: *А. Алейникова*

Подписано в печать с оригинал-макета 15.03.2005.

Формат 60×90¹/₁₆, Бумага газетная.

Гарнитура Futuris. Печать офсетная.

Тираж 5 000 экз. Заказ № 1435

Издательский центр «МарТ»

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Темерницкая, 78

тел.: (863) 269-80-13, 240-86-48, 240-90-22

E-mail: mart@martdon.ru

Web: <http://www.martdon.ru>

Издательско-книготорговый центр «МарТ»

121059, Москва, ул. Брянская, д. 7, офис 312

тел.: (095) 241-59-91, 244-78-05, 243-51-58

E-mail: mart.m@astelit.ru

Изготовлено с готовых диапозитивов в АПП «Джангар»

358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245

ФИЛОСОФЫ XX ВЕКА

*Эзотерическая
философия*

А. Б. СМОЛИКОВ

КАРЛОС КАСТАНЕДА

Творчество Карлоса Кастанеды стало ярким феноменом XX века. Истоки этого феномена и учение, составляющее его содержание рассматриваются в этой книге.

Первая глава будет интересна всем, кто когда-либо слышал о Карлосе Кастанеде. В последующих главах речь идет об основных теоретических и прикладных идеях Кастанеды. Эти главы рассчитаны в основном на тех, кто глубоко интересуется различными мистическими учениями.

ФИЛОСОФЫ XX ВЕКА

*Эзотерическая
философия*

О. П. ЧИСТЮХИНА

БОРХЕС

Хорхе Луис Борхес — один из интереснейших мыслителей XX в., любитель парадоксов и интеллектуальных головоломок, глубоко оригинальная и своеобразная культурная личность, аргентинский писатель, получивший мировое признание и «воплотивший в себе сам дух прозы и идеологии творчества современности».

Библиотека и лабиринт, проблема смерти и бессмертия, творческая активность интеллекта и нравственная сила воображения — таковы основные темы борхесовской философии, отраженные в книги.

ФИЛОСОФЫ XX ВЕКА

*Отечественная
философия*

П. КАРЕЛЬСКАЯ

Л. Н. ГУМИЛЕВ

Л.Н. Гумилев — историк, философ, географ, этнограф — один из немногих российских ученых, получивших известность и популярность у широкого круга читателей. Вместе с тем многие его идеи остаются спорными в науке и порождают острую полемику. Это и теория этногенеза, и нетривиальные методы исследования, и введенное Гумилевым понятие «пассионарности».

Книга интересна тем, что в ней в обобщенном виде представлены основные научные интересы Гумилева, прилагаются фрагменты работ, вызвавшие острые дискуссии.

Книга предназначена как для профессионалов-философов, историков, этнографов, так и для широкого круга читателей.

ФИЛОСОФЫ XX ВЕКА

*Отечественная
философия*

С. Н. МАРЕЕВ

Э. В. ИЛЬЕНКОВ

Книга посвящена жизни и деятельности выдающегося отечественного философа советского периода Эвальда Васильевича Ильенкова. Автор книги С.Н. Мареев — ученик и единомышленник Э.В. Ильенкова — в живой эмоциональной форме знакомит читателей с его главными идеями, показывает оригинальность и своеобычность взглядов Ильенкова, вызывавших в свое время споры и дискуссии. Одна из глав книги посвящена существованию «школы Ильенкова» сегодня.

Книга предназначена для философов-профессионалов, студентов гуманитарных факультетов, а также для всех, кто интересуется историей российской философии.

M A P T

ISBN 5-241-00568-4

9 785241 005687